

Московский государственный университет
путей сообщения
Императора Николая II

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 2(55)

Март-Апрель

Москва
2016

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор)
Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответ-
ственный секретарь, к.пол.н., доцент), Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор),
Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор) Минералов В.Ю. (к.соц.н.)
Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

**ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура:** научный и социокультурный журнал //
М.: МГУ ПС (МИИТ), 2016. — Вып. №2 (55). — 137 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор ИС РАН

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Лебедев С.Н. Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы

Маркович Данило Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

Маршак А.Л. Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Миронов А.В.

Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Чупров В.И.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Шабров О.Ф

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

содержание

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

ВОРОНОВ В.В.	Правда, как принцип и идеал народной жизни трудового общества / However, as the principle and ideal of national life the labor of the society.....	7
МАКАРЕНКОВ В.В.	Феномен синергетики современного труда/ The phenomenon of synergy of modern labor.....	16

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

ЗУБКОВ С.А.	Роль профсоюзов ЕС в защите трудовых прав работников транспорта/ The role of trade unions in the EU labor rights of workers of transport.....	25
СЕМЧЕНКОВ А.С.	Обеспечение политической стабильности в документах стратегического планирования в сфере национальной безопасности России 2013-2015 гг. / Political stability protection in the documents of strategic planning in the Russia's national security area 2013 – 2015	37
ФЕЛЬДМАН П.Я.	Политика согласования интересов: концептуализация подходов к изучению феномена/ Interests coordination policy: conceptualization of approaches to the study of the phenomenon.....	47
ФИРСОВ А.В.	Политическая стабильность как фактор национальной безопасности государства/ Political stability as a factor of national security.....	57

АСПЕКТЫ

БОЛЬШАКОВА Ю.М.	Государственный сервис как социальный институт и как объект исследования/ State service as a social institute and as an object of investigation.....	64
СОКОЛОВА Т.Д.	Социально-политические факторы институционализации форм общественного контроля в России/ Socio-political factors of civil control institutionalization in Russia.....	72
РАЗИНКОВА О.И.	Социально-культурологический аспект проблемы жизни и смерти в современном мире/ The socio-cultural aspect of the problem of life and death in the world today.....	82

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

ЧЕРНОДЕД А.Б.	Костюм в культурологическом аспекте/ Costume cultural aspect.....	88
---------------	--	----

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

КОРНИЙЧУК М.С.	Культура доверия в современной организации/The culture of trust in the modern organization	95
ЭМИРБЕКОВА Э.Э.	Социокультурные измерения пространства личности/ Social and cultural dimensions of the space of the individual.....	105

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

ИВАЩЕНКОВА Н.В.	Профессиональный выбор современной молодежи и рынок труда/ Professional choice of contemporary youth and labor market.....	113
-----------------	--	-----

РЕЦЕНЗИИ

КАЛЬЧЕНКО А.Г.	Культура как существенный модернизационный потенциал (рецензия на монографию А.Л. Маршака, Л.В. Рожковой «Социокультурная модернизация»).....	123
КРАВЧЕНКО С.А	Актуальные проблемы провокации: новые риски в политике, культуре, коммуникациях (на книгу «Провокация: сферы коммуникативного проявления»).....	129

<i>КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.....</i>	<i>133</i>
<i>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....</i>	<i>135</i>

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

*ВОРОНОВ Виктор Васильевич,
д.соц.н., профессор,
ведущий исследователь
Института социологии РАН
viktor.voronov@du.lv*

Правда, как принцип и идеал народной жизни трудового общества/ However, as the principle and ideal of national life the labor of the society

Аннотация

В статье рассматривается философско-социологическая концепция правды, её бытийное основание – жизнеобеспечивающий труд, на основе концептуальных работ авторитетных ученых-марксистов В.Я. Ельмеева и В.Г. Комарова. Хотя в современной России коммунизм оказался вытесненным из научно-социальной сферы в сферу народного правдоискательства, в выводах утверждается жизненность его правды и осуществление в будущем.

Ключевые слова

Правда; жизнеобеспечивающий труд; коммунизм; Россия.

Abstract

The article considers philosophical and sociological concept of truth, its existential base – work to ensure the life and development, based on the conceptual works of reputable scientists-marxists V.Y. Elmeev and V. G. Komarov. Although in modern Russia communism was ousted from the scientific and social sphere into the sphere of people's search for truth, the conclusions approved by the vitality of his truth and the realization of communism in the future.

Keywords

Truth; work to ensure the life and development; communism; Russia.

В современных поисках национальной идеи и новой идеологической парадигмы в сфере воспитания без всяких на то оснований обходится постоянно присутствующий в народном менталитете императив – «правда, только правда». Вроде всем известно, что «нет ничего кроме правды». Однако, то, что известно, не значит, что оно познано (Г. Гегель). Не есть ли правда искомый основной принцип жизни народа, его надежд и его социального разума? Если «да», то в чем состоит эта правда, каково ее онтологическое основание? Таковы главные вопросы, которые требуют разработки социолого-философской концепции правды¹. В философии правда — то, что существует в действительности, соответствует фактам и объективным данным. Коррелирует с истиной, справедливостью, честностью. В русской народной ментальности правду ведать — стремление к осуществлению в жизни вечных наших ценностей («укорененных в Божией правде и в том опыте жизни, который, несмотря на все консервации и модернизации, оставался для России константой»)²: справедливости, свободы, солидарности, соборности (коллективизма), самоограничения, нестяжания, патриотизма, любви, верности.

Сегодня, как никогда, востребованы не только «правда – истина», но, главным образом, «правда – справедливость», правда жизни. В отличие от категории «справедливость», имеющей морально-правовое содержание, категорией «правда» характеризуется реальная жизнь, а не только сфера социального разума. Правдиво ли, разумно ли все то, что существует в действительности, особенно в нашей жизни – вот вопрос, поставленный еще Гегелем, на который мы должны ответить.

Вопрос не простой. Например, на наших глазах социальная и экономическая действительность теряет в России черты разумности. Разве можно говорить о разумности того, что 23 миллиона наших граждан оказались за чертой бедности, о разумности преступности, воровства, коррупции, захлестнувших страну. Разве можно все это оправдывать, в том числе и от имени науки, как это ныне нередко происходит. Можно сказать, что балом стала править злонамеренная

¹ Комаров В.Г. Правда: онтологическое основание социального разума. СПб: Изд-во СПбГУ. 2001. 554 с.

² РПЦ составила список вечных ценностей. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/622029/cat/42/>. (режим доступа: 26.01.2016).

и идеологическая ложь. Однако, как верно пишут отдельные авторы, «правда пиаром не побивается. Она все равно возьмет свое»¹.

Неразумность действительности столь очевидна, что более правдоподобным будет вывод, противоположный тому, на котором некогда настаивал Гегель: ныне что неразумно, то действительно, а что действительно, то неразумно.

Главная причина всего этого – не просто в нашей неразумности, а в иррациональности самой сегодняшней практики, нашего общественного бытия. Эта причина – в охватывающем весь мир и страну товарном фетишизме, к которому ныне присоединился еще и информационно-коммуникативный, компьютерный фетишизм. Бытийная ложь товарно-рыночной жизни порождает и ложь ее теоретических «испарений». Люди, в том числе и теоретики, попадают под власть и внушения социальных кажимостей, превращенных форм, которые неким мистическим туманным «покрывалом» закрывают действительную сущность истинного человеческого бытия. Об этом предупреждал И. Ефремов в своей социально-философской антиутопии о безнравственной цивилизации: «Странное общество планеты...не думало о том, как облегчить жизнь каждого человека, сделать его спокойнее, добрее, счастливее. Все лучшие умы направлялись только на удешевление производства, на умножение вещей – людей заставляли гоняться за вещами и умирать от духовного голода ещё раньше физической смерти».² При этом низкие цены на товары массового производства выступают в роли «тяжёлой артиллерии», с помощью которой капитализм сокрушает твердыни «варварства». Под угрозой вымирания он принуждает нации принять буржуазный способ производства. Уступая этому давлению, они впускают «цивилизацию» наживы в свои пределы, и таким образом сами делаются буржуазными. В итоге капиталисты создают мир на планете по своему образу и подобию.³ В итоге все, что на деле, в своей сущности не может быть товаром (достоинство, счастье, свобода, честь, совесть), превращается в товар, в предмет купли и продажи. Создаются иллюзии, будто материальный жизнеобеспечивающий производительный труд становится ненужным, будто знания, информация сами по себе, без этого труда, создают стабильность и богатство,

¹ Сулакшин С. 15 лет с Путиным: надежды, откровения, разочарование. [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1535720/> (режим доступа: 24. 04. 2015).

² Ефремов И. Час Быка. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. С.330.

³ Сакс Дж. Заметки о новой социологии экономического развития. В кн.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под. ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа полит. исследований, 2000. С. 83-84.

будто человечество уже вступает в форму общества без экономики (некое «постэкономическое общество»), будто достаточно войти в интернет, чтобы оказаться в новом информационном обществе с новой сетевой структурой, устраняющей трудовые, общественные отношения людей и социальных групп, то есть социально-классовые отношения превращаются в компьютерную, информационную сеть.

К названной объективной причине следует добавить и субъективную – наличие значительного числа людей (идеологов и трансляторов их идей), которые только тем и занимаются, что придают превращенные и искаженные «смыслы» и «значения» действительным явлениям социальной жизни. Их деятельность сводится к тому, чтобы представлять жизнь других, играть их роли, быть действующими лицами и исполнителями разыгрываемых жизненных драм. Это – верховная власть, чиновники государственного аппарата и представительных органов, выступающие от имени общества, лидеры разных политических партий, писатели и актеры, искаженно представляющие реальную жизнь в книгах и на сценах театров, в телевидении, на радио. Эти феноменологические процедуры, когда одно подставляется вместо другого, причем по меркам своей «колокольни», составляет другую причину существования лжи. Очевидно, что идеологи, оправдывающие процесс рыночных реформ в стране с конца 80-х годов XX века, заявляющие, что «иного не дано», не могут претендовать на научность и истину. Скорее они – противники разумного, научности, объективной истины. Массовое засилье товарно-фетишистских иллюзий и предрассудков обыденного сознания свидетельствует о том, что из миллионов голов народа страны выброшены не только социалистические идеи, но и скольконнибудь систематические мысли вообще, связывающие «концы с концами». В ходе этой мнимо очистительной операции открылся достаточно простой выбор – плоский конъюнктурный дискурс, замещающий глубокий анализ, основательные размышления и, таким образом, как бы избегающий опасности идеологизации. Напротив. Произошла не просто замена одних идеологических форм другими. На месте открытого противоборства двух основных, альтернативных идеологических систем (капиталистической с коммунистической) возник необуржуазный моноидеологизм, исходящий из единосущной святой троицы – идеологических архетипов частной собственности, частного предпринимательства и универсального мирового рынка¹. Либеральной буржуазии, по словам В.И. Ленина, нужна ее ложь, которую она выдает за величайшую правду, за святую святых

¹ Ельмеев В.Я. Предисловие. В кн.: Комаров В.Г. Правда: онтологическое основание социального разума. СПб: Изд-во СПбГУ. 2001. С.5-8.

торгашеского братства¹. Цивилизация Запада нетерпима к правде и справедливости (ценностям русского духа), ибо они обнажают её античеловечность, поэтому заменяет их прагматизмом эгоцентрических ценностей материального мира.

Бытийной и идеологической лжи может противостоять только жизнеутверждающая сила правды, носителем которой всегда выступал и выступает многонациональный народ России. Эта сила всегда была в истории нашего государства и обнаруживала себя в «Русской Правде» Ярослава Мудрого, в программе декабриста П.И. Пестеля, в многочисленных (ныне переименованных) названиях газет. Как ни парадоксально, сохранила свое название «Комсомольская правда», хотя от правды там почти ничего не осталось. Ныне к спасительной силе правды обращаются намного чаще, чем когда бы то ни было. Не менее часто ее охаивают. Где же искать объективный источник народной надежды на торжество правды, неискоренимой силы правдоискательства?

Таким источником и субстанцией служит жизнеобеспечивающий, жизнеутверждающий человеческий труд, т.е. труд, производящий, по преимуществу, не смыслы и значения вещей (как в обществе потребления), а сами вещи, материальные и духовные блага, являющиеся условиями жизнедеятельности человека. Такой труд, (вопреки современным представлениям о «смерти труда», «об упадке труда» в потребительском обществе) никогда не уйдет в прошлое, не уступит место информации, которая без реализации посредством жизнеобеспечивающего труда ничего не дает². Как прошлое, так и будущее за обществом труда, в котором властелином был и останется труд, и посредством которого только и восторжествуют принципы правды, справедливости, свободы. Подмена этих принципов субъективистским подходом в развитии производительных сил в обществе труда может происходить через деньги, которые сами по себе ничего нового не создают, но могут быть противопоставлены труду, исказить источники реального материального и духовного богатства человека и общества, выдавая его за денежное богатство. Этому субъективному управленческому произволу может быть противопоставлено только признание необходимости следовать объективным законам развития общества на основе жизнеобеспечивающего труда (роста производительности труда, экономии труда (рабочего времени), возвышения потребностей)³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.11. М.: Политиздат, 1960. С.329.

² Бауман З. Возвышение и упадок труда. // Социологические исследования, 2004. № 5. С. 77-86.

³ Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С.491.

Соответственно, торжество принципа жизнеобеспечивающего и жизнеутверждающего труда составляет основу мировоззрения аутентичного, нефальсифицированного строя коммунистической жизни и предшествующих ей форм народного правдоискательства, социального разума народа, всех социальных движений и революций.

К атрибутам, в которых обнаруживает себя такой труд как субстанция правды жизни и истории, следует отнести, прежде всего, правду трудовой жизни в противоположность нетрудовой, праздной жизни. Труд был, есть и будет основным способом существования людей, жизнеобеспечивающим началом общественной жизни. При этом таким жизнеобеспечивающим началом является труд, производящий потребительные стоимости, материальные и духовные блага, удовлетворяющие собственно человеческие (разумные) потребности. Отметим, что разумными являются те потребности, удовлетворение которых обеспечивает необходимые условия жизнедеятельности человека, способствует всестороннему и гармоничному развитию личности (всесторонней и в своем производстве, и в своем потреблении по К. Марксу), согласуется с коренными интересами общества труда и содействует его развитию¹. Именно в этом качестве, а не как всякая деятельность («работа»), труд может быть присущ всем обществам, всей истории². Конечно, такой труд действителен лишь при воспроизводстве социальности определённого культурно-исторического типа: дающей возможность каждому члену общества, при поддержке всех его институтов, реализовать свои человеческие силы и способности. К сожалению, в этом своем качестве труд менее всего познан и признан. Если и обращают внимание на труд, то на его форму в виде деятельности рабочей силы, производящей стоимость, прибыль. Кроме того, жизнеобеспечивающий труд российского народа через паразитические механизмы (экономические, юридические, политические) отчуждается в пользу эксплуатирующих его, властвующих над ним, управляющих им социальных групп (кланов) и превращается в жизнеотчуждающий труд для большинства народа современной России. Поэтому научная методологическая позиция социального разума с точки зрения жизнеобеспечивающего труда – содействие становлению единого

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 281.

² Отметим, что, несмотря на неразрывную связь работы и труда, у них есть, по мнению Д.И. Менделеева, разные качественные аспекты. *Работа* – механическая деятельность (её могут производить и ветер, и вода, и животные) человека под воздействием принудительной необходимости поддержания жизни. *Труд* – волевой напряжённый импульс в процессе развития разума, самосознания, личности. Выступает источником саморазвития и самореализации человека, его свободы творчества и присущ только ему.

разумного человечества, руководствующегося самоцелью обеспечения разностороннего гармоничного развития каждого человека в оптимальной коэволюции с природой¹.

На стороне действительного труда, кроме производства и воспроизводства человеческой жизни, находится еще одно важнейшее свойство – правда общего дела. Именно в общем деле, жизневоскрешающем труде, по справедливому утверждению русского мыслителя Н.Ф. Федорова, добываются свобода и равенство, исключаящие господство одних над другими, достигается истинное родство сынов и дочерей человеческого рода.

Объединяющая сила труда – это правда, как общественное отношение. В процессе трудовой деятельности люди творят, воспроизводят как человеческую общественную связь, так и свою общественную сущность, поэтому правда оказывается на стороне коллектива, а, в конечном счете – на стороне трудового народа.

Отсюда следует еще одно важнейшее онтологическое основание правды – собственность на условия и результаты труда, основанная на труде, т.е. правда трудовой собственности. Отношения собственности, возникающие из присвоения сил и предметов природы в процессе труда, имеют первым и последним своим законом – закон тождества труда и собственности, т.е. трудовую собственность².

Принцип правды как справедливости в отношениях собственности нельзя вывести из имеющихся декларированных прав человека в различных документах (международных организаций, конституциях государств), ибо равенство людей в правах на собственность в них отсутствует: нет равного права собственности на средства производства и его продукт. Поэтому единственным источником справедливости как правдивости в отношениях людей остается собственность на условия и продукт своего как индивидуального, так и общественного труда, т.е. утверждение единства труда и собственности.

В результате отчуждения труда от собственности образуется неравенство и несправедливость в распределении жизненных благ, что в современных условиях выражается в небывалом разрыве в доходах бедных и богатых³. В поисках справедливости и равенства в этой

¹ Комаров В.Г. Правда: онтологическое основание социального разума. СПб: Изд-во СПбГУ. 2001. С.376.

² Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С.286-294.

³ Воронов В.В., Воронова М.В. Дифференциация социальных групп в современном обществе по доходам: региональный аспект. В кн.: Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений). Монография / колл. авт.; под науч. рук. акад. РАН, д.ф.н. М.К. Горшкова, д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. С.247-259.

сфере жизни обычно обращаются к известному принципу «каждый по способностям – каждому по его труду», хотя он еще далек от того, чтобы выразить равенство и справедливость.

Принцип распределения по труду может быть оправдан лишь в том случае, когда не будет ущемлен труд, а его мера будет определяться не стоимостью рабочей силы, а условиями потребления, возможно лучше удовлетворяющими человеческие, а потому и разумные потребности.

Бытийная истина правды есть не что иное, как точка зрения жизнеобеспечивающего и жизнеутверждающего труда. Чем больше социальный разум приближается к видению общества с этой позиции, тем выше вероятность усмотрения им объективной истины и, тем больше правды или оправданности в этой истине.

Анализ правды, проведенный выше, не исчерпывается ее рассмотрением со стороны ее онтологического основания в общественном бытии и жизнеобеспечивающем труде. Правда пребывает не только вне сознания, но и в сознании – как социальная истина, т.е. правда жизни возвышает себя до социальной истины. Здесь она становится предметом не только гносеологии и социологии, требует не только разработки особой социологической концепции правды как истины социального разума в разных формах его функционирования, но и как важнейшего средства воспитания настоящего человека общества труда, которое народ России возродит снова.

Библиография

1. Бауман З. Возвышение и упадок труда. // Социологические исследования, 2004. – № 5. С. – 77-86.
2. Воронов В.В., Воронова М.В. Дифференциация социальных групп в современном обществе по доходам: региональный аспект. В кн.: Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений). Монография / колл. авт.; под науч. рук. акад. РАН, д.ф.н. М.К. Горшкова, д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – С.247-259.
3. Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 576 с.
4. Ефремов И. Час Быка. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 512 с.
5. Комаров В.Г. Правда: онтологическое основание социального разума. – СПб: Изд-во СПбГУ. 2001. – 556 с.
6. Ленин В.И. Никакой фальши! Наша сила в заявлении правды! Письмо в редакцию. / Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.11. –М.: Политиздат, 1960. – С.328-332.

7. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. – С. 281.

8. Сакс Дж. Заметки о новой социологии экономического развития. В кн.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под. ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Московская школа полит. исследований, 2000. – С. 75-93.

9. Сулакшин С. 15 лет с Путиным: надежды, откровения, разочарование. [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1535720/> (режим доступа: 24. 04. 2015).

*МАКАРЕНКОВ Евгений Викторович,
д. ф. н., доцент, профессор кафедры
«Политология» МГТУ им. Н.Э. Баумана
sgn3kaf@bmstu.ru*

Феномен синергетики современного труда/ The phenomenon of synergy of modern labor

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы труда в постиндустриальную эпоху. Использование синергетического подхода позволяет определить труд как феномен нелинейного процесса. Это дает возможность исследовать современный труд путём анализа его существования в будущем через тенденции настоящего.

Ключевые слова

Бифуркация; благо; глобализация; государство; нелинейность; синергетика; труд.

Abstracts

The article explores labor phenomenon in postindustrial era. Synergetic analysis allows defining labor phenomenon as a non-linear process. It gives the opportunity to analyze labor phenomenon through comprehension its existence from actual state to future.

Keywords

Bifurcation; public good; globalization; state; non-linear; synergetic; labor.

Одним из наиболее важных качеств эволюции любого современного государства и общества в целом является возрастание глобальной открытости и взаимозависимости в информационной, технологической, экономической, демографической и даже военной системах.

В частности, это актуализирует проблему необходимости познания природы трудностей в попытках осуществления модного антикризисного «ручного», «комплексного управления» социально-экономическим и политическим развитием социума, зависящим от

довольно большого числа существенно неравновесных взаимодействующих элементов.

Каждое локальное внутреннее действие, или локальное воздействие из вне в системе обретает синергетический эффект, который может повлечь за собой совершенно неожиданные, даже глобальные изменения через процессы самоорганизации, когда в пространстве и времени происходит трансформация формальных и неформальных социально-политических институтов в соответствии с динамикой их внешних связей с окружающим миром¹.

Уточнение парадигм социально-политического управления произошло в конце XX века при обращении к теории синергетики («теории сложности» в англогерманском тезаурусе), первоначально формирующейся в русле точных наук благодаря разработкам И. Пригожина, И. Стенгерс, Г. Хакена, Е. Князевой, С. Курдюмова и других современных ученых.

Теория синергетики выводит значимость внутренних процессов социума на первый план и указывает, что эволюция общества зависит не столько от выбранной властвующей элитой курса и способа развития, сколько от свойства социальной системы к внутренней самоорганизации и интеграции в новых условиях в ответ на вызовы окружающей среды.

Бесспорно, в основе всех структур цивилизованного общества находится индивид во всех его проявлениях, поскольку он всегда выступает одновременно субъектом и объектом общественных отношений. От его деятельности зависит «качество» общества, а общество уже предопределяет «качество» самого индивида. Но в человеке есть два начала: биологическое и общественное. Уже с момента своего рождения человек не остаётся наедине с самим собой; он приобщается ко всем свершениям прошлого и настоящего, к мыслям и чувствам будущего всего человечества. Жизнь человека вне общества невозможна.

Следует отметить, что сложившийся в современных условиях уровень социально-политической активности населения в России во многом является следствием влияния целого ряда внешних факторов, в совокупности способствующих атомизации общества и низкому уровню самоорганизации населения.

К примеру, довольно резкая смена в конце XX века в России привычных социально-экономических парадигм (провозглашение курса на построение правового государства; непатерналистское распределение ценностей и услуг; либеральное регулирование тру-

¹ Д. Истон. Категории системного анализа политики. – М.: Гардарики, 2000 – 246 с.

дового поведения и взаимодействия в обществе) сопровождалось существенным падением уровня жизни населения, социальной дифференциацией, возникновением религиозно-национального противостояния¹.

Особое значение в создавшихся в России социально-экономических условиях имеет проблема переоценки значимости смысла жизни и труда. Труд человека, как существа коллективного, но не видящего перед собой смысла своего неповторимого бытия оказывается никчемным, сводящимся до первичного «животного» состояния, обусловленного наличием или отсутствием денег, финансового неравенства участников трудового процесса.

Актуальным лозунгом современности становится «гибкость», что применительно к смыслу труда означает конец в известном и привычном для нас виде целесообразной трудовой деятельности, переход к работе по краткосрочным, договорным контрактам либо вообще без таковых, к работе ради работы без всяких оговоренных гарантий, но лишь до «очередного уведомления». В современных условиях, когда значительно больше прибыли «выжимается» из квалификации, нежели из физической силы, по мнению автора, целесообразно формировать универсальную рабочую силу с высоким уровнем образования, поскольку технический уклад отечественного производства в нынешних условиях весьма неоднороден.

В технике, технологии и организации труда диалектически сосуществуют и фактически переплетаются остатки прошлого в форме значительных объемов ручного неквалифицированного и тяжелого физического труда. При этом основой нынешнего производства является комплексно-механизированный труд, а генеральной целью мирового научно-технического прогресса – автоматизированный труд.

Конечно, всё это обуславливает разнотипность труда совокупного работника с точки зрения его содержания и вместе с тем сохранение в современном производстве тех типов труда, которые исторически уже сменили друг друга. Если в основе смены типов труда лежит технический прогресс, то главная причина их взаимосуществования – это сохранение его неравномерности в техническом переплетении базиса производства, где довольно много техники и технологий из прошлого, модерна настоящего и элементов пост-модерна будущего.

Неравномерность развития техники, технологии и организации производства в разных отраслях, на различных промышленных предприятиях обуславливает сохранение массового неквалифицирован-

¹ Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции // изд. 2-е, доп. – М.: Политиздат, 1987. – 364 с.

ного ручного и тяжелого физического труда, не способствующего социальному и профессиональному развитию трудящихся. Это приводит к тому, что работник в сложившихся условиях всё чаще и чаще вынужден менять место работы, нисколько не надеясь на гарантии долгосрочности предоставленного места труда и на удовлетворительные условия работы.

Мотивы получения второго высшего образования разные. Однако в последнее время получение второго высшего становится делом престижным и даже модным. Современные выпускники теперь обоснованно считают, что одного диплома о высшем образовании недостаточно, и стремятся овладеть смежными профессиями.

Например, обладатели как гуманитарных, так и технических специальностей считают, что второе экономическое или юридическое образование в жизни и на работе вовсе не мешает, потому что наличие второго диплома дает преимущества при трудоустройстве. Такому специалисту будут рады практически в любой отрасли: в государственных структурах, на производстве, в торговле, в банковском деле, на фондовых рынках, в страховых и инвестиционных компаниях.

Это все, что касается мотивации получения второго высшего образования параллельно с первым. Для людей, уже имеющих высшее образование, мотивации несколько иные:

а) повышение квалификации и статуса путем освоения смежной или дополняющей специальности. К примеру, владелец или топ-менеджер технической компании, имеющий диплом технического вуза, должен хорошо ориентироваться в принципах менеджмента и основах права;

б) желание полностью сменить сферу деятельности, чтобы увереннее ориентироваться в жизни.

Поэтому не случайно в современной России возникла и процветает мощная индустрия не только первого, но и второго, и даже третьего высшего образования...

По данным ВЦИОМ, около 30% специалистов считают, что получили недостаточное образование и нуждаются в дополнительном обучении. Уверенность в том, что необходимо постоянно повышать уровень своей квалификации, высказывают около 56% опрошенных, имеющих высшее образование. Примерно 18% специалистов с высшим образованием намерены обязательно получить второе. По статистике, среди специальностей, которые выбирают второе высшее, лидируют управленческие, финансовые и юридические¹.

¹ Статистика российского образования. URL: <http://http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml> (дата обращения: 27.01.2016).

Немаловажен и тот факт, что за последние десятилетия почти кардинально поменялось представление о самом смысле труда.

Показательно такое сравнение: положение о значении труда в нынешней Конституции России фактически исключено. Статья 37 Конституции Российской Федерации провозглашает, что «Труд свободен», что «принудительный труд запрещен» и что «каждый имеет право на труд» и даже на «трудовые споры». Если сравнить это с конституционными положениями советского периода, то Конституция РСФСР 1918 года чётко устанавливала «труд обязанностью всех граждан Республики». Ещё яснее это было прописано в Конституции СССР 1936 года, статья 12 которой гласила: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина». В СССР осуществлялся принцип: «от каждого по его способности, каждому – по его труду».

В реальной же современной жизни все эти положения проявляются в том, что подрастающее поколение абсолютно не видит объективной взаимосвязи между успехом и заработком, карьерой и трудом как таковым: более того, успех ассоциируется, как правило, с другими атрибутами: удачей, везением, «talантом», нужными связями («блатом»), собственным унижением, вплоть до прямого мошенничества или легальной кражи (рейдерские захваты предприятий, искусственные банкротства и т.п.).

Эта нравственная катастрофа уничтожения труда («работа дураков любит», «работа не волк, в лес не убежит») является одним из следствий утери в нашем российском социуме, да и в мире в целом, самого смысла и природы труда. Другими словами, труд перестает быть ключевой категорией общественной жизни.

Социальность различий проявляется в том, что физический и умственный, квалифицированный и неквалифицированный труд диктуют различные требования к уровню общего и специального образования и профессиональной подготовки работников, их профессиональной культуре, и создают различные возможности для реализации профессиональных и личностных способностей в процессе трудовой деятельности.

Основными законами, управляющими развитием общественно-го труда, являются законы разделения и перемены и усиливающий их взаимодействие закон конкуренции. Содержание закона труда, разделения труда состоит в том, что общественные формации порождают свои способы разделения труда, и каждая новая формация добавляет присущие лишь ей новые виды разделения труда, вытекающие из уровня развития производительных сил и природы социально-экономических отношений.

Люди обычно пытаются найти смысл труда в реализации по новой, другой более привлекательной профессии, в надежде, что она, как средство добывания денег, предоставит им вождеденные райские жизненные блага. Зарабатывание денег становится самоцелью и превалирует над самим смыслом труда. В случаях появления возможности получения все большей прибыли человек может забыть, даже зачем он живет¹.

В этом, по существу, есть негативная черта сущности самого человека, вовлеченного в азарт потребительского процесса. Никакие заповеди и моральные каноны не способны устранить это в человеке. Вчерашний бедняк, практически святой в своих помыслах человек, но получивший в настоящее время доступ к неожиданному богатству, в будущем может стать жестоким эксплуататором без стыда и совести².

Уместно вспомнить высказывание, которое часто, нарушая принципы добросовестного цитирования, некоторые ошибочно приписывают классикам марксизма (они его цитировали). Томас Джозеф Даннинг – английский публицист XIX века – отмечал: «Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это ещё не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличности достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечте 10%, и капитал согласен на всякое применение; при 20% он становится оживлённым, при 50% положительно готов сломать себе голову; при 100% он попирает ногами все человеческие законы; при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами»³.

Конечно, в истории есть свидетельства и высоких социально-политических трудовых и научных достижений, но это скорее всё же исключения из общих негативных тенденций.

Обращаясь к процессам самоорганизации российского общества в условиях современного довольно резкого расслоения социума по социально-экономическим и другим признакам, необходимо учи-

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество/ Возвышение и упадок труда // -М.:Прогресс. 2005-324 с.

² Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. - М.: Издательство «Весь Мир», 2004.-188 с.

³ Dunning T.J., Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention. - London: Published by the author, and Sold by M. Harley, No 5, Raquet court Fleet street, E.C., 1860, p. 35-36. Цит.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.-М.: Политиздат, 1987. Изд.2-е; Т.23, С. 770.

тивать общепсихологические особенности социальной активности индивидов. Обычно те, кто обладают политической, экономической и информационной властью, становятся все более жестокими и агрессивными в своих требованиях к окружающим в тех случаях, когда они встречают на практике даже слабое ответное социальное сопротивление.

Кроме того, исходя из теории потребностей, в современных условиях смысл труда заключается в целесообразной физической и умственной деятельности человека, в процессе которой он при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания целесообразных артефактов.

В этом дискурсе смысл современного труда, по мнению автора, можно образно представить:

а) банальной повседневной необходимостью добывания для собственного существования «эквивалента всех благ» – денег;

б) престижной социально-экономической потребностью участия в производстве, как целесообразной деятельности;

г) личностной потребностью и смысловым условием развития, самоорганизацией трудящихся в единый класс и политикой, основанной на этой самоорганизации;

д) обязанностью и долгом (человека, как элемента той или иной социально-политической системы).

Естественно, что реализация любой потребности зависит от множества факторов, каждый из которых предопределяется нелинейными и вероятностными процессами, учет которых возможен при использовании положений самоорганизации нелинейных процессов.

Особенностью труда, в настоящее время является то, что он представляет собой пространство, на котором уникальность человека рассматривается всего лишь как товар, претендующий на аналогичное к себе отношение. Это обеспечивает свободу в выборе мест применения своего труда и открывает возможность для поиска более лучших соглашений между работником и работодателем.

Однако жизненные реалии не столь оптимистичны. Капитал также не упускает возможность свободы в выборе мест своего применения и находится в постоянном поиске возможностей для более лучших соглашений независимо от места своего происхождения и первоначального накопления.

Государственное регулирование превратилось в наши дни в балансирование между способностью капитала быстро поменять место применения и способностью местных властей «притормаживать» его.

Государство осуществляет свои полномочия не иначе, как через контроль сетевых структур. Но невозможность контроля над трансгосударственными сетевыми структурами необратимо ослабляет все национально-государственные политические институты. Трудовая жизнь насыщается кратковременной ментальностью и неопределенностью. Большинство не знает, на кого в ближайшем будущем обрушится страшное бедствие в форме безработицы или банкротства.

Это больше разделяет, нежели объединяет трудящихся умственного и физического труда, заставляет действовать в одиночку. Поскольку нет долгих связей, тогда и не зачем всерьез и подробно знакомиться с представляемой договоренностью профсоюзов и других социально-профессиональных организаций, создаваемых ради обеспечения более гуманных и выгодных условий продажи своего труда капиталу и государству.

Бессмысленными, по мнению автора, становятся любые мероприятия, построенные на идее, что смысл труда – это благо. Но столь же бессмысленными, просто вредными, являются высказывания о том, чтобы уходить от вопроса о смысле «Труда» и «НЕТруда», сводить всё к игре стихийных рыночных сил, которые якобы сами расставят всё по своим местам и ориентируют население в оптимальном тренде.

В наше время в условиях гиперболического возрастания численности населения в мире (особенно за последнее столетие) ученым и политикам надо предопределяться с такими последствиями, как:

а) активное повсеместное внедрение автоматизации; б) распространение киберпреступности; в) финансовое неравенство участников трудового процесса и потрясениями на глобальных рынках труда; г) терроризм и свобода передвижения рабочей силы, проявляющейся в миграционном феномене; д) обеспечение здоровья жителей нашей планеты¹.

Другими словами, окружающая действительность в нашем восприятии хотя и остается неизменной, но уже означает завершение развития классического индустриального общества с его представлениями о национально-государственном суверенитете; автоматизме прогресса; смысле труда; делении на классы; принципах успеха в жизни; о взаимоотношении с природой; реальном познании действительности; перспективах в научном познании.

¹ Давос 2016: роботы составят конкуренцию людям к 2025 году. URL:<http://kr.ua/politics/526990-davos-2016-roboty-sostaviat-konkurencyui-luidiam-k-2025-hodu> (дата обращения: 27.01.2016).

Библиография

1. Конституция Российской Федерации. М.:1993.
2. Dunning T.J., Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention. – London: Published by the author, and Sold by M. Harley, No 5, Raquet court Fleet street, E.C., 1860, p. 35-36. Цит.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Политиздат, 1987. Изд.2-е; Т.23, С.770.
3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – 188 с.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество/ Возвышение и упадок труда. – М.:Прогресс. 2005-324 с.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну/Пер.нем. В. Сидельника, Н.Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 338 с.
6. Д. Истон. Категории системного анализа политики. - М.: Гардарики, 2000 – 246 с.
7. Давос 2016: роботы составят конкуренцию людям к 2025 году. URL:<http://kr.ua/politics/526990-davos-2016-roboty-sostaviat-konkurentsuyi-luidiam-k-2025-hodu> (дата обращения: 27.01.2016).
8. Князева Е.Н. Курдюмов С.П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М.: Комкнига, 2011.-272с.
9. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции //изд.2-е, доп. – М.:Политиздат,1987.-364 с.
10. Статистика российского образования. URL: <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml> (дата обращения: 27.01.2016).

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

*ЗУБКОВ Сергей Александрович,
д.ф.н., профессор кафедры «Политология,
история и социальные технологии»
Московского государственного
университета путей сообщения (МИИТ)
evlaev@yandex.ru*

Роль профсоюзов ЕС в защите трудовых прав работников транспорта/ The role of trade unions in the EU labor rights of workers of transport

Аннотация

Статья посвящена вопросам защиты трудовых прав работников транспорта стран ЕС, которую осуществляют отраслевые профсоюзы под руководством ЕФТ. Обосновано, что не смотря на кризис профсоюзного движения, в транспортных отраслях стран ЕС профсоюзы проводят масштабные действия по защите трудовых прав наемных работников, которые корректируют реформирование железных дорог в странах ЕС.

Ключевые слова

Профсоюзы; ЕФТ; транспорт; реформы железных дорог; транспортная политика.

Abstract

The article is devoted to the protection of labor rights of employees of Transport of the EU, which is carried out under the supervision of branch trade unions ETF. It is proved that in spite of the crisis of the trade union movement in the transport industry of the EU trade unions carried out large-scale actions to protect the labor rights of employees to adjust the reform of railways in the EU.

Keywords

Unions ETF; transport; reform of railways; transport policy.

В современной научной литературе, посвященной проблемам профсоюзного движения в современном обществе, отмечается падение его роли как в защите прав трудящихся, так и в целом в социально-политическом процессе, что обусловлено развитием высокотехнологичного сектора экономики и низким авторитетом профсоюзов среди работников его отраслей¹. Вместе с тем, отмечая объективный характер данной тенденции, необходимо отметить то, что она не носит всеобъемлющий характер. Имеется ряд традиционных отраслей современной экономики в ряде регионов мира, где профсоюзное движение имеет широкий размах и не утратило своего значения в деле отстаивания интересов наемных работников. В частности, это касается международного сотрудничества транспортных профсоюзов стран ЕС, которое имеет сплоченный характер и опирается на богатый исторический опыт. При этом роль организатора выполняет Европейская федерация транспортников (ЕФТ).

ЕФТ представляет собой общеевропейскую профсоюзную организацию, которая объединяет профсоюзы транспортников стран Европейского Союза, Европейской экономической зоны и стран Центральной и Восточной Европы. Штаб-квартира федерации находится в Брюсселе. В состав ЕФТ вошли профсоюзы, которые объединяют работников железнодорожного, автомобильного и морского транспорта, портов и доков, внутреннего водного транспорта, работников гражданской авиации, рыбного хозяйства и туристического сектора. ЕФТ представляет примерно три миллиона человек из 39 европейских стран. Осуществляя деятельность в рамках международной солидарности, ЕФТ работает на правах европейского регионального бюро МФТ и на правах транспортной федерации в составе Европейской конфедерации профсоюзов. Она представляет и защищает интересы транспортников всех стран Европы. Кроме того, она формулирует и координирует транспортную и социальную политику профсоюзов, обеспечивает согласованность забастовочного движения, занимается образованием и профессиональным обучением, проводит научные исследования по широкому кругу вопросов (охрана труда и здоровья трудящихся, занятость). ЕФТ является также признанным социальным партнером в европейском социальном диалоге, где представляет интересы транспортников всей Европы в переговорах с Европейской комиссией и Советом министров ЕС².

¹ Галлин Д. Переосмыслить политику профсоюзного движения. – Трудовая демократия. Вып. 30. М., Институт перспектив и проблем страны, 2000; Латов Ю., Латова Н. Профсоюзы. – <http://www.attac.ru/articles.htm>; www.ecsoc.msses.ru. ; Эренберг Р.Дж., Смит Р.С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика, гл. 13. М., Изд-во МГУ, 1996.

² См.: Европейская федерация транспортников // <http://www.itfglobal.org/ETF/>.

Среди структурных подразделений ЕФТ своей многочисленностью и особой активностью выделяется Секция железнодорожников, объединяющая 83 железнодорожных профсоюза из 37 европейских стран и представляющая 850 тысяч работников. Руководящий комитет секции избирается каждые четыре года на съезде ЕФТ и собирается дважды в год. В составе секции есть две консультативных группы, одна из которых представляет интересы машинистов локомотивов, вторая - интересы обслуживающего персонала железнодорожных компаний¹.

На современном этапе железнодорожная секция ЕФТ ведет активную работу по решению проблем, с которыми в той или иной мере сталкиваются железнодорожные профсоюзы во всех европейских странах и к которым в первую очередь относятся: снижение железнодорожной занятости, отсутствие гарантий занятости, аутсорсинг деятельности, увеличение интенсивности труда, давление на условия труда. Новые условия создает политика ЕС, направленная на создание единого железнодорожного пространства ЕС. Предусматривается, что оно будет создаваться путем замены сложившегося приграничного сотрудничества между железнодорожными компаниями конкуренцией между новыми и существующими компаниями. Эти события, которые в настоящее время разворачиваются полным ходом, требуют твердых европейских стандартов для условий труда и более тесного сотрудничества профсоюзов в отношении коллективных переговоров.

Решение указанных проблем железнодорожные профсоюзы стран ЕС ведут на основе единой стратегии международного сотрудничества, выработка которой осуществляется во время периодически проводимых Конгрессов ЕФТ и заседаний Руководящего комитета железнодорожной секции данной организации. При этом необходимо отметить особое значение IV Конгресса ЕФТ, который осуществлял свою работу с 29 по 31 мая 2013 года в Берлине².

На протяжении всего Конгресса наиболее остро обсуждали проблемы либерализации железнодорожного транспорта. Серьезной критике подвергались принимаемые Европейской комиссией инициативы. Не было ни одного положительного отзыва. Пока принимаемые Европейской комиссией рекомендации не дали положительных результатов, а лишь оказывают негативное влияние на железные дороги Европы.

¹ Железные дороги <http://www.itfglobal.org/etf/railways.cfm>.

² См.: Идрисова А. Стандартная ошибка. Еврокомиссия не учла особенностей работы на колее 1520 // Гудок, 3.04.2013, вып. №57; Кожуховский В. Европейские заботы. Разработанная ЕФТ программа рассчитана до 2017 года // Куйбышевский железнодорожник, 14.06.2013, вып. №20.

Федерация против применения на транспорте либеральных экономических механизмов. Она за государственную собственность на транспортную инфраструктуру и систему общественного транспорта. Эксперты ЕФТ настаивают на том, что госпредприятия с участием частного капитала не решают проблемы развития транспортной инфраструктуры.

Конгресс осудил политику Евросоюза, направленную на разделение между операционной деятельностью и инфраструктурой. Информацию о пользе приватизации железной дороги Соединённого Королевства в ЕФТ считают мифом и приводят данные о том, что цены на билеты в Соединённом Королевстве – самые высокие в Европе. При этом здесь меньше всего электрифицированных и скоростных железных дорог, доля модуля железной дороги не увеличивается, а частники не торопятся заниматься инновациями. По оценке ЕФТ сегодня железные дороги в Королевстве нуждаются в три раза большем государственном субсидировании, чем это было на момент их приватизации.

На конгрессе обсуждались прогнозы о росте транспортной индустрии в среднесрочной перспективе. Отмечалось, что задел к росту бизнес создает уже сегодня. Другой вопрос – какой ценой. В Европе идёт процесс реструктуризации транспортных и логистических компаний в глобальные цепи, которые экономят на расходах за счёт огромной разницы в зарплатах в разных странах и создают конкуренцию на основе социального демпинга.

В ЕФТ недовольны давлением бизнеса на социальную составляющую транспортной сферы. Федерация считает, что управление этой сферой захватывает недемократическая и неподотчётная никому глобальная экономическая сила, а регулятором всё больше становится безработица. В ходе конгресса отмечалось, что Международный валютный фонд навязывает странам Европы политику либерализации и приватизации в сочетании с «затягиванием поясов». В итоге урезаются занятость и зарплаты в госсекторе.

ЕФТ требует установить для всех игроков на территории Европы единые правила, которые бы гарантировали равную оплату за равный труд. Кроме того, Федерация призывает правительства улучшить исполнение социального законодательства в транспортной сфере посредством эффективных проверок и санкций. Например, в вопросах соблюдения режима рабочего времени и времени отдыха, норм безопасности труда.

Значительное место на конгрессе уделялось вопросам положения молодежи на транспорте в условиях современного социально-экономического кризиса. Отмечалось, что в этих условиях молодежь

испытывает самые большие трудности. Ей не устроиться на работу. Закончив вуз, молодым и активным ребятам нет места под рабочим солнцем – они сразу получают пособие по безработице, не проработав ни одного дня, и постепенно становятся забытыми людьми. Если в благополучной Германии 11% юношей и девушек не могут найти работу, то что говорить об Испании, где этот показатель зашкаливает за 50%. И исправить ситуацию сложно не только из-за экономического кризиса, но и кризиса отношений: молодежь не идет в профсоюзы, не важно в какой стране; абсолютно не верит в их силу и способность эффективно решать проблемы. У профсоюзов плохая репутация в среде молодежи, представление о профсоюзе – это одни старики. Между тем, без притока молодых сил у профсоюзов нет будущего, и делегаты были едины в мнении: мы должны дать дорогу молодым и передать ей опыт.

Чтобы переломить складывающуюся негативную тенденцию, делегаты конгресса обсудили и утвердили ряд мероприятий по работе с молодежью в профсоюзных организациях на железнодорожном транспорте Европы. Координационным центром их реализации призван стать молодежный комитет, который был создан на IV конгрессе ЕФТ. В связи с этим Генеральный секретарь Эдуардо Шагас, подводя итог работы съезда, подчеркнул: «Съезд подтвердил важность инвестирования в молодежь, и благодаря развернутой дискуссии мы получили подтверждение: мы можем полагаться на молодежь, и у нас есть обязательство активно вовлекать молодое поколение на путь нашей борьбы за социально справедливую Европу и сильное профсоюзное движение. Пришло время для всех профсоюзов, входящих в ЕФТ, реализовать программу работы и показать миру, что ЕФТ – это сильная и единая организация, дающая отпор социальному демпингу и дискриминации в условиях глубокого экономического кризиса»¹.

Выработанная на IV Конгрессе ЕФТ стратегия легла в основу единых действий железнодорожных профсоюзов стран ЕС на ближайшую перспективу.

9 октября 2013 г. в рамках кампании против планов дальнейшей либерализации и фрагментация сектора, предложенных Европейской комиссией в 4-м железнодорожном пакете, профсоюзы, входящие в ЕФТ, организовали День действий на национальном уровне. Свои акции профсоюзы использовали для информирования европейских политиков, общественности и пассажиров о потенциальных угрозах, которые представляет 4-й железнодорожный пакет для

¹ Мы не имеем права проиграть // http://objectich.ucoz.com/news/my_ne_imeem_prava_proigrat/2013-09-24-128.

качества услуг, предоставляемых отрасли. Акции также были ориентированы на повышение осведомленности железнодорожников о будущих рисках в их профессиональной деятельности.

В День действий 9 октября 2013 г. европейские железнодорожники показали, что они отклоняют модель железнодорожной политики, которая не учитывает социальное измерение в секторе, а рассматривает железнодорожные перевозки как возможность получения прибыли для частных компаний. Они призвали европейских политиков отклонить любую реформу отрасли, которая будет снижать социальные стандарты. Это недопустимо на железнодорожном транспорте, где качество предоставляемых услуг, в первую очередь, связано с высоким профессиональным уровнем работников и качеством рабочих мест.

Высоким уровнем подготовки и активности отличался День действий железнодорожных профсоюзов 9 октября 2013 г. в Германии.

Активисты EVG распространяли среди членов профсоюза фотографии железнодорожников, которые потеряли свою трудоспособность из-за производственных травм, вызванных высокой интенсивностью труда. Все региональные бюро EVG были обеспечены адресами 99 немецких депутатов Европарламента, которые направили депутатам персональные сообщения, оформленные в виде почтовых карточек с предложениями по 4-му железнодорожному пакету. В октябрьском выпуске союзного журнала «Imtakt» основной темой был 4-й железнодорожный пакет¹.

Также EVG были оформлены и распространялись в сетях Интернет видеоматериалы, в которых общественности и работникам разъяснялись риски и негативные последствия принятия Европарламентом 4-го железнодорожного пакета².

Можно отметить и другие примеры конкретных действий 9 октября 2013 г. членов германского железнодорожного профсоюза EVG. В Дуйсбурге на станции был установлен куб в форме 4-го железнодорожного пакета. К нему были прикреплены сообщения с рекомендациями профсоюза. На пассажирских линиях Советами поездов в вагонах почти всюду были организованы информационные столы.

Результатом таких действий стало то, что депутаты Европарламента имели возможность хорошо слышать голос профсоюзов до обсуждения 14 октября 2013 г. в транспортном комитете 4-го железнодорожного пакета и голосования по нему 26 октября. Они информировали национальные правительства и транспортных министров об опасении профсоюзов в связи с его обсуждением.

¹ http://www.evg-online.org/Home2013/13_09_26_imtakt_teaser/.

² http://www.evg-online.org/protest/13_09_27_Film/.

В Италии в День профсоюзных действий 9 октября 2013 г. три профсоюза FILT-CGIL, FIT-CISL и UILTRASPORTI распространяли материалы о последствиях принятия Европарламентом 4-го железнодорожного пакета среди пассажиров на основных железнодорожных станциях, а также среди работников национальной железной дороги.

Все региональные структуры профсоюзов установили контакты с работодателями. Пресс-релизы и пресс-конференции обеспечили широкое информирование итальянских граждан о том, действительно ли они смогут использовать пассажирские поезда после принятия 4-го железнодорожного пакета. Баннеры и информация о дне профсоюзных действий были размещены на всех веб-сайтах национальных и региональных торговых союзов.

Использовались формы политического лоббирования. По почте в адрес итальянского министерства инфраструктуры и транспорта и итальянских евродепутатов были направлены открытки с предложениями по 4-му железнодорожному пакету. Предложения профсоюзов были подкреплены списком подписей, собранных среди железнодорожников. В Великобритании День действий железнодорожных профсоюзов 9 октября 2013 г. организовали совместно БКТ, PMT, ASLEF, TSSA и Unite.

Активность профсоюзов была направлена на то, чтобы повысить осведомленность среди пассажиров и железнодорожников о рисках, связанных с принятием 4-го железнодорожного пакета. Она выражалась в публикации информационных бюллетеней, статей в журналах, в проведении профсоюзных встреч. Для информирования национальной прессы о действиях, предпринятых профсоюзами, были подготовлены пресс-релизы, организованы пресс-конференции.

Во время профсоюзных демонстраций, которые проходили перед офисами Еврокомиссии в Лондоне, Эдинбурге и Кардиффе, распространялись листовки и брошюры. Членам профсоюзов было предложено связаться с британскими евродепутатами перед обсуждением 4-го железнодорожного пакета 14 октября 2013 г и изложить свою оценку этого документа.

Кампания, развернутая ЕФТ в 2013 г. против дальнейшей либерализации и фрагментации железнодорожного сектора, намеченной Европейской комиссией в 4-м железнодорожном пакете, была продолжена в 2014 г.

25 февраля 2014 г. ЕФТ организовала демонстрацию в Страсбурге перед зданием Европейского парламента, в которой приняли участие более 4000 представителей железнодорожных профсоюзов из

17 стран Европы¹. Транспаранты демонстрантов содержали в себе следующие призывы к членам Европейского парламента: голосовать против дальнейшей либерализации и фрагментации европейских железных дорог; рассматривать железнодорожные перевозки как вид государственных услуг и защищать их в качестве таковых; отклонить любые вмешательства в права профсоюзов на забастовку.

Несмотря на эти призывы, 26 февраля 2014 года Европейский парламент принял в 1-м чтении 4-й железнодорожный Пакет. Хотя некоторые предложения Еврокомиссии были отклонены, евродепутаты, в принципе, поддержали открытие национальных рынков железнодорожных пассажирских услуг для конкуренции и дополнительные ограничения для деятельности интегрированных железнодорожных компаний. Европарламент так и не смог дать ясный сигнал того, что пассажирский железнодорожный транспорт является государственной услугой, что он не может служить объектом получения прибыли частными компаниями. Положительным результатом, которого удалось добиться участникам акции, является то, что Европарламент остановил те силы, которые захотели нарушать основополагающее право работников на забастовку.

Оценивая эффективность действий участников акции в Страсбурге, заместитель Генерального секретаря ETF Сабина Трир отметила: «Хотя возможность напрямую заключать государственные контракты на оказание услуг по железнодорожным общественным пассажирским перевозкам была официально признана Европарламентом, но она настолько ограничена, что на практике ее использование будет серьезно подорвано. По крайней мере, депутаты Европарламента признали, что для открытия рынка нужны правила, чтобы защитить работников от социального демпинга и неопределенности занятости...»².

Таким образом, в современных условиях борьба против либерализации и фрагментации, проводимых под давлением Еврокомиссии, является основным направлением консолидированной деятельности профсоюзов ЕФТ в железнодорожном секторе. Вместе с тем можно выделить и другие направления их деятельности.

Одной из важных задач, которые ставит перед собой ЕФТ, является инициирование и организация приграничного сотрудничества железнодорожных профсоюзов вдоль транспортных коридоров

¹ Европарламент так и не смог дать четкий сигнал в отношении дальнейшей либерализации железнодорожных перевозок и фрагментации. Пресс-релиз. 27 февраля 2014 г. <http://www.itfglobal.org/etf/etf-press-area>.

² Европарламент так и не смог дать четкий сигнал в отношении дальнейшей либерализации железнодорожных перевозок и фрагментации. Пресс-релиз. 27 февраля 2014 г. <http://www.itfglobal.org/etf/etf-press-area>.

между ЕС и странами центральной и восточной Европы. Коридоры были определены в 1997 году на 3-й Пан-Европейской Транспортной Конференции в Хельсинки. Они имеют фундаментальное значение для развития транспортной инфраструктуры всей Европы. Приоритетный характер этой задачи был определен на 1-м конгрессе ЕФТ, в решениях которого отмечалась, что транспортные профсоюзы являются одним из ключевых партнеров социального диалога при осуществлении политики транспортных коридоров и могут содействовать образовательной деятельности, чтобы создать более широкую осведомленность железнодорожников о целях и содержании этой политики. Тогда же было запланировано проведение образовательного семинара, который проходил в Риге 17–19 сентября 2001 г.¹

Важным результатом работы ЕФТ по организации сотрудничества железнодорожных профсоюзов в зоне транспортных коридоров стало подписание соглашения о совместной правовой защите членов ЕФТ со стороны 17 ассоциаций². Согласно соглашению взаимная юридическая помощь, оказываемая друг другу, касается профессиональной или профсоюзной деятельности. Она включает все необходимые срочные или чрезвычайные меры содействия в выборе и назначении адвокатов и экспертов, в том числе по урегулированию расходов с адвокатами, оценщиками, судами и административными органами. Помимо прямой правовой помощи в порядке правовой защиты участвующие стороны должны обеспечивать личную, медицинскую и психологическую поддержку членов профсоюзов, ставших жертвами аварии или любого насильственного преступления. Финансовые затраты, а также любые другие расходы, которые непосредственно связаны со случаем правовой защиты, несут исключительно профсоюзы, которые предоставляют правовую защиту для своих членов.

В 2013 году был завершен проект ETF «WOC – работа в грузовых Железнодорожных Коридорах»³. Проект был направлен на инициирование приграничного сотрудничества профсоюзов вдоль 3 коридоров: Рейн–Альпы, Центр–Восток, Север–Юг в целях улучшения условий труда работников железнодорожного транспорта. Особое внимание уделялось железнодорожно-автомобильным и интермо-

¹ Первый Конгресс ЕФТ в Загребе 17-18 мая 2001 года. <http://www.itfglobal.org/etf/congress.cfm>.

² Vereinbarung über die Zusammenarbeit auf dem Gebiet des gewerkschaftlichen Rechtsschutzes zwischen den Mitgliedsgewerkschaften der ETF (Sektion Eisenbahn) <http://www.itfglobal.org/etf/legal-protection.cfm>.

³ WOC – работа в грузовых железнодорожных коридорах. <http://www.itfglobal.org/etf/etf-389>.

дальним терминалам, где осуществляют совместную деятельность работники из разных секторов транспорта.

Конечным продуктом проекта является руководство «Работа в грузовых железнодорожных коридорах – прогнозировать, действовать, работать вместе». В нем дается обзор концепции железнодорожных грузовых коридоров, определены некоторые элементы методологии, призванные помочь работникам транспорта и их профсоюзным представителям развивать в себе способность понимания основ управления коридорами и на этой базе прогнозирования изменения ситуации в сфере занятости.

Еще одним направлением деятельности профсоюзов ЕФТ в железнодорожном секторе, которое следует отметить, является их активное участие в развитии института европейских советов по труду (ЕСТ). Законодательной основой деятельности ЕСТ является Директива ЕС, принятая в сентябре 1994 г. В ней сформулированы положения о процедурах осуществления консультаций и информирования трудящихся на предприятиях коммунитарного масштаба¹. Признавая ценный вклад этого института в становление модели социальной Европы, ЕФТ играет важную роль в координации его деятельности в транспортном секторе, в котором примерно 80 компаний претендуют на создание ЕСТ. При этом количество заключенных договоров составляет примерно 20. На железнодорожном транспорте наиболее активно проводит свою работу ЕСТ в компании Deutsche Bahn.

Цели, которые преследует ЕФТ, осуществляя координацию деятельности ЕСТ на транспорте, включают в себя:

- создание прочных связей между профсоюзами и ЕСТ в транспортном секторе;
- мобилизация профсоюзов на активную поддержку создания и надлежащего функционирования ЕСТ на транснациональном уровне;
- расширение возможностей ЕСТ для эффективного выполнения ими своей роли.

При этом в процессе их реализации ЕФТ сталкивается с рядом существенных проблем, среди которых можно выделить следующие:

1) информация, которую менеджмент предоставляет представителям трудящихся, нередко является несвоевременной, нерегу-

¹ Council Directive 94/45/EC of 22 September 1994 on the establishment of a European Works Council or a procedure in Community-scale undertakings and Community-scale groups of undertakings for the purposes of informing and consulting employees. - Official Journal L 254, 30/09/1994.

лярной и неполной, что мешает Совету правильно оценить ситуацию и сформировать своё мнение;

2) во многих ЕСТ консультации вообще не проводятся. Центральный менеджмент лишь предоставляет их членам информацию о решениях, которые уже были приняты;

3) ресурсы и возможности для полноценной работы ЕСТ ограничены. Менеджмент препятствует привлечению экспертов по выбору Советов, не разрешая им участвовать в заседаниях. Часто не обеспечивается возможность их встреч и контактов с национальными представителями трудящихся, ограничен доступ к современным коммуникациям;

4) отсутствует равенство сторон на переговорах в рамках ЕСТ по различным вопросам деятельности предприятий, поскольку роль экспертов, участвующих в их работе в Директиве о Европейских советах по труду, не была чётко определена. При этом эффективность деятельности Совета во многом зависит от поддержки экспертизы и участия экспертов по законодательству, финансам и экономике.

В своей работе по координации деятельности ЕСТ на транспорте ЕФТ тесно сотрудничает с Европейской комиссией. Так, при ее финансовой поддержке в ноябре 2010 г. был запущен проект, получивший название «ИНФО-СЕРВИС»¹, который был направлен на создание набора рекомендаций и советов, используемых ЕСТ на транспорте. Цель проекта состояла в разработке веб-сайта, содержащего информационные ресурсы, необходимые для работы ЕСТ при ведении переговоров с менеджментом, заключении новых соглашений в случаях слияния, поглощения, приобретения и при выработке согласованных действий в случае корпоративной реструктуризации, а именно аутсорсинга. Инструменты, разработанные в рамках проекта «ИНФО-СЕРВИС», должны стать важным ресурсом ЕСТ в их повседневной работе и способствовать повышению уровня управленческой компетентности их членов при выработке решений в транснациональных компаниях.

1 ноября 2009 года ЕФТ запустил проект «Изучение возможностей создания информационно-консультативного органа для «Кюне + Нагель»», финансирование которого в течении одного года осуществлялось Европейской комиссией². Целью проекта являлось объединение профсоюзов всех государств-членов ЕС, где «Кюне + Нагель» ведет свою деятельность для выработки соглашения о создании ЕСТ в ком-

¹ ETF INFO-TOOLS Project. www.etf-ewc.org.

² «Изучения возможностей для создания транснационального информационно- консультативного органа Кюне + Нагель». <http://www.itfglobal.org/etf/ewc-kuhne-nagel.c>.

пании. Проект также был направлен на создание в компании сети сотрудничества профсоюзов и наемных работников «Кюне + Нагель», призванного обеспечить эффективность функционирования будущего ЕСТ.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на кризис профсоюзного движения, в транспортных отраслях стран ЕС профсоюзы проводят масштабные действия по защите трудовых прав наемных работников, которые координирует ЕФТ. В ответ на осуществляемые органами Еврокомиссии меры реформирования железных дорог, в значительной мере ущемляющие интересы их персонала, отраслевые профсоюзы организуют акции протеста. Они также используют возможности социального диалога с железнодорожными администрациями стран ЕС для оказания влияния на процесс принятия ими решений, связанных с проведением реформ железных дорог.

Библиография

1. Галлин Д. Переосмыслить политику профсоюзного движения. – Трудовая демократия. Вып. 30. М., Институт перспектив и проблем страны, 2000; Латов Ю., Латова Н. Профсоюзы. – <http://www.attac.ru/articles.htm>; www.ecsoc.msses.ru.; Эренберг Р.Дж., Смит Р.С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика, гл. 13. М., Изд-во МГУ, 1996.

2. Евлаев А.Н. Взаимодействие бизнеса и государства в современной России: на примере железнодорожной отрасли: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.

3. Идрисова А. Стандартная ошибка. Еврокомиссия не учла особенностей работы на колее 1520 // Гудок, 3.04.2013, вып. №57; Кожуховский В. Европейские заботы. Разработанная ЕФТ программа рассчитана до 2017 года // Куйбышевский железнодорожник, 14.06.2013, вып. № 20.

*СЕМЧЕНКОВ Андрей Сергеевич,
д.пол.н., профессор кафедры
«Политология, история и социальные
технологии» Московского государственного
университета путей сообщения (МИИТ)
andsem4@yandex.ru*

Обеспечение политической стабильности в документах стратегического планирования в сфере национальной безопасности России 2013-2015 гг. / Political stability protection in the documents of strategic planning in the Russia's national security area 2013-2015

Аннотация

В статье представлен анализ различных аспектов обеспечения политической стабильности, содержащихся в основных документах стратегического планирования в области национальной безопасности России, принятых в 2013 – 2015 гг. В документах дается адекватная оценка деструктивного потенциала современных информационно-коммуникационных технологий при их использовании для решения военно-политических задач и подрыва суверенитета, единства и целостности дестабилизируемых государств. В концепциях и стратегиях серьезное внимание уделяется вопросам предупреждения, выявления и пресечения действий экстремистских, сепаратистских и террористических структур, массовых беспорядков, вмешательства во внутренние дела РФ. Также отражены некоторые аспекты повышения устойчивости государства к деструктивному информационному воздействию и военному ослаблению. Однако вопросы противодействия политической дестабилизации рассматриваются в разных доктринальных документах и изолированно друг от друга, без взаимной увязки в рамках единой стратегии или концепции.

Ключевые слова

Политическая стабильность; документ; стратегия; национальная безопасность.

Abstract

The article presents an analysis of the different aspects of political stability protection in the main documents of strategic planning

in the area of Russia's national security adopted during 2013–2015 years. The documents give an adequate assessment of the destructive potential of modern information and communication technologies in their use to solve military and political objectives and undermine the sovereignty, unity and integrity of destabilizing states. In the concepts and strategies the main attention is paid to the prevention, detection and suppression of acts of extremist, separatist and terrorist organizations, riots, interference in the internal affairs of Russian Federation. Also some aspects of state sustainability's increase to the destructive impact of the information influence and military weakening are reflected. But the problems of counteraction political destabilization are considered separately from each other, without their integration in a single strategy or conception.

Keywords

Political stability; document; strategy; national security.

«Цветные революции», государственные перевороты и гражданские войны «арабской весны», террористическая деятельность Исламского государства (халифата), события на Украине последних лет, а также всплеск протестных выступлений и активизация исламистов в ряде регионов России поставили в центр внимания общественности, научного сообщества и органов безопасности проблему предотвращения политической дестабилизации обстановки внутри России. Данная проблема и предполагаемые пути ее решения нашли свое отражение во многих доктринальных документах по обеспечению национальной безопасности России в целом и отдельных направлений государственной политики в этой области в частности.

Отличительная особенность современных процессов политической дестабилизации заключается в резонансном воздействии их субъектов (некоторых государств, экстремистских и террористических сетей, отдельных неправительственных организаций) посредством передовых информационно-коммуникационных технологий на критически важные элементы социальных систем с тем, чтобы возникающие в них дисфункции переросли в политическую дестабилизацию. Подобное воздействие предполагает ряд шагов. Во-первых, субъектом дестабилизации выявляются «уязвимые сообщества» – группы населения, обладающие серьезным протестным потенциалом и чьи права и интересы так или иначе ограничивает власть. Такими сообществами могут быть, например, автовладельцы, этнические диаспоры, футбольные болельщики, националисты и т.п. Во-вторых, ведется поиск среди них лидеров, подготовка актива,

технической инфраструктуры в сети Интернет и формирование протестного движения. В-третьих, активистами протестных движений проводятся информационные кампании имущественного шантажа и «гринмейла» в отношении истеблишмента, опережающего обвинения в фальсификации итогов выборов в органы власти и на ответственные посты, искаженного освещения государственной политики и т.д.¹ Формами политической дестабилизации являются гибридное (сочетающее силовые и ненасильственные действия) гражданское сопротивление в ходе «цветных революций», традиционные и асимметричные (партизанско-террористические) войны, «инфраструктурное» противоборство (подготовка и проведение военных, кибернетических, диверсионных и террористических акций в отношении объектов и сегментов критической инфраструктуры)².

Данные особенности угроз политической дестабилизации предопределяют и специфику противодействия им как комплекса мер и действий, реализуемых государством и негосударственными участниками обеспечения национальной безопасности для сохранения духовных основ общества, предупреждения, нейтрализации и пресечения действий сетевых экстремистских, сепаратистских и террористических структур, массовых беспорядков, вмешательства во внутренние дела страны. Важнейшее значение для повышения устойчивости страны к современным угрозам политической стабильности имеет защита и сохранение духовных, идейно-ценностных, культурных, образовательных и социально-экономических основ государства и общества, выступающих главными гарантиями национальной безопасности страны. Государство, отказывающееся от своей ответственности и обязательств перед гражданами в этих сферах, подрывает политическую стабильность на наиболее глубоком уровне.

Вопросы сохранения политической стабильности так или иначе рассматриваются в ряде основных документов стратегического планирования, регламентирующих деятельность по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, принятых в 2012–2015 гг.

В нынешней Стратегии национальной безопасности РФ, уделяющей вопросам стабильности больше внимания, чем предыдущая редакция этого документа, справедливо констатируется все более широкое распространение практики свержения легитимных поли-

¹ Подробнее об этом см.: Черемных К.А., Восканян М.В., Кобяков А.Б. Анонимная война. М.: Алгоритм, 2014. С. 90-91.

² Подробнее об этом см.: Шеремет И.А. Угрозы техносфере России и противодействие им в современных условиях // Вестник Академии военных наук. 2014. № 1. С. 31.

тических режимов, а также провоцирование внутригосударственных конфликтов и нестабильности. Отмечаются угрозы нарушения функционирования объектов критической инфраструктуры, деятельности радикальных, иностранных и международных неправительственных, финансовых и экономических организаций, а также частных лиц по нарушению единства и территориальной целостности, дестабилизации социально-политической ситуации в нашей стране, в том числе путем инспирации «цветных революций», разрушения традиционных духовно-нравственных ценностей. Очаги вооруженных конфликтов стали источниками терроризма, экстремизма, этнической и религиозной вражды. Усиление глобального информационного противоборства определяется стремлением отдельных государств использовать информационно-коммуникационные технологии для решения своих геополитических задач, в том числе за счет манипуляции общественным сознанием и фальсификации истории. Нейтрализация данных угроз, согласно Стратегии, предполагает: развитие системы выявления, предупреждения и пресечения разведывательной и деструктивной деятельности иностранных спецслужб и организаций, терактов, различных форм экстремизма, преступных посягательств на конституционный строй, права и свободы человека и гражданина. Также предлагается создание механизмов купирования социальных и межнациональных конфликтов, противодействия участию граждан РФ в преступной и террористической активности за рубежом; совершенствование системы выявления, анализа и противодействия угрозам в информационной сфере¹. В Стратегии рассмотрены тесно связанные с политической дестабилизацией угрозы в духовной сфере, т.е. размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа России путем внешней культурной экспансии, пропаганды вседозволенности и нетерпимости, попыток фальсификации отечественной и мировой истории. Для нейтрализации этих угроз реализуется политика по укреплению традиционных ценностей, обеспечению терпимости, развитию культурных связей².

В Концепции общественной безопасности в РФ в качестве одной из целей заявлено сохранение гражданского мира, политической, социальной и экономической стабильности в обществе, а одной из задач – пресечение социальных и межнациональных конфликтов, незаконной миграции, деятельности, направленной на разжигание ра-

¹ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации / Утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Российская газета. 2015. 31 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 31.12.2015).

² Там же.

совой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды. Достижение данных цели и задачи предполагается за счет реализации системы мер и действий по профилактике, предупреждению, борьбе и ликвидации угроз экстремистского и террористического характера¹. Раскрытию же основных направлений недопущения политической дестабилизации обстановки в нашей стране посвящена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. В ней прямо заявлено, что экстремистская деятельность служит одним из источников дестабилизации внутривнутриполитической и социальной обстановки в России. В Стратегии справедливо отмечаются: интернационализация и глобализация экстремистской активности, ее спонсирование иностранными государствами и организациями для решения геополитических задач и передела сфер экономического влияния; сопровождение роста экстремизма процессом фальсификации истории; широкое использование информационно-телекоммуникационных систем для вербовки, связи между членами экстремистских организаций и пропаганды их идей. Нельзя не согласиться и с тем, что основным способом социально-политической дестабилизации становится привлечение населения к участию в протестных акциях, в том числе несогласованных, которые впоследствии умышленно трансформируются в массовые беспорядки. Не вызывает возражений и констатация фактов проникновения в Россию исламистских групп, пытающихся создать здесь свои формирования, роли миграционного фактора в нарушении регионального этно-конфессионального баланса, стремления экстремистов вовлекать в свою деятельность молодежь, деятельности отдельных иностранных некоммерческих неправительственных организаций и их структурных подразделений по распространению деструктивной идеологии.

Противодействие экстремизму определяется как деятельность органов власти, общественных организаций и граждан по выявлению и последующему устранению причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий экстремизма. Для этого создается государственная система мониторинга в сфере противодействия экстремизму; консолидируются усилия государства и общества по противодействию проявлениям и идеологии экстремизма; повыша-

¹ См.: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации / Утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г. // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653> (дата обращения: 15.05.2014).

ется эффективность профилактики, выявления и пресечения правонарушений и преступлений экстремистской направленности¹. В перечень задач противодействия экстремизму не вошли собственно задачи, связанные с борьбой с подобными угрозами. Однако это вполне понятно, поскольку такая борьба предполагается, прежде всего, с насильственным экстремизмом, т.е. террористической деятельностью.

В уточненном тексте Военной доктрины РФ вопросы политической стабильности впервые освещены по ряду параметров существенно подробнее, чем в иных документах. Факторами дестабилизации социально-политической обстановки в стране, согласно тексту доктрины, служат не только военные конфликты, но и тесно связанные с ними неконституционные формы смены власти; рост глобального и местного экстремизма (терроризма) в новых формах; наличие прежних и появление новых очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность международных радикальных группировок в соседних странах; использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях; подрывная деятельность иностранных спецслужб и организаций; деятельность по дезорганизации работы органов власти, важных объектов инфраструктуры страны; информационное воздействие на население, в первую очередь на молодежь с целью размывания традиций защиты Отечества; провоцирование социальной напряженности, разжигание этнической и религиозной ненависти. Среди особенностей современных военных конфликтов отмечается комплексное применение военной силы и мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций, а также использование финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений. В число мер сдерживания и предотвращения военных конфликтов, в частности, входит нейтрализация опасностей и угроз политическими, дипломатическими и иными невоенными средствами; создание условий для снижения риска использования информационно-коммуникационных технологий в целях, противоречащих международному праву². В тексте доктрины угрозы политической стабильности были включены в число военных

¹ См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации / Утверждена Президентом РФ 28.11.2014 г., Пр-2753 // Совет Безопасности РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения: 15.12.2014).

² См.: Военная Доктрина Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653> (дата обращения: 26.12.2014).

опасностей для обороны РФ. Очевидно, что побудительной причиной к этому стали как события «арабской весны», переросшие в гражданские войны и межгосударственные конфликты, так и украинские политические процессы трех последних лет. Вместе с тем в разделе Военной доктрины о путях сдерживания и предотвращения военных конфликтов оказались обойдены стороной внутренние предпосылки возможной политической дестабилизации в России. Отсутствует необходимый тезис о том, что успех действий повстанцев, экстремистских и террористических сил в современных военных конфликтах определяется не только передовым уровнем информационно-коммуникационных технологий, оказанием комплексной поддержки со стороны иностранных государств, их специальных служб и организаций, но и состоянием социально-экономических, политических, межэтнических, межконфессиональных и иных общественных отношений в стране.

В «Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» рассматриваются направления защиты глобального информационного пространства, прав личности, общества и государства в информационной сфере, а также национальной информационной инфраструктуры. Угрозой международной информационной безопасности является использование информационно-коммуникационных технологий для: подрыва международного мира, безопасности и стратегической стабильности; деструктивного воздействия на элементы критической информационной инфраструктуры и пропаганды терроризма; вмешательства во внутренние дела суверенных государств, нарушения общественного порядка, разжигания межнациональной, межрасовой и межконфессиональной вражды. Нейтрализация данных угроз предполагает: формирование системы международной информационной безопасности на региональном и глобальном уровнях, а также механизмов международного сотрудничества по противодействию применению информационно-коммуникационных технологий в террористических и экстремистских целях, ради вмешательства во внутренние дела суверенных государств; создание предпосылок для обеспечения технологического суверенитета в сфере информационно-коммуникационных технологий и преодоления информационного неравенства между развитыми и развивающимися странами¹. Ряд мер по обеспечению

¹ См.: Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения международной информационной безопасности на период до 2020 года / Утв. Президентом Российской Федерации В. Путиным 24 июля 2013 г., № Пр-1753 // Совет Безопасности РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html> (дата обращения

международной информационной безопасности, предлагаемых в «Основах», уже реализуется Россией совместно с государствами-участниками ОДКБ. Основная же проблема интернационализации управления глобальными информационными сетями, через которые и реализуются угрозы международной информационной безопасности, остается пока не решенной.

В Концепции внешней политики Российской Федерации политическая стабильность упоминается лишь в связи с феноменом «мягкой силы», инструментами решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы. В Концепции отмечаются негативные стороны применения средств «мягкой силы» и правозащитных концепций: оказание политического давления на суверенные государства, дестабилизация обстановки и вмешательство в их внутренние дела; манипулирование общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека за рубежом. Ответом на эти угрозы служат меры по обеспечению национальной и международной информационной безопасности, предотвращению информационных угроз политической, экономической и общественной безопасности государства, борьба с терроризмом и иными криминальными угрозами в сфере применения информационно-коммуникационных технологий¹.

Анализ содержания доктринальных документов показывает, что в них в целом учтены современные вызовы политической дестабилизации и тенденции в области противодействия им. В документах дается адекватная оценка деструктивного потенциала современных информационно-коммуникационных технологий при их использовании для решения военно-политических задач и подрыва суверенитета, единства и целостности дестабилизируемых государств. Справедливо указаны субъекты данной дестабилизации – как некоторые государства, стремящиеся таким образом реализовать свои геополитические цели, экстремистские и террористические структуры национального и международного масштаба, так и отдельные неправительственные организации, ведущие деструктивную политическую деятельность. Руководство страны, все звенья системы обеспечения национальной безопасности РФ осознают и необходи-

ния: 15.10.2014).

¹ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации / Утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Совет Безопасности РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html> (дата обращения: 15.10.2014).

мость защиты «культурного ядра», духовных и нравственных основ общества от информационно-психологических угроз. В концепциях и стратегиях государственной и общественной безопасности серьезное внимание уделяется вопросам предупреждения, выявления и пресечения действий экстремистских, сепаратистских и террористических структур, массовых беспорядков, вмешательства во внутренние дела РФ.

Вместе с тем в документах стратегического планирования в области национальной безопасности РФ не учтена возможность использования несистемной оппозицией и экстремистами методов гибридного гражданского сопротивления. Отсутствует положение о важности повышения социально-экономической устойчивости Российского государства и общества к дестабилизирующему воздействию внутреннего, отнюдь не преодоленного экономического кризиса и внешнему негативному влиянию иностранных держав-участниц глобальной конкуренции. В документах обращается внимание на проблему активного участия молодежи в различных акциях политической дестабилизации обстановки в стране. Однако решение этой проблемы в условиях развития современных информационно-коммуникационных технологий и их неоднозначного по своим последствиям воздействия на молодое поколение превращается в весьма непростую задачу образовательной политики и воспитательной работы.

В целом, анализ показывает, что противодействие политической дестабилизации предстает как комплексная многомерная задача политики обеспечения национальной безопасности России и включает в себя ряд мероприятий в различных областях: государственной и общественной безопасности; профилактики, предупреждения, выявления и ликвидации экстремизма; пограничной, миграционной и национальной политики; национальной обороны; информационной безопасности и др. Но, несмотря на это, вопросы противодействия политической дестабилизации рассматриваются в разных доктринальных документах и изолированно друг от друга, без взаимной увязки в рамках единой стратегии или концепции.

Библиография

1. Военная Доктрина Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653> (дата обращения: 26.12.2014).

2. Концепция внешней политики Российской Федерации / Утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля

2013 г. // Совет Безопасности РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html> (дата обращения: 15.10.2014).

3. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации / Утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г. // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653> (дата обращения: 15.05.2014).

4. Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения международной информационной безопасности на период до 2020 года / Утв. Президентом Российской Федерации В. Путиным 24 июля 2013 г., № Пр-1753 // Совет Безопасности РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html> (дата обращения: 15.10.2014).

5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации / Утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Российская газета. 2015. 31 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 31.12.2015).

6. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации / Утверждена Президентом РФ 28.11.2014 г., Пр-2753 // Совет Безопасности РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html> (дата обращения: 15.12.2014).

7. Черемных К.А., Восканян М.В., Кобяков А.Б. Анонимная война. М.: Алгоритм, 2014. 224 с.

8. Шеремет И.А. Угрозы техносфере России и противодействие им в современных условиях // Вестник Академии военных наук. 2014. № 1. С. 27–34.

*ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич,
к.пол.н., доцент кафедры «Философия
и политология» Академии труда
и социальных отношений
pavelfeld@mail.ru*

Политика согласования интересов: концептуализация подходов к изучению феномена/ Interests coordination policy: conceptualization of approaches to the study of the phenomenon

Аннотация

В статье намечаются теоретико-концептуальные контуры политики согласования интересов как самостоятельного и функционально обособленного направления государственной политики. Поставленная задача решается посредством рассмотрения государства в качестве института, обеспечивающего артикуляцию, представительство и взаимную интеграцию разноплановых общественных интересов. Особое внимание уделяется сопоставлению ключевых подходов к выделению и типологизации направлений государственной политики. Применение структурно-функционального анализа, наряду с индуктивным методом, позволило автору разработать комплексную модель политики согласования интересов, которая включает нормативно-ценностный, артикуляционный, коммуникативный, интеграционный и медиативный блоки.

Ключевые слова

Политический интерес; согласование интересов; политика согласования интересов; государственная политика.

Abstract

The article defines the theoretical and conceptual outlines of the policy of interests coordination as an independent and functionally complete type of state policy. This problem is solved by consideration of the state as the institute that provides articulation, representation and mutual integration of versatile public interests. The special attention is paid to comparison of key approaches to definition and tipologization of the state policy areas. Application of structurally functional analysis, along with an inductive method, has allowed the author to develop complex model of the policy of

interests coordination which includes a normative and value interests regulation, interests articulation, communication, mediation and integration of interests.

Keywords

Political interest; coordination of interests; policy of coordination of interests; state policy.

Основополагающим подходом к пониманию сущности политики как общественного явления является интерпретация соответствующего понятия через категории «власть» и «интерес». Берущий свои истоки в античной политической мысли, данный принцип нашел отражение в трудах американского исследователя Д. Хелда, который определил политику как борьбу «за организацию человеческих возможностей»¹. Стержневой функцией политики с высокой долей вероятности можно считать достижение согласия относительно распределения ограниченных общественных ресурсов или «регулирование общественных конфликтов при помощи ценностей»². Аналогичного подхода придерживается российский исследователь В.И. Буренко, который видит предназначение политики в гармонизации интересов и целей ее акторов³. Таким образом, политика как «искусство возможного» в широком смысле может отождествляться с властным согласованием разноплановых общественных интересов. Подобная трактовка политики достаточно универсальна: она подходит как для плюралистических систем, характеризующихся многообразием и свободной конкуренцией заинтересованных субъектов, так и для «жестких» политических конструкций, в которых преобладают корпоративистские или клиентелистские формы взаимодействия власти и общества.

Наряду с предельно широким и абстрактным пониманием политики существует более узкий подход к ее интерпретации, в рамках которого соответствующее понятие отождествляется с действиями конкретных институтов власти, в частности, государства. В данном контексте имеет место употребление термина «государственная политика», который используется для обозначения комплекса мер по

¹ Хелд Д. Политика как научная дисциплина //Полис. Политические исследования. 1991. № 5. С. 146-147.

² См.: Lehmbruch G. Liberal corporatism and party government. – In: Trends toward corporatist intermediation / Ed.: Schmitter P.C., Lehmbruch G. London; Beverly Hills, 1979, p. 147-184.

³ Буренко В.И. Власть – политика – управление в системе отношений «общество-государство» // Труды МГУУ Правительства Москвы. 2005. № 4. С. 247 – 261.

оказанию регулирующего воздействия на те или иные сферы общественных отношений. Процесс формирования государственной политики можно считать интерактивным и многоакторным, поскольку в нем, наряду с институтами власти, участвуют все артикуляторы и интеграторы общественных интересов.

Начиная с середины XX века исследователями предпринимаются попытки классификации и дифференциации отдельных направлений государственной политики. Данная задача решается политической наукой посредством использования целого комплекса подходов, в числе которых мы отдаем приоритет сферному и функциональному. В рамках первого подхода отдельные виды государственной политики дифференцируются по объекту, в соответствии со сферами общественных отношений, на которые направлено регулирующее воздействие государства. Таким образом, государственная политика подразделяется на экономическую, социальную, экологическую, информационную и т.д. Институционализация сферного подхода обеспечивается за счет фиксации применяемых государством мер и принципов регулирования общественных отношений в виде законодательно закреплённых концепций государственной политики.

В основе функционального подхода лежит типологизация государственной политики по предмету, отражающему содержание и сущность общественных отношений, подлежащих регулированию. Применение данного подхода характеризуется известной долей субъективности, поскольку критерии, которыми руководствуются авторы при разграничении выделяемых ими направлений государственной политики, чрезвычайно многообразны и вариативны. Если потенциал сферного подхода политической наукой уже в значительной мере исчерпан, то применение функциональной парадигмы позволяет вычленять все новые и новые типы государственной политики. Так, например, И.Р. Ахметзянова, А.С. Сулакшин и В.И. Якунин всесторонне исследуют содержание и механизмы реализации конкурентной политики государства¹. А.В. Федякин выделяет политику формирования имиджа страны как функционально и технологически обособленное направление государственной политики². Еще один российский исследователь Д.В. Гусев посвящает ряд своих трудов государственной коммуникационной политике, которая, согласно его мнению, является «инструментом коммуникативного способа

¹ См.: Якунин В.И., Сулакшин А.С., Ахметзянова И.Р. Государственная конкурентная политика в России: состояние и проблемы // Труды центра. Выпуск № 3. М., Научный эксперт, 2006.

² Федякин А.В. Формирование позитивного образа государства в системе приоритетов государственной политики // Мир и политика. 2009. № 12. С. 63–73.

политического управления»¹. Перечень направлений государственной политики, выделяемых по функциональному принципу, постоянно расширяется, что зачастую приводит к умножению сущностей без необходимости. Таким образом, возникает объективная потребность в установлении четких критериев, позволяющих отождествить комплекс мер политико-управленческого характера с особым типом или направлением государственной политики. Перечень данных критериев нам видится следующим:

- наличие уникального предмета регулирования;
- наличие специализированных институтов реализации политики;
- наличие конкретных целей, задач и принципов государственной политики;
- комплексный и системный характер применения средств регулирующего воздействия на объект.

На основе вышеперечисленных критериев в качестве самостоятельного направления государственной политики мы выделяем политику согласования интересов, понимая под ней комплекс инструментов, принципов и мер государственно-управленческой деятельности, направленной на обеспечение взаимной интеграции и бесконфликтной реализации организованных интересов. Предметом государственной политики согласования интересов является совокупность политических отношений и политико-коммуникационных процессов, возникающих по поводу артикуляции, репрезентации и реализации общественных интересов. По отношению к институционализированным направлениям государственной политики, которые традиционно выделяются в рамках сферного подхода, политика согласования интересов является стержневой и магистральной, поскольку ее базовые принципы пронизывают все подсистемы общества. Таким образом, благодаря своему универсальному и комплексному характеру политика согласования интересов в той или иной степени реализуется во всех сферах общественной жизни, обеспечивая единство базовых государственно-управленческих принципов.

Нельзя не указать на весьма существенное, с нашей точки зрения, обстоятельство: с одной стороны, политика в широком смысле трактуется как властное согласование интересов, а с другой стороны, существует обособленное направление государственной политики, в рамках которого решается аналогичная задача. Данный семантический парадокс не порождает серьезного логического противоре-

¹ Гусев Д.В. Государственная коммуникационная политика в условиях процесса модернизации современной России // Автореферат диссертации на соискание степени кандидата политических наук. Н.Н., 2010.

чия, поскольку государственная политика согласования интересов, в отличие от политики в ее широкой трактовке, является предельной конкретной, предметной и утилитарной. Следует отметить, что некоторые направления государственной политики, выделяемые российскими и зарубежными авторами, целесообразно признать составными компонентами политики согласования интересов. Данное утверждение справедливо, в частности, по отношению к так называемой политике урегулирования конфликтов между властью и бизнесом, сущность которой раскрывается в работах В.В.Наугольных¹. Содержательным элементом политики согласования интересов с высокой долей вероятности может считаться государственная конкурентная политика, которая регулирует отношения заинтересованных субъектов, претендующих на обладание ограниченными ресурсами и благами. Наконец, отдельные направления государственной информационной политики – в частности, обеспечение эффективного взаимодействия власти и общества – направлены на формирование коммуникативной инфраструктуры для свободной циркуляции и конвергенции интересов в рамках политической системы общества.

Следует отметить, что попытки научного анализа различных аспектов политики согласования интересов, как правило, осуществляются в русле исследований, посвященных проблеме институционализации лоббистской деятельности и социального партнерства. Значительный пласт отечественных работ, прямо или косвенно касающихся указанной проблематики, относится к середине 1990-х годов и ассоциируется, прежде всего, с именем С.П. Перегудова, который одним из первых постарался осмыслить результаты демократизации и либерализации отношений между государством и группами интересов в России². К этому же этапу развития отечественной политической науки относится вынесенная на страницы журнала «Полис. Политические исследования» дискуссия «Согласование интересов и государственная политика в России».³ Несмотря на свой новаторский и программный характер, исследования, относящиеся к указанному периоду, постепенно утрачивают актуальность ввиду

¹ Наугольных В.В. Политика урегулирования конфликтов власти и бизнеса: опыт современной России // Вестник Российской нации. 2015. № 1. С. 229-238.

² Перегудов С.П. Новый российский корпоративизм: демократический или бюрократический? // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 23 – 26.

³ Перегудов С. П., Афанасьев М.Н., Лепехин В.А., Зудин А.Ю., Семенов И.С., Соловьев А.И., Заславский С.Е. Согласование интересов и государственная политика России (Дискуссия) // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 114–131.

присущей им идеализации принципов либерализма и плюралистической демократии. Формирование теоретико-концептуального контура политики согласования интересов, на наш взгляд, требует выработки более объективного и сбалансированного подхода к оценке регулирующего воздействия властных институтов на те или иные сферы общественных отношений.

При определении места государства в системе политического согласования интересов необходимо, на наш взгляд, учитывать дуализм его функциональных ролей: с одной стороны, оно создает условия для взаимной интеграции и реализации притязаний различных социетальных общностей, а с другой стороны, само выступает носителем и выразителем определенных интересов. Принимая во внимание данное обстоятельство, мы предлагаем разделить функции, реализуемые государством в системе согласования интересов, на политико-управленческие и репрезентационные. Первый функциональный блок включает комплекс инструментов, механизмов и принципов, применяемых государством для регулирования общественных отношений, возникающих в процессе выдвижения, согласования и реализации организованных интересов. Выполняя свои репрезентационные функции, государство само действует как заинтересованный субъект, со стороны которого в политическую систему входит специфический набор требований. Каждая из выделенных нами функций нуждается в детальном рассмотрении, которое в конечном итоге позволит сформировать представление о содержании политики согласования интересов.

Осуществляя комплексное политико-управленческое воздействие на систему согласования интересов, государство, на наш взгляд, решает ряд взаимообусловленных задач, в числе которых:

- 1) иерархическое упорядочение общественных интересов по степени их приоритетности;
- 2) регулирование деятельности институтов, обеспечивающих агрегацию и артикуляцию общественных интересов;
- 3) регламентация механизмов электорального и функционального представительства;
- 4) налаживание инфраструктуры горизонтальной и вертикальной коммуникации заинтересованных субъектов;
- 5) урегулирование и разрешение конфликтов между группами интересов (медиация);
- 6) конкурентное уравнивание интересов (арбитраж);
- 7) анализ и учет разнонаправленных требований в процессе распределения и перераспределения ограниченных ресурсов и благ;

- 8) обеспечение легитимной трансформации общественных интересов в политико-управленческие решения;
- 9) целенаправленное содействие формированию определенных интересов у тех или иных социальных общностей;
- 10) контроль за соблюдением установленных норм и принципов политического согласования интересов.

Реализация государством его репрезентационной функции сводится к артикуляции и отстаиванию им определенного набора интересов. Дискуссия о том, чьи интересы выражают государственные институты в политической системе, давно стала предметом, скорее, публицистического, нежели научного дискурса. Абстрагируясь от эмоциональных и ценностных аспектов данной проблемы, можно выявить четыре объективных подхода к ее решению. В рамках первого подхода государство рассматривается как выразитель фундаментальных потребностей нации, заключающихся в обеспечении принципиальных условий ее выживаемости. Таким образом, на внутривнутриполитическом уровне оно предстает в качестве агрегатора и артикулятора национальных интересов. Второй подход закрепляет за государством роль выразителя интересов бюрократии, которая стремясь к рациональному господству, использует институты власти для реализации своих осознанных потребностей¹. Третий подход (марксистский) предполагает рассмотрение государства как выразителя притязаний господствующего класса². Наконец, в рамках четвертого подхода, нашедшего отражение в работах У. Домхоффа, Ч.Р. Миллса и др., государство выступает артикулятором и выразителем интересов узкого круга правящих элит³. Отчасти признавая справедливость и обоснованность каждого из выделенных подходов, мы полагаем, что государство в системе политического согласования интересов осуществляет:

1. представительство и защиту национальных интересов;
2. представительство интересов бюрократии;
3. представительство интересов господствующего класса (если таковой имеется);
4. представительство интересов правящей элиты.

Реализуя комплекс политико-управленческих и репрезентационных функций, государство выступает одновременно субъектом и объектом политики согласования интересов, что нередко приво-

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 т. Т. 2. Немецкая идеология. М., 1985.

³ Domhoff G.W. Who Really Rules: New Haven and Community Power Re-Examined. New Brunswick, NJ, 1978; Миллс Ч. Р. Властвующая элита. М.: Директ-Медиа, 2007.

дит к системным сбоям в процессе принятия политических решений органами власти. В соответствии с вышеперечисленными задачами могут быть выделены основные функциональные блоки политики согласования интересов, посредством которых обеспечивается ее реализация. Применение структурно-функционального подхода, наряду с индуктивным методом, позволяет нам выстроить пятикомпонентную модель политики согласования интересов, включающую:

Блок 1. Нормативно-ценностный. Определяет и нормативно фиксирует иерархию общественных интересов по степени их значимости и приоритетности для государства. В рамках данного блока выкристаллизовываются национально-государственные интересы, с которыми впоследствии соотносятся потребности конкретных групп и субъектов.

Блок 2. Артикуляционный. Включает систему институтов, обеспечивающих артикуляцию, репрезентацию и непосредственно согласование общественных интересов. Устанавливает допустимые формы и механизмы политического участия заинтересованных групп.

Блок 3. Коммуникативный. Предполагает формирование каналов диалоговой коммуникации как по вертикали (между властью и обществом), так и по горизонтали (между заинтересованными группами). Обеспечивает циркуляцию информации о частных и публичных интересах между различными элементами политической системы.

Блок 4. Медиативный. Включает комплекс мер, применяемых государством для урегулирования и разрешения конфликтов, которые возникают в результате столкновения конкурирующих и антагонистических интересов.

Блок 5. Интеграционный. Соединяет в себе политические механизмы и технологии, обеспечивающие конвергенцию разноплановых общественных интересов. Обеспечивает «увязывание» национальных интересов с интересами отдельных социетальных общностей и экономических структур.

Репрезентационные и контролирующие функции государства не нашли отражения в предложенной нами модели политики согласования интересов по ряду причин: во-первых, настоящие функции в той или иной степени соотносятся с каждым из пяти выделенных блоков; во-вторых, для их реализации применяются преимущественно универсальные политико-управленческие механизмы и технологии; в-третьих, подробное рассмотрение государства в качестве субъекта политического представительства интересов чревато неоправданным расширением предмета настоящего исследования.

Формирование целостного представления о политике согласования интересов, реализуемой в том или ином государстве, требу-

ет проведения предметных эмпирических исследований, на основе которых могут быть сформулированы ценные, с практической точки зрения, выводы. Ввиду новизны самого предмета исследования практически полностью отсутствуют наработанные политической наукой методы и подходы к его изучению. Зачастую научный анализ конкретных направлений государственной политики осуществляется на основе универсальных критериев эффективности, которые находят выражение в количественных (прежде всего, экономических) показателях. Данный подход не может быть использован для изучения политики согласования интересов, поскольку взаимная интеграция осознанных потребностей субъектов отражает качественное состояние общественных отношений. Таким образом, перспективы дальнейшего научного анализа рассмотренной в настоящей статье проблемы, на наш взгляд, связаны с выработкой адекватных принципов, методов и критериев изучения политики согласования интересов.

Библиография

1. Буренко В.И. Власть – политика – управление в системе отношений «общество-государство» // Труды МГУУ Правительства Москвы. 2005. № 4. С. 247–261.

2. Наугольных В.В. Политика урегулирования конфликтов власти и бизнеса: опыт современной России // Вестник Российской нации. 2015. № 1. С. 229–238.

3. Перегудов С.П. Новый российский корпоративизм: демократический или бюрократический? // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 23–26.

4. Перегудов С. П., Афанасьев М. Н., Лепехин В. А., Зудин А. Ю., Семенов И. С., Соловьев А. И., Заславский С. Е. Согласование интересов и государственная политика России (Дискуссия) // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 114–131.

5. Федякин А.В. Формирование позитивного образа государства в системе приоритетов государственной политики // Мир и политика. 2009. № 12. С. 63–73.

6. Хелд Д. Политика как научная дисциплина // Полис. Политические исследования. 1991. № 5. С. 146–147.

7. Якунин В.И., Сулакшин А.С., Ахметзянова И.Р. Государственная конкурентная политика в России: состояние и проблемы // Труды центра. Выпуск № 3. М., Научный эксперт, 2006.

8. Domhoff G.W. Who Really Rules: New Haven and Community Power Re-Examined. New Brunswick, NJ, 1978.

9. Lehbruch G. Liberal corporatism and party government. – In: Trends toward corporatist intermediation / Ed.: Schmitter P.C., Lehbruch G. London; Beverly Hills, 1979, p. 147–184.

*Фирсов Александр Владимирович,
аспирант кафедры «Политология, история
и социальные технологии» Московского
государственного университета путей
сообщения (МИИТ)
Firs_90@mail.ru*

Политическая стабильность как фактор национальной безопасности государства/ Political stability as a factor of national security

Аннотация

Статья посвящена проблемам исследования феномена политической стабильности в контексте обеспечения национальной безопасности. Автор приводит точки зрения отечественных и зарубежных исследователей по указанной проблематике, а также делает ряд выводов по вопросу соотношения мер поддержания политической стабильности.

Ключевые слова

Политическая стабильность, политическая стабилизация, политическая система, политические институты, политические процессы, политические технологии.

Abstract

Article is devoted to the study of the phenomenon of political stability in the context of national security. The author cites the points of view of domestic and foreign researchers on the subject and makes a number of conclusions on the question of the relation between measures of political stability.

Keywords

Political stability, political stability, political system, political institutions, political processes, political technologies.

В контексте защиты национальных интересов политическая стабильность, на наш взгляд, в первую очередь должна рассматриваться как функция демократии, включающей в себя в том числе и участие граждан в управлении государством посредством институтов гражданского общества. В этой связи полагаем, что политическое

представительство, в первую очередь наличие полноценных парламентских институтов, способствует достижению демократической политической стабильности.

В контексте исследования механизмов поддержания политической стабильности в рамках обеспечения национальной безопасности в большей степени можно согласиться с распространенной в научной литературе концепцией классификации политической стабильности по критерию политического режима¹.

Следует подчеркнуть при этом, что, на наш взгляд, наиболее адекватным механизмом поддержания политической стабильности является способность системы с помощью институтов политического режима отвечать требованиям и политическим интересам граждан.

Такой подход позволяет различать политическую стабильность по способам ее достижения – т.е. демократическую и авторитарную. В условиях демократической стабильности, основанной на гуманистических и нравственных средствах достижения, фактически отсутствуют социальные потрясения в обществе (гражданские войны, вооруженные конфликты, национальные и межэтнические столкновения, экономические кризисы и т.п.)².

Такой вид политической стабильности определяется наличием благоприятных условий развития демократии и гражданских свобод, равноправными взаимоотношениями субъектов Федерации, гуманистическими способами разрешения национальных и региональных вопросов. Демократическая стабильность фактически предполагает наличие принципов многостороннего сотрудничества между всеми субъектами Федерации при уважении прав и свобод человека, отказе от применения насилия в ходе решения конфликтов и при соблюдении территориальной целостности страны³.

Авторитарный тип политической стабильности достигается за счет господства в обществе военно-политических сил и установлением режима политической диктатуры. Такая стабильность в большей степени имеет характеристики, скорее, временно достигнутой стабилизации, однако не ведет ни к развитию политической системы, ни к решению насущных общественно-политических проблем, составляющих конфликтогенные факторы для существования и функционирования государственности. В данном случае получившая доступ к властным ресурсам политическая элита фактически

¹ См.: Постникова Л. Политическая стабильность как фактор развития политической системы. М.: ИНИОН РАН, 2013.

² Там же.

³ Sarkesian S.C., Williams J.A., Cimbala St.J. U.S. National Security. Policymakers, processes, and politics. 3-ed. L.: Lunn Rienner Publishers, 2011.

подменяет в своей политической риторике стремление сохранения статус-кво на понятие «политическая стабильность».

Каждому политическому режиму свойственен определенный тип политической стабильности, в зависимости от механизмов ее установления и поддержания. Основными механизмами, обеспечивающими общественный гомеостаз, являются механизмы управления и механизмы саморегуляции гражданского общества. Для установления политической стабильности при авторитарных и тоталитарных режимах задействованы, главным образом, механизмы центрального управления. Стабильность же при демократической форме устройства общества, – это такая стабильность, когда система успешно адаптируется к изменениям, сохраняет свои основные параметры при помощи, как механизмов управления, так и самоорганизации гражданского общества¹.

Современное государство как общественно-политический институт обладает огромным арсеналом средств и методов по предупреждению такого рода столкновений, как «цветные революции», военные перевороты, массовые волнения. Однако зачастую государству не удается сохранить политическую стабильность, когда выигрывают его противники, консолидированные в экстремистские социально-политические, этнические и религиозные организации. В условиях глобализации экстремизм получил возможность распространения практически во всех странах мира за счет неконтролируемых национальными государствами глобальных финансовых потоков, а также за счет повышения доступности средств глобальной информатизации. Экстремистские силы получили возможность применять методы информационно-психологических манипуляций массовыми настроениями, что позволяет обеспечить стремительный по темпам процесс политической мобилизации крупных массовых групп, превращая их в толпу, которая фактически действует в интересах экстремистов с целью делегитимации действующих властей².

Оппонентами политических режимов также может использоваться существующий и накопленный многими десятилетиями протестный потенциал различных слоев населения. Такого рода возможность особенно следует учитывать при попытках экстремистов активизировать латентные межэтнические и межконфессиональные конфликты, дестабилизирующие политическую систему и приводящие к распаду государства.

¹ Handley J.M., Zeigler A.H. A Conceptual Framework for National Security // American Diplomacy. 2010. November. № 4.

² Панарин В.М. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Стратегическая безопасность. 2014. № 3. С. 26–38.

Применительно к российской политической практике, некоторые отечественные исследователи отмечают сохранение в российском обществе серьезных оснований для социальных, экономических, политических, этнических конфликтов, которые, существуя в латентной форме, проявляются в таких действиях, как столкновение на Манежной площади (декабрь 2010 г.), протестная активность населения в связи с состоявшимися в 2011 г. выборами в Государственную Думу Федерального Собрания России, а также террористическая активность в регионе Северного Кавказа. Наличие скрытых, латентных конфликтов и их нерешенность приводит в постоянному наличию на территории Российской Федерации конфликтогенных зон. В частности, одной из таких «неблагополучных» с точки зрения политической стабильности территорий является регион Северного Кавказа (Республика Дагестан и Чеченская Республика представляют собой сгусток противоречий межэтнического и межконфессионального характера, что само по себе создает огромный конфликтный потенциал в регионе)¹.

В этом отношении хотелось бы подчеркнуть, что неспешность государственной власти в решении проблем Северного Кавказа может привести в итоге к неконтролируемым последствиям, а именно к социальному взрыву и новым кровопролитным столкновениям между национальностями, проживающими в регионе (их насчитывается порядка 60 только в одном Дагестане)².

Интересен тот факт, что в данном вопросе государственная власть не пытается расширить границы политического участия граждан с тем, чтобы достичь баланса сил, который и обеспечивает в теории политическую стабильность. Вместо этого государство на протяжении последних 20 лет пытается лишь сохранить статус-кво в потенциально конфликтных регионах, что вовсе не означает достижение политической стабильности, а напротив, само по себе создает угрозу национальной безопасности страны. Силовой метод поддержания политической стабильности, которая понимается властью как сохранение статуса-кво, является традиционным для России с момента основания государственности на данной территории. Таким образом, поскольку сам концепт «политическая стабильность» понимается властью и правящей элитой изначально неверно и рассматривается только как сохранение статуса-кво на максимально

¹ Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России: Научно-методическая разработка к курсу профессора А.А. Кокошина на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Инфра-М, 2011.

² Панарин В.М. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Стратегическая безопасность. 2014. № 3. С. 26–38.

возможный длительный период, то и методы поддержания такой квазистабильности в основном представляют собой силовое давление и воздействие государственных структур¹.

Одновременно в отношениях России и западных стран на сегодняшний момент наступил глубочайший кризис, который, по оценкам некоторых экспертов, глубже и сложнее по своим основным противоречиям, нежели «холодная война». В виду нарастания внешних угроз государство мобилизует внутренние ресурсы на поддержание статус-кво, поскольку в условиях социально-экономического спада потеря легитимности властной элитой фактически бедует означать и крах государственности как таковой. Тем не менее, усилия, направленные на недопущение «майдана» в России, вполне оправданы с точки зрения сохранения суверенитета страны и территориальной целостности. Данная проблема напрямую связана с поддержанием политической стабильности в обществе, но не того статус-кво, который так долго сохраняла правящая элита. Именно в данной плоскости нам видится основная угроза национальной безопасности, поскольку при силовом воздействии и силовыми методами со стороны государства под предлогом поддержания политической стабильности может охраняться ситуация стагнации в политической сфере, что приведет к неспособности политической системы осуществлять свои функции².

Таким образом, важнейшее условие по противодействию угрозам политической стабильности в любом государстве – это формирование благополучного и уверенного в своем завтрашнем дне общества. В российской политической практике постоянно происходит документальное подтверждение озабоченности государства теми или иными проблемами социально-политической жизни, постоянно публикуется огромное количество официальных программ и концепций по проблемам социальной, экономической, экологической, молодежной и т.п. политики.

Однако, такого рода документы по сей день носят преимущественно декларативный характер. Несмотря на выделение огромных средств из федерального бюджета на реализацию тех или иных ФЦП и национальных проектов, большая часть проблем до сих пор остается нерешенной. Такой декларативный подход к обеспечению политической стабильности без участия социальных институтов и гражданского общества приводит к тому, что в российском социу-

¹ Постникова Л. Политическая стабильность как фактор развития политической системы. М.: ИНИОН РАН, 2013.

² Панарин В.М. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Стратегическая безопасность. 2014. № 3. С. 26–38.

ме возможности регулирования общественных противоречий остаются крайне ограниченными.

Необходимо также подчеркнуть, что основные параметры и аспекты противодействия угрозам политической стабильности со стороны государства (механизмы, институты и средства, основные приоритеты) определены в рамках системы обеспечения национальной безопасности.

Фактор политической стабильности в обеспечении национальной безопасности РФ достаточно полно исследован в работах таких авторов, как, О.А. Бельков, А.В. Возжеников, Н.Н. Ефимов, А.А. Кокошин, С.В. Картунов, А.А. Прохожев¹.

Также в исследовании корреляции политической стабильности и параметров национальной безопасности большой интерес представляют труды таких авторов, как В.В. Локосов, А.В. Макеев, А.И. Соловьев и др.²

Геополитические изменения как угроза политической стабильности исследованы в работах В.И. Анненкова, Е.П. Баханова, А.Д. Богатурова, А.Д. Воскресенского, А.Г. Задохина, В.В. Штоля и др. Активно исследуется опасность терроризма как глобальная угроза безопасности и политической стабильности государств³.

Отдельным направлением исследований проблемы поддержания политической стабильности в рамках национальной безопасности можно считать концепции несилового воздействия на систему и несиловых технологий ее разрушения. Особенный интерес в данной контексте представляют исследования методов ненасильственной дестабилизации внутривнутриполитической обстановки, а также исследования таких авторов, как Дж. Шарп, Р. Хелви, С.Г. Кара-Мурза, Г.О. Павловский, посвященные исследованию информационно-манипулятивных технологий организации так называемых «цветных» революций⁴.

Варианты обеспечения национальной безопасности и методы противодействия угрозам политической стабильности обосновываются в различных концепциях. В частности, ряд исследователей рассматривает возможности использования невооруженных мер по защите национальных интересов⁵. В разрезе конфликта между РФ

¹ Панарин В.М. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Стратегическая безопасность. 2014. № 3. С. 26-38.

² Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. М.: РАГС, 2010.

³ Там же.

⁴ Sarkesian S.C., Williams J.A., Cimbala St.J. U.S. National Security. Policy-makers, processes, and politics. 3-ed. L.: Lunn Rienner Publishers, 2011.

⁵ Подробно см.: Федякин А.В. Реализация национальных интересов как стратегический приоритет современной российской политики // Вестник

и США по поводу событий в Украине актуальным представляется также направление исследований непрямого военного воздействия, в котором основной акцент делается на выявлении новейших методов силового стратегического сдерживания. Интерес представляют работы С.В. Кортунова, посвященные возможностям использования рефлексивного подхода в обеспечении военной безопасности¹.

Подводя итог сказанному выше, можно сделать следующий вывод: в современных исследованиях, посвященных обеспечению политической стабильности и связанных с ней проблем, основной акцент делается на анализ таких явлений, как политический терроризм, экстремизм, сепаратизм с точки зрения возможного определения путей профилактики и борьбы с такого рода угрозами. Однако, данный вид угроз является лишь следствием глубинных, латентных конфликтов в социуме, противоречий на межэтнической и межконфессиональной основе. Именно потому государству необходимо разрабатывать не только меры ответного удара, но и превентивного регулирования конфликтов.

Библиография

1. Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. М.: РАГС, 2010.
2. Кортунов С.В. Приоритетные направления Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2011.
3. Панарин В.М. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Стратегическая безопасность. 2014. № 3. С. 26–38.
4. Постникова Л. Политическая стабильность как фактор развития политической системы. М.: ИНИОН РАН, 2013.
5. Федякин А.В. Реализация национальных интересов как стратегический приоритет современной российской политики // Вестник Российской нации. 2014. № 6. С. 110–132.
6. Handley J.M., Zeigler A.H. A Conceptual Framework for National Security // American Diplomacy. 2010. November. № 4.
7. Sarkesian S.C., Williams J.A., Cimbala St.J. U.S. National Security. Policymakers, processes, and politics. 3-ed. L.: Lunn Rienner Publishers, 2011.

Российской нации. 2014. № 6. С. 110–132.

¹ Кортунов С.В. Приоритетные направления Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Ростов-на-Дону: СКАГС, 2011.

АСПЕКТЫ

*БОЛЬШАКОВА Юлия Михайловна,
к.пол.н., доцент кафедры «Менеджмент»
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета
gimiit@gimiit.ru*

Аннотация

В работе раскрывается сущность государственного сервиса как социального института, дается оценка его в гносеологическом плане, то есть как объекта исследования. Уточняется понятие общественных благ (к которым относятся, в частности, услуги), в качестве агента по производству которых может рассматриваться государство. Дана характеристика транзакционным и трансформационным государственным услугам. Выделены основные характеристики института государственного сервиса, рассматриваемого в гносеологическом аспекте: многоаспектность, междисциплинарность, интерпретационная вариативность.

Ключевые слова

Государственная услуга; государственный сервис; социальный институт; транзакционные издержки; транзакционные услуги; трансформационные услуги; транзакции рационирования.

Abstract

The paper reveals the essence of the public service as a social institution, evaluates it in epistemological terms, that is, as the research object. Clarifies the concept of public goods (which include, in particular services), as agent for the production of which the State may be considered. The characteristic of transactional and transformational public services. The basic characteristics of the public service institution, viewed in the epistemological aspect: the multidimensional nature, interdisciplinary, interpretational variability.

Keywords

Public service; public service; social institution; transkatsionnye costs; transkatsionnye services; transformation services; rationing transactions.

При всей многогранности понятия «социальный институт» применительно к институту государственного сервиса следует выделить три важнейших момента, определяющих его «социальность». Прежде всего, нужно иметь ввиду его роль и значимость в жизни общества, при том как для социума в целом, так и для отдельных групп населения, а также индивидов, поскольку в конечном итоге именно через индивидуальное потребление услуг реализуются и остальные формы потребления.

Далее должны быть приняты во внимание масштаб и степень вовлеченности населения во взаимодействие с государством по поводу производства и потребления общественных благ.

Наконец, эти два момента не могут быть в полной мере раскрыты и поняты без выявления специфики государственного сервиса, поскольку, с одной стороны, она (специфика) является источником указанных проявлений социальности, а с другой – сама ими обусловлена.

Начать рассмотрение этих вопросов следует с уточнения того, что следует понимать под общественными благами (к которым относятся, в частности, услуги), в качестве агента по производству которых может рассматриваться государство. Как известно, тип того или иного блага определяется наличием или отсутствием у него свойства исключительности доступа и конкуренции при потреблении¹. В свою очередь наличие или отсутствие исключительного доступа к благу определяется величиной издержек по обеспечению исключительности доступа. Запретительно высокие издержки исключения свидетельствуют о том, что то или иное благо не обладает свойством исключительности доступа. Что касается конкуренции при потреблении блага, ее наличие означает, что потребление этого блага каким-либо субъектом исключает потребление этого же блага другим субъектом. Напротив, при отсутствии конкуренции такого препятствия не возникает.

Общественные блага характеризуются отсутствием как исключительности доступа, так и конкурентности при потреблении. Обеспечение этих свойств общественного блага требует привлечения не

¹ Сухарев О.С. Институциональный анализ производства общественных благ // TERRA ECONOMICUS. 2013. Том 11. №1. С. 67.

только экономических и организационных, но и властных ресурсов. Отсюда вытекает важнейшая специфическая особенность государственного сервиса – использование властных полномочий с целью исключения конфликтности при производстве, распределении и потреблении этих услуг, представляющих одну из форм общественного блага. Поскольку монопольное использование властных полномочий делегировано обществом государству, постольку монопольный характер носит и производство государственных услуг – другая важная специфическая сторона государственного сервиса. Третья особенность – обязательный характер потребления государственных услуг – не является очевидной и требует некоторых пояснений.

Существует два типа характеристик, различающихся по своей природе и возникновению. К первому типу – физическому – относятся такие характеристики (свойства), как размер, форма, масса, расположение в пространстве и т.п. Ко второму типу относятся правомочия собственности: право владения, пользования, право на доход и т.д. С этими двумя типами характеристик благ связаны соответственно трансформационная и трансакционная функции, создающие и изменяющие указанные характеристики.

Следовательно, и услуги, рассматриваемые как блага, предоставляемые в форме деятельности (в форме осуществления соответствующих функций) можно разделить на две группы – трансформационные и трансакционные. Данная типология не вызывает вопросов в отношении трансакционных услуг, но может породить недоумение применительно к услугам трансформационного типа, учитывая такие специфические свойства услуги, как неосязаемость, несохраняемость, непостоянство качества и неотделимость от источника. Вопросы, однако, снимаются, если принимать во внимание не только процессуальный, но и результативный аспект услуги, который заключается в случае трансформационной услуги в производстве у потребителя такого положительного с точки зрения обеспечения жизнедеятельности и развития личности потребителя эффекта, который обладает вполне физическими (в широком смысле) характеристиками: изменением или сохранением собственно физического, психоэмоционального, духовного и интеллектуального состояния потребителя.

Между услугами рассматриваемых типов существует определенная соподчиненность, а точнее подчиненность трансакционных услуг трансформационным. Ведь для потребителя в конечном счете имеет значение эффект, произведенный в процессе потребления трансформационной услуги, тогда как результатом потребления услуги трансакционного типа является возникновение или ликвидация пра-

ва (титула) на потребление трансформационной услуги. В этом случае услуги трансформационного типа можно назвать финальными, а транзакционные услуги – условно-финальными (если время предъявления титула отсрочено и не определено во времени) или стробирующими (если срок предъявления титула фиксирован). Стробирующие транзакционные услуги, а также соответствующие права собственности (строб-титулы) могут образовывать иерархические системы (строб-титулы 1-го, 2-го и т.д. порядка и их комбинации), поскольку бюрократические процедуры оформления титулов строятся по принципу «предъявите мне справку, что Вам нужна справка» и т.д. Вместе с тем такая организация имеет важное значение, обеспечивая своего рода «помехозащищенность» процесса производства-потребления услуг от различных «сбоев», являющихся следствием ошибочных или злонамеренных (оппортунистических) действий потребителей этих услуг. Следствием иерархичности системы транзакционных услуг является их преобладающий (в смысле объема) характер в общей структуре государственного сервиса, поскольку потреблению каждой услуги трансформационного типа предшествует потребление, как правило, нескольких транзакционных услуг. Дело в том, что в основе государственных услуг транзакционного типа лежат транзакции рационирования¹, предполагающие исполнение заявительной процедуры, осуществляемой по инициативе потребителя. Пакет заявительных документов (являющихся результатом потребления других транзакционных услуг) может составлять несколько единиц, а иногда и десятков таких документов.

После того, как были сделаны необходимые пояснения, обязательный характер потребления государственных услуг транзакционного типа вряд ли будет подвергнут сомнению, ведь в отсутствие правомочий собственности и свобод, а также в отсутствие возможности изменения этих правомочий жизнедеятельность человека в условиях современного социума была бы просто невозможна, а сам социум оказался бы парализованным. Что касается трансформационных услуг, то обязательный характер их потребления выступает здесь в неявной форме, а именно - индивиды несут издержки, связанные с производством услуг (по крайней мере, с содержанием инфраструктуры производства) независимо от того, имело ли место реальное потребление услуги индивидом или нет.

Возвращаясь к вопросу о социальной значимости государственного сервиса отметим, что с учетом обязательного характера по-

¹ Вольчик В.В., Нечаев А.Д. Теоретические подходы к идентификации транзакционных издержек // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). 2014. Том 5. №1. С. 29.

требления государственных услуг с одной стороны и монополии государства по производству этих услуг с другой нетрудно представить масштаб охвата и степень вовлеченности населения во взаимодействие с государством, осуществляемого в рамках института государственного сервиса. Речь идет практически об участии в этом взаимодействии каждого члена общества и при том на протяжении всей его жизни, а это, как уже указывалось выше, – показатель социальной значимости института государственного сервиса. Специально следует отметить социальную роль института в отношении социально незащищенных групп населения. Потребление государственных услуг является для этих групп, по существу, единственным источником обеспечения приемлемого уровня жизни, что особенно актуально для развивающихся стран переходного периода, модернизационные процессы в которых сопровождаются часто серьезными социально-экономическими проблемами.

Наконец, важнейшая социальная роль института государственного сервиса, вытекающая из рассмотренной выше специфики, заключается в гарантированном воспроизводстве и развитии всего социума в целом в его важнейших аспектах – социально-экономическом, политическом, социо-культурном, демографическом, в чем отражается и проявляется на филогенетическом уровне применительно к биосоциосистемам фундаментальный принцип сохранения.

Задачей не менее важной, чем определение роли и особенностей государственного сервиса как социального института является оценка его в гносеологическом плане, то есть как объекта исследования. В указанном плане представляется важным выделить три характеристики института государственного сервиса.

Одна из них – многоаспектность. Ниже приведен перечень основных аспектов.

1. Социально-экономический аспект. Институт, его функционирование относится к социально-экономической сфере. Государство и население, взаимодействующее в процессе производства-потребления услуг в определенной степени являются экономическими контрагентами. Категория «услуга» является базовой категорией экономических отношений.

2. Идеолого-политический аспект. Становление и институционализация государственного сервиса в развивающихся странах неизбежно сопровождается противоборством (иногда весьма ожесточенным) консервативного и новационно-реформаторского начал. Свои позиции «реформаторы» и «консерваторы» пытаются усилить путем их теоретического обоснования. В условиях конфронтации

такого рода теоретические обоснования обретают политическую окраску и выступают в форме идеологий.

3. Социально-психологический аспект. Социальное взаимодействие государства и населения в процессе производства и потребления государственных услуг неизбежно сопровождается психо-эмоциональными впечатлениями и переживаниями индивидов-потребителей этих услуг. Психо-эмоциональный момент поэтому включен как необходимая составляющая в механизмы синтеза «старого» и новационного опыта, в механизмы формирования и элиминирования такого социального феномена, как институциональный фетишизм, в механизмы формирования важнейшего показателя качества предоставления услуг – удовлетворенности.

4. Институциональный аспект. Институционализация государственного сервиса может быть интерпретирована, как становление и развитие устойчивой системы правил, регулирующих и координирующих взаимодействие производителя и потребителей государственных услуг. Практическая реализация этой задачи осуществляется в нормативно-правовом русле в рамках функционирования соответствующих институтов-организаций.

5. Социологический аспект. Решение задач институционализации государственного сервиса в развивающихся странах, предполагающее преимущественно целенаправленную, происходящую под патронажем государства деятельность, не может быть успешным, если не будет основываться на данных серьезных социологических исследований.

Основными задачами этих исследований являются:

- выявление государственных услуг (в качественном и количественном аспектах), востребованных различными категориями населения;
- дифференциация населения на категории по признакам, влияющим на доступность государственных услуг;
- осуществление мониторинга качества предоставления услуг;
- совершенствование показателей удовлетворенности качеством предоставления услуг в направлении их объективизации.

Другой важной особенностью государственного сервиса как объекта исследования является междисциплинарность. Стоит отметить, что несмотря на то, что эти характеристики явным образом вытекают из многоаспектности, их не следует отождествлять¹. Междисциплинарность делает акцент не на анализе объекта, не на

¹ Междисциплинарность в науке и философии /Рос.акад.наук, Ин-т философии; Отв.ред. И.Т. Касавин. – М.: ИФРАН, 2010. С. 6.

фиксировании его многогранности и в этом смысле полифрагментарности, а на синтезе соответствующих фрагментов знания, который подчинен цели и задачам исследования и обеспечивает таким образом искомое приращение знания. При этом предполагается, естественно, привлечение в случае необходимости методологических подходов и инструментальных исследовательских средств тех научных дисциплин, в предметную область которых включен тот или иной рассматриваемый аспект.

Третья особенность института государственного сервиса, рассматриваемого в гносеологическом аспекте, может быть сформулирована как интерпретационная вариативность. В развернутом виде это означает вариативность толкования определений, понятий, категорий, характеризующих объект исследования, а также вариативность применения общеметодологических подходов, зависящих от контекста его рассмотрения. Диапазон такой вариативности очевидным образом зависит от соотношения теоретических и практических целей и задач исследования. Преобладание первых, сопутствующая этому теоретическая «нагруженность» диктует необходимость выявления фундаментальных оснований исследуемого явления – здесь неизбежны элементы релятивистского подхода. Напротив, преобладание вторых делает вполне оправданным появление в общеметодологической «палитре» исследователя элементов редукционизма. При сбалансированной исследовательской постановке методологически обосновано использование и того, и другого подходов. Например, в теоретическом плане граница между процессами производства и потребления услуги весьма размыта и условна¹, однако в практических целях она может быть обозначена фиксируемым фактом оплаты услуги, подписанием акта приема-передачи и т.д.

Во многом именно интерпретационной вариативностью может быть объяснено (и оправдано) отсутствие конвенциональности в отношении тех или иных элементов понятийно-категориального аппарата, относящегося к государственному сервису. Предметом дискуссии являются даже такие его базовые категории, как «услуга» или «государственная услуга»². Осмысление и учет этой особенности инсти-

¹ Перепелкин В.А. Международная практика структурирования сектора услуг // Журнал международного права и международных отношений. 2007. №2. С. 75.

² См. Неделько С.И., Мурзина И.А., Егоров С.Н. Понятие государственной услуги как категории государственного управления // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2008. №3. С. 3-11; Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журнал российского права. 2004. №10. С. 15-23; Нестеров А.В. Понятие услуги государственной, общественной (социальной) и публичной // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. №11.

туда государственного сервиса как объекта исследования позволяет избежать излишне строгого, граничащего с педантизмом толкования того или иного термина или понятия, подчинив его (это толкование) задаче наиболее полного раскрытия темы исследования.

Библиография

1. Алькина Г.И., Герба В.А. Сущность государственных услуг // Вестник ТОГУ. 2009. №3 (14). С. 129-134.
2. Вольчик В.В., Нечаев А.Д. Теоретические подходы к идентификации трансакционных издержек // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION (Вопросы регулирования экономики). 2014. Том 5. №1. С. 26–38.
3. Междисциплинарность в науке и философии /Рос.акад.наук, Ин-т философии; Отв.ред. И.Т.Касавин. – М.: ИФРАН, 2010. 205 с.
4. Неделько С.И., Мурзина И.А., Егоров С.Н. Понятие государственной услуги как категории государственного управления // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2008. №3. С. 3–11.
5. Нестеров А.В. Понятие услуги государственной, общественной (социальной) и публичной // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. №11. С. 72–82.
6. Перепелкин В.А. Международная практика структурирования сектора услуг // Журнал международного права и международных отношений. 2007. №2. С. 75–79.
7. Романюк Л.В. Государственная услуга как одна из основных категорий государственного управления: понятие, сущность, содержание // Ученые записки национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Юридические науки». Том. 27 (66). 2014. №3. С. 119–124.
8. Руденко И.А. Понятие и сущность государственной услуги // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. №3(52). С. 68–71.
9. Сухарев О.С. Институциональный анализ производства общественных благ // TERRA ECONOMICUS. 2013. Том 11. №1. С. 65–80.
10. Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журнал российского права. 2004. №10. С. 15–23.

С. 72–82; Алькина Г.И., Герба В.А. Сущность государственных услуг // Вестник ТОГУ. 2009. №3 (14). С. 129-134; Руденко И.А. Понятие и сущность государственной услуги // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. №3(52). С. 68-71; Романюк Л.В. Государственная услуга как одна из основных категорий государственного управления: понятие, сущность, содержание // Ученые записки национального университета им. В.И.Вернадского. Серия «Юридические науки». Том. 27 (66). 2014. №3. С. 119–124.

*СОКОЛОВА Татьяна Дмитриевна,
аспирант института социально-политических
исследований РАН
210189@bk.ru*

Социально-политические факторы институционализации форм общественного контроля в России/ Socio-political factors of civil control institutionalization in Russia

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются социально-политические факторы институционализации форм общественного контроля в Российской Федерации. В ситуации недоверия институтов к компетенциям друг друга и отсутствия нормативно-правовой базы выполнение неправительственным сектором своих контрольных функций в отношении деятельности государства долгие годы представлялось затруднительным, учитывая исторически сложившуюся патерналистскую модель отношения государственных институтов и гражданского общества в Российской Федерации. Как изменилась ситуация с появлением законодательной базы? Повлияла ли принятая программа повышения открытости государственного сектора на появление новых компетенций, практик и инструментов субъектов общественного контроля?

Ключевые слова

Модернизация; гражданское общество; общественный контроль; прозрачность; новые медиа.

Abstract

The article deals with the problem of civil control institutionalization in Russia through socio-political factors of civil society transformation. Historically the dialog between governmental bodies and civil society in Russia was mostly initiated and controlled by the State. Nevertheless, for the recent years the tendency of solving problems process has changed a lot. Public Sector has obtained now the legal basis for simulation Political Transparency. Could these changes predict and predefine new tools, competences or practices of civil control in Russian Federation?

Keywords

Modernization; civil society; public control; transparency; new media.

Мобилизация социальной активности населения и инициатив в условиях модернизации экономической и эволюции политической системы – обязательные условия функционирования институтов гражданского общества. Однако с учетом специфики развития гражданского общества в государстве выполнение неправительственным сектором контрольных функций долгое время воспринималось экспертным сообществом как нечто иллюзорное: отсутствие нормативно-правовой базы, слабая развитость и пассивность неправительственного сектора, закрытость государственных структур, слабая информированность граждан о деятельности и специфике работы федеральных органов исполнительной власти в значительной мере подкрепляли восприятие существовавших форм неправительственной активности как несостоятельных и малоэффективных. Деятельность граждан на общественных и добровольных началах важна для их собственной социализации и развития страны в целом¹. Важность активной коммуникации с обществом отмечает в своих высказываниях и руководство страны. Именно поэтому большое внимание развитию и поддержке неправительственных добровольческих инициатив уделяется в странах развитых демократий: к примеру, 2011 год был объявлен по решению Европейской комиссии годом волонтерства (the European Year of Volunteering). Вероятно, отмечая важность поощрения подобных инициатив и закладывания традиций добровольчества, Правительством РФ также был инициирован и спроектирован ряд масштабных государственных проектов, в том числе – образовательных. Ярким примером может служить создание в тесной кооперации с ведущими вузами страны центров подготовки волонтеров к Олимпиаде в Сочи-2014 (многие центры заработали с середины прошлого года, а массовый прием волонтеров начался в 2012 году), все более популярными становятся и научные форумы, конференции, суть которых сводится к симбиотической выработке практических инструментов лоббирования общественных интересов. Обычно на таких площадках встречаются представители государственного сектора, НКО, бизнес-структур и экспертного сообщества.

Однако, как отмечают некоторые эксперты, российское общество еще несколько лет назад нельзя было назвать филантропическим –

¹ Бодренкова Г.П., Караваешников С.Е. Системное развитие молодежного добровольчества в контексте пропаганды здорового образа жизни. Методические рекомендации. – М: 2011. – 78 С.

не было соответствующих инструментов поддержки общественных институтов, что наглядно проявляется и в период острых кризисных ситуаций. На примере мероприятий по ликвидации последствий стихийных бедствий общий круг проблем обозначил политолог, куратор идеологического направления отделений «Единой России» в УрФО Владимир Бурматов: «...добровольчество в нашей стране абсолютно неразвито и нуждается в коренном реформировании... Ездил туда дважды, и оба раза мы приглашали с собой всех желающих, обеспечивали их транспортом, питанием, но почему-то кроме нас туда никто не поехал [речь идет о пожарах лета 2010 года – прим. автора]. Мы стали даже приглашать туда наших критиков, чтобы они посмотрели, как все происходит на самом деле, но тоже никто не поехал. Потому что пожар – это всегда неприятная штука, там тяжело дышать, это вредно для здоровья». Общество должно осознать, что ему предстоит делать самостоятельный выбор и исполнять свой гражданский долг на пути преобразования всей системы. И в зависимости от того, насколько острую и активную полемику, а затем и действия вызывают подобные изменения, какой отклик они находят в социуме можно говорить о проявлении определенных аспектов формирования гражданской культуры конкретного государства. В свою очередь, специфической особенностью гражданской культуры, носителями которой и являются жители стран развитых демократий, являлось сочетание активной гражданской позиции (культура участия), подданнических настроений (абсолютная пассивность) и элементов приходской культуры. Наиболее ярко проявляется это в процессе оценки собственной значимости: Г. Алмонд и С. Верба пришли к выводу, что осознание респондентами собственной значимости в процессах принятия политических решений и расстановке политических сил далеко не всегда является верным. Часто опрашиваемые «переоценивали» свои возможности.

Последние годы развития политического процесса в России низкий уровень гражданской активности воспринимался многими экспертами как достаточное основание для констатации факта отсутствия гражданского общества как такового¹. Серия митингов «За честные выборы», нашедших отклик в десятках регионов страны, продемонстрировала изменение тенденций. Подтверждением тому могут стать и слова директора Центра изучения элит Института социологии РАН Ольги Крыштановской, которая отметила важность

¹ Стенограмма лекции профессора политических наук Майкла Урбана «Почему принято считать, что в России нет гражданского общества?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.igpi.ru/info/people/urban/1137583711.html>.

событий 10 декабря 2011 года: «Для меня это означает формирование гражданского общества в России. Мы все понимаем, что выборы всегда критиковались оппозицией. И раньше находились недовольные, которые указывали на нарушения. Но то, что общество теперь не хочет этот терпеть, – показатель пробуждения общества»¹. Средний класс начинает осознавать возможную значимость собственного голоса, общество готово озвучивать свои претензии к власти, оспаривая её легитимность, пусть пока только на площадях и в сети Интернет. Между тем, уровень тревожности россиян, атмосфера всеобщего недоверия, как фиксируют некоторые ученые, не позволяют говорить о безоговорочной самостоятельности неправительственного сектора. Безусловно в России продолжает доминировать патерналистская модель взаимодействия неправительственного сектора и органов государственной власти.

Исследования социологов, проводимые в последние годы, фиксируют высокий уровень тревожности россиян, неизменно важного фактора в вопросах определения здоровья общества, возможного определения его реакции на политико-экономическую ситуацию готовности к дальнейшей модернизации политической системы, возможной реакции и ответов на вызовы трансформаций. Данное обстоятельство является существенным и для оценки рисков социально-политической устойчивости общества.

Согласно данным Центра стратегических и социально-политических исследований ИСПИ РАН, за последние 11 лет радикальные настроения россиян сменились в сторону большей легитимности власти. Так, если в 1994 году 43% россиян считало, что политический строй в стране необходимо менять радикальным способом, но в июне 2015-го года таковых было только 19%. Возросло число тех, кто считает, что политическая система имеет свои недостатки, но они могут быть ликвидированы мирным способом². Комментируя положение дел в экономической сфере, социологи ИСПИ РАН констатируют: «Статистические данные показывают, что наша страна в последние годы медленно наращивает темпы добычи полезных ископаемых, производства продукции промышленности и сельского хозяйства. Существенно возрос за период 2000–2008 гг. внешнеторговый оборот и улучшилось сальдо внешнеторгового баланса. Но по остальным показателям промышленного и сельскохозяйственного производ-

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://er.ru/news/2012/1/2/olga-kryshatanovskaya-resheniya-sezda-partii-24-sentyabrya-odno-iz-centralnyh-sobytij-uhodyashego-goda/>.

² Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. «Как живешь, Россия...». По материалам XI этапа социологического мониторинга, декабрь 2014 года.

ства современная Россия еще не «дотянулась» до России 1990 г., по некоторым позициям – в разы»¹. Применение санкций к нашему государству и информационная изоляция, воздействие последствий финансового кризиса на реальный сектор экономики и отсутствие или недостаточная эффективность механизмов борьбы с обозначенным кругом проблем также, безусловно, отражаются на оценке россиянами уровня жизни в стране и удовлетворенности от выбранного государственной властью политического курса и проводимых реформ.

Изменилась тенденция и в отношении уровня тревог россиян. Если до 2013 года ученые фиксировали снижение показателя, то сейчас очевидным становится некоторое увеличение числа россиян, обеспокоенных ситуацией в стране. Так, по сравнению с 2014 годом число россиян, обеспокоенных дороговизной жизни, увеличилось с 45% до 50%. При этом также велико число тех, для кого критичным является показатель «произвол чиновников» (29%)². В целом же структура актуальных тревог выглядит следующим образом: повышение цен на продукты питания (27%), разделение общества на богатых и бедных (24%), безопасность близких (23%), падение нравов, культуры (23%), преступность (22%), безработица (21%), экологическая обстановка (20%), наркомания (19%), страх перед будущим (18%), алкоголизм (16%), обострение межнациональных отношений (15%), высокая инфляция (13%), ухудшение отношений с США и Европой (13%), терроризм (12%), ухудшение положения пенсионеров в обществе (12%), закрытие, простой предприятий (11%), задержка выплаты зарплаты, пенсий (7%), мировой экономический кризис (7%). Достаточно высокий уровень тревожности россиян по отдельным позициям демонстрирует нестабильность социально-политической системы. Нарастает уровень социальной неприязни и противоречий внутри общества. Почти половина (48%) россиян отмечают неприязнь в отношениях власти и общества. Как показали данные мониторинга «Как живешь, Россия», большинство граждан (74%) в 2014 году также считали значительными противоречия и неприязнь между бедными и богатыми; представителями «низших» и «высших» классов (68%), а также людьми различных национальностей (52%), представителями различных конфессий (41%) и т.п. Кроме того, почти треть россиян уверена, что не может повлиять на такие важные сферы жизни, как образование и наука (38%), защита прав (25%), вопросы ЖКХ и бытового обслуживания (24%)³.

¹ Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. «Как живешь, Россия...». По материалам XLI этапа социологического мониторинга, декабрь 2014 года.

² Там же.

³ Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С.

Таблица 1.

**Распределение ответов на вопросы:
«Назовите те сферы общественной жизни, на ситуацию
в которых Вы лично никак не можете повлиять», % ¹**

Сферы общественной жизни	Сферы, в которых не могут лично повлиять на происходящее	
	Москвичи	Россия
Образование, наука	27	38
Защита прав (политических, экономических, социальных)	24	25
Управление, в том числе местное самоуправление	23	26
ЖКХ и бытовое обслуживание населения	18	24
Досуг, спорт, туризм	14	14
Социальная работа, социальная защита, социальное обеспечение	12	20
Благотворительность	8	9
Охрана окружающей среды, защита животных	6	9
Другое	0	1
Затрудняюсь ответить	8	13

Между тем, одобрение деятельности президента, согласно замерам ВЦИОМ, находится на максимальной отметке, сохраняя стабильно высокое положение – на уровне выше 84% – последние полтора года. Рост рейтинга президента был зафиксирован в марте 2014 г., а в мае поднялся уже до рекордной отметки в 86% (с 64% в феврале)². Между тем, доверие к неправительственному сектору в последнее время падало: снижался уровень доверия россиян к Общественной палате, профсоюзам, по некоторым показателям падает авторитет СМИ. Показательно, что, несмотря на то, что 55% россиян отмечают важную роль неправительственных организаций в решении острых социальных проблем и развитии социальной сферы (в 2007 году так считал 31% россиян), 59% россиян затруднились назвать какую-нибудь общественную организацию³.

Экспресс-информация. «Как живешь, Россия...». По материалам ХLI этапа социологического мониторинга, декабрь 2014 года.

¹ Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. «Городское молчание» в Москве: предпосылки и вовлеченность населения в практики гражданского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 48–66.

² Пресс-выпуск ВЦИОМ №2983 «Президент всех россиян». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115478>.

³ Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2647 «Нужны ли нашему обществу обще-

Специфика взаимодействия общества и власти во многом определяет и институциональную основу развития общественного контроля. Как считают некоторые ученые, именно сверхцентрализация федеральной власти и стала причиной тому, что в случае возникновения проблемных моментов россияне стараются обращаться в первую очередь за помощью к федеральной власти даже в тех случаях, когда решение конкретного вопроса не относится к ее компетенциям. Наглядным примером может служить пресс-конференция В. Путина в МИА «Россия Сегодня», на которой звучали вопросы про платные парковки, протесты дальнбойщиков и т.п., не относящиеся по своей сути к специальным компетенциям органов центральной власти в силу своего скорее регионального характера. Попытки решения ресурсный потенциал неправительственного сектора не кажется населению столь же эффективным и мощным, как непосредственное обращение в государственные инстанции. Между тем, россияне не уверены, что со всеми своими полномочиями государство справляется одинаково хорошо. Социальный инфантилизм населения и активное давление на неправительственный сектор со стороны власти порождают ситуации всеобщего недоверия.

Кроме того, исследования социологов, проводимые в последние годы, фиксируют высокий уровень тревожности россиян, неизменно важного фактора в вопросах определения здоровья общества. Данное обстоятельство является существенным и для оценки рисков социально-политической устойчивости всей системы.

Другой важной особенностью развития институтов гражданского общества в России долгое время являлась «закрытость» государственных структур. Их информационная изолированность, что снижало качество предоставления государственных услуг, нивелировало малейшие попытки эффективного осуществления субъектами гражданского контроля реализации своих контрольных функций. С целью реализации принципов информационной открытости органов государственной власти, повышения качества обратной связи в триаде государство – экспертное сообщество – неправительственный сектор, согласно распоряжению Правительства, в 2014 году была принята Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти¹. Данная концепция разработана в целях:

ственные организации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114932>.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 N 93-р. Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/31339.html>.

- повышения прозрачности и подотчетности государственного управления и удовлетворенности граждан качеством государственного управления;
- расширения возможностей непосредственного участия гражданского общества в процессах разработки и экспертизы решений, принимаемых федеральными органами исполнительной власти;
- качественного изменения уровня информационной открытости федеральных органов исполнительной власти;
- развития механизмов общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти¹.

Необходимость существования этого документа, как обозначено в самой Концепции, объясняется, прежде всего, тем, что принятые ранее нормативно-правовые акты регламентировали преимущественно вопросы доступа к информации о деятельности органов государственной власти, не учитывая остальных аспектов. Будучи зачастую несогласованными и разрозненными, они также не регламентировали и никак не отражали процедуры оценки эффективности работы органов государственной власти в вопросах повышения информационной открытости для субъектов гражданского контроля и общества в целом.

Между тем, историческая пассивность и некоторая подавленность общества в вопросах контроля за финансовыми потоками и выбора государственного курса в определенный исторический момент на волне посткризисных преобразований и роста гражданской активности могут привести к деформации общественных установок и трансформации общественных институтов, а, значит, и пересмотру гражданами своих позиций по отношению к некоторым аспектам реализации государственной политики. Фактически, по итогам реализации большинства инициатив общество хочет в максимально сжатые сроки получить обратную связь, увидеть действенные преобразования и результативность предпринимаемых Правительством мер по ликвидации проблемных ситуаций, получить ответы на запросы конкретных социальных групп. В условиях тенденции к формированию информационного общества всеобщий бум пользования социальными сетями спровоцировал появление и новых контрольных форм. Пожалуй, один из самых ярких примеров эффективности подобных обсуждений – отмена 94-ФЗ, возможный переход на ФКС

¹ Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 N 93-р. Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/31339.html>.

с обсуждением в публичном медийном пространстве и на организованной электронной дискуссионной площадке, где каждый желающий мог высказать мнение в отношении конкретных положений, поделиться своим видением проблемы¹. Показательным является и запуск проектов «Наш город», «Активный гражданин», «Электронный гражданин» и т.п. И если ранее функция выражения общественных интересов для их широкой огласки и их артикуляции частично делегировалась СМИ и профессиональному сообществу, то сейчас важные социально-политические явления получают свою огласку в социальных сетях и блогосфере, а каждый активный пользователь новых технологий и «новых медиа» становится включенным в работу экспертного сообщества. Общество активно выражает свою позицию, но уже в иной плоскости – в виртуальном пространстве, площадке нового поколения, что позволяет говорить об изменении самого характера отстаивания общественных и личностных интересов: самые непопулярные реформы, государственные проекты получают широкую огласку, а порой – даже свою порцию критики. Агрегация интересов не всегда успешна, но сама процедура становится более доступной, а гражданское общество расширяет список своих инструментов и наращивает компетенции. Однако актуальным становится вопрос защиты информации в виртуальной плоскости.

Между тем, очевидным остается факт дефицита доверия в обществе, что в свою очередь порождает его атомизацию, невозможность консолидации даже для отстаивания собственных интересов. Исторически сложившаяся в России патерналистская модель взаимодействия власти и общества частично объясняет феномен несостоятельности общественного сектора в решении подобных вопросов, объясняет низкий уровень вовлеченности населения в процесс принятия политических решений и невысокий уровень легитимности подобных форм самоорганизации. Негативным фактором с имиджевой точки зрения также являются скандалы, связанные с выявлением иностранных контрагентов из числа НКО. И хотя курс, взятый государством на преобразование и модернизацию представляется затруднительным в период санкций и общего кризисного положения экономики страны, именно формирование информационного общества, повышение заинтересованности акторов процесса принятия политических решений в обоюдном взаимодействии на принципах прозрачности, доступности формы предоставления информации о деятельности органов государственной власти (в т.ч. – обеспечение понятности нормативно-правового регулирования, государственной политики и программ), вовлечения гражданско-

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ideas.economy.gov.ru/>.

го общества в экспертизу и процесс принятия политических решений и подотчётности федеральных органов исполнительной власти (и субструктур) становятся ключевыми задачами в вопросе повышения эффективности общественного контроля и увеличения вариативности контрольных механизмов неправительственного сектора.

Библиография

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии. // Полис. 1992. №4. С. 122–134.
2. Бодренкова Г.П., Караваешников С.Е. Системное развитие молодежного добровольчества в контексте пропаганды здорового образа жизни. Методические рекомендации. – М: 2011. – 78 С.
3. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. «Как живешь, Россия...». По материалам ХLI этапа социологического мониторинга, декабрь 2014 года.
4. Мерсиянова И. В., Корнеева И. Е. «Городское молчание» в Москве: предпосылки и вовлеченность населения в практики гражданского общества // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 48–66.
5. Пресс-выпуск ВЦИОМ №2983 «Президент всех россиян». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115478>.
6. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2647 «Нужны ли нашему обществу общественные организации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114932>.
7. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 N 93-р. Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/31339.html>.
8. Стенограмма лекции профессора политических наук Майкла Урбана «Почему принято считать, что в России нет гражданского общества?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.igpi.ru/info/people/urban/1137583711.html>.
9. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://ideas.economy.gov.ru/>.
10. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://pravo.ru/edition/view/60145/>.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://er.ru/news/2012/1/2/olga-kryshstanovskaya-resheniya-sezda-partii-24-sentyabrya-odno-iz-centralnyh-sobytij-uhodyashego-goda/>.
12. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton , 1963.

*РАЗИНКОВА Оксана Игоревна,
аспирантка кафедры «Философия
и культурология» Московского
государственного университета путей
сообщения (МИИТ)
Oksana-mk@bk.ru*

Социально-культурологический аспект проблемы жизни и смерти в современном мире/ The socio-cultural aspect of the problem of life and death in the world today

Аннотация

В статье автор рассматривает проблему жизни и смерти в социально-культурологическом аспекте, так как человеческая смертность – это фактор, влияющий на развитие материального и духовного производства. Смерть – это явление, которое не может укладываться только в рамки биологического измерения. Жизнь человека также не сводится к чисто природному существованию, человек, прежде всего, социальное существо. Отношение к смерти является важным параметром коллективного сознания. Феномен смерти не просто связан с нормами и ценностями, но оказывает первичное влияние на их формирование. В современной отечественной и мировой культуре феномен смерти представляется неопределенным, лишенным целостности и последовательности. Это приводит к тому, что в культуре отсутствует единая система ценностей как система координат.

Ключевые слова

Жизнь; смерть; культура; традиционное общество; современное общество; ценности; страх смерти; массовое сознание; эвтаназия; геронтология; морально-этические ценности; танатология; хоспис.

Abstract

The author considers the problem of life and death in the socio-cultural aspect, since human mortality - a factor in the development of material and spiritual production. Death - a phenomenon that can not be laid only in the biophysiological measurements. Human life is not reduced to a purely natural existence of man, above all, a social being. Attitude to death is an important parameter of the collective consciousness. The existing

structure of the ideological factor in the phenomenon of death, implying awareness of human mortality, determine the nature and rate of development of culture. Denial and repression of death in the modern world to the periphery led to the devaluation of the life of an individual. Death has become anti-social phenomenon, devoid of any meaning.

Keywords

Life; death; culture; Traditional society; modern society; value; fear of death; mass consciousness; euthanasia; gerontology; moral and ethical values; tanatologiya; hospice.

Феномен смерти оказывает огромное влияние на все сферы общественной жизни (экономическую, политическую, духовную, социальную, научную, медицинскую, педагогическую). Именно поэтому современные исследования проблемы жизни и смерти носят междисциплинарный характер. Жизнь общества невозможно представить без такого явления как человеческая смертность. Решение проблем межкультурных коммуникаций, представляющее собой процесс поиска «общечеловеческих» норм и ценностей, невозможно без формирования единого отношения к смерти, актуального для большинства представителей действующих в современном мире культур. Феномен смерти имеет решающее значение в формировании этических идеалов. В современной цивилизации кардинальным образом нарушено диалектическое единство жизни и смерти. Человек лишается своих ориентиров и своего основания, теряет свою природную сущность, обрастает искусственными защитными механизмами, которые, главным образом, могут защитить его от трагической гибели. Трагической потому, что в настоящее время человек страшится естественного образа смерти. Амбивалентное соотношение жизни и смерти привело к тому, что естественность смерти подменяется искусственностью жизни. Как отмечает Бодрийяр, смерть в современной культуре обретает свойство обратимости. Это вызвано тем, что в нашем мире товарно-денежных отношений все становится предметом купли-продажи, в том числе и символы, симулякры. Смерть выступает как один из таких симулякров, а значит – тоже включается в символический обмен, выпадая из естественных отношений, из природного хода вещей.¹ Необходимо отметить, что редуцировать феномен смертности к чисто биофизиологическому пониманию нельзя, так как смерть – это механизм, который стимулирует развитие культуры. Феномен смерти вли-

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.

яет на формирование системы ценностей в культуре: в зависимости от конфигурации феномена смерти иерархия ценностей формируется по-разному (представление о бессмертии души ведет к доминированию духовных ценностей, отсутствие таких представлений – к доминированию материальных ценностей).

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что отношение к смерти – верный индикатор отношения к жизни как конкретно-единичного человека, так и общества в целом. В истории культуры смерть как один из параметров коллективного сознания меняется на протяжении веков. Полноценный анализ социально-исторической традиции восприятия смерти был проведен французским историком Ф.Арьесом. Согласно его исследованию каждому этапу соответствует свой образ смерти. «Прирученная смерть»¹, которая была характерна для традиционного общества, сменилась в начале XX века на «смерть перевернутую»², которая характеризуется вытеснением смерти из коллективного сознания. Эта тенденция достигла наибольшего апогея в современном мире, где общество ведет себя таким образом, как будто вообще никто не умирает, игнорируя смерть.

Радикальные изменения в отношении к смерти произошли вследствие того, что это явление утратило свою глубину и превратилось в механический акт исчезновения. Представления о смерти как таинственном, трансцендентном феномене трансформировались в чисто биологический факт исчезновения. В обществе включились своего рода защитные механизмы. Особенно в начале XX века в череде нескончаемых войн, репрессий рухнули и без того пошатнувшиеся традиционные установки человека. В обществе ввиду постоянной тревоги смерти стали вырабатываться своего рода адаптивные стратегии, в основе которых отрицательные механизмы: вытеснение, смещение смерти на периферию, бесконечная «вера в личное всемогущество». Лишенная какого-либо религиозного оправдания смерть стала антиобщественным явлением. Сегодня этот феномен ассоциируется у людей со злодеянием, пугающей неожиданностью. Разрыв естественного единства жизни и смерти привел к усилению страха небытия. В обществе повсеместно прослеживается тенденция деструктивного влияния страха смерти. И. Ялом отмечает, что «отрицание смерти на любом уровне есть отрицание собственной природы, ведущее ко все большему сужению поля сознания и опыта. Интеграция идеи смерти спасает нас: она действует отнюдь не как приговор, обрекающий на

¹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти, Перевод с французского Роняна В.К. Общая редакция Оболенской С.В. Послесловие Гуревича А.Я., Москва, «Прогресс академия», 1992, с. 11.

² Там же.

пожизненный ужас или на мрачный пессимизм, а скорее как стимул к переходу в более подлинный модус существования”¹.

Существовавшая на протяжении столетий традиционная сцена смерти в собственной постели, в окружении родных и близких утратила свою социальную значимость. На смену ей пришла смерть «грязная», «медикализованная». Сегодня большинство людей умирают в больницах, клиниках, под тщательным надзором врачей, патологоанатомов, специалистов крематориев и кладбищ. Все похоронные процедуры проходят как можно быстрее, в стороне от повседневной жизни. Сам процесс смерти стал доступен врачебному вмешательству (реаниматология), появились такие термины, как клиническая смерть, трансплантология, эвтаназия, смерть мозга, смерть сознания, а в связи с этим и этические проблемы органного донорства, права на жизнь.

Если на протяжении XX века для философии, истории, социологии тема смерти была закрыта, то медицина активно развивалась в этой области. Появился особый раздел под названием танатология, изучающий статистику и динамику смерти, посмертные и околосмертные явления, морфологические изменения, взаимодействия трупа с окружающей средой и многое другое.

Развитие реаниматологии привело к тому, что смерть стала обратимым процессом, достижения медицины позволяют вернуть человека к жизни. Быстрыми темпами развивается трансплантология, и если в середине XX века предпринимались только первые попытки пересадки органов, то сегодня речь идет о выращивании искусственных органов.

Новое движение под названием трангуманизм отстаивает право человека на продление жизни путем крионического хранения тела. Достижения нанотехнологий уже позволяют замораживать людей в жидком азоте. Геронтология, изучающая биологический процесс старения и методы омолаживания, разработала свой эликсир бессмертия – стволовые клетки.

Одной из важнейших проблем современного мира является проблема эвтаназии. Среди юристов, биологов, социологов, медиков идут бесконечные споры о ценности и неприкосновенности человеческой жизни и о праве человека на самоопределение, вплоть до лишения себя жизни. Первым в мире государством, в котором законодательно признали эвтаназию, было Нидерланды. Следующей страной была Бельгия, затем Люксембург. Во многих странах создаются различные организации в поддержку эвтаназии. В США, например,

¹ Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999, С.39.

действует «Общество за право умереть», во Франции «Ассоциация за право умереть достойной смертью». Существует даже «Мировая федерация обществ – сторонников эвтаназии», главный лозунг которой «дать людям право на смерть». Эвтаназия – достаточно сложный вопрос с моральной точки зрения, именно поэтому попытки узаконить право на добровольную смерть в каком-либо государстве вызывают бурный общественный резонанс. В основе этики утилитаризма сторонников эвтаназии лежит концепция «качества жизни», где физические страдания являются наиболее отрицательным элементом жизни. Такого рода неполноценность необходимо минимизировать или прекратить путем легкой и безболезненной смерти. Противники эвтаназии придерживаются взглядов, близких христианской идеологии, согласно которой искупительная роль страданий открывает человеку ворота в пространство вечности. Именно смертельная болезнь дает человеку возможность духовно преобразиться.

Концепцию смерти как «стадии роста»¹ описывает Элизабет Кюблер-Росс, основательница современного хосписного движения. Она впервые подняла вопрос о психологической помощи людям, страдающим смертельной болезнью. Хоспис является тем местом, где смерть человека приобретает нравственный смысл. Каждый человек имеет право на то, чтобы его последние дни были прожиты с достоинством, без страха и мучений.

Современное мировоззрение воспринимает жизнь и смерть, как два взаимно исключаемых, антагонистических понятия. Смерть, как главное зло человечества, наделяется крайне негативными чертами. На сегодняшний день жизнь и смерть представляют собой конфликтующие стороны. Если на протяжении веков именно религиозные учения проповедовали, что смерть – это еще не конец, то современное общество представляет собой «духовную пустыню», где большинство придерживается мнения, что эта жизнь единственная и неповторимая. Нарастание страха смерти и умирания происходит потому, что люди убеждены, что смерть есть полное уничтожение. Если же рассматривать жизнь и смерть не как противоположные понятия, а как разные стороны (состояния) одного и того же процесса, можно заметить, что страх смерти на самом деле – это все тот же привычный страх изменений, который сопровождает человека на протяжении всей жизни. В данной ситуации человека пугает самое большое и важное изменение в его жизни – смерть.

Необходимо отметить, что традиционные взгляды на проблему жизни и смерти уже не находят отклика в современном обществе.

¹ Кюблер-Росс Э, О смерти и умирании, Пер. с англ. – К.: «София», 2001. – 320 с.

Такой феномен, как «дикая», «перевернутая» смерть, отмеченный Ф. Арьесом в XX столетии, продолжает существовать в современном культурном обществе различного уровня развития и культурных традиций. Разрушение традиционных родовых обрядов, ритуалов прощания, бесконечное стремление к бессмертию повсеместно расширяют свою «экспансию». Появление обозначенной парадигмы мышления позволяет говорить о кризисных явлениях в современном обществе: сегодня смерть табуируется, вытесняется из коллективного сознания, становится абстрактной категорией. Современный человек теряет свои основания, превращая их в абстракцию. Это сказывается на его психическом здоровье: танатофобия стала болезнью человека XXI века. Смерть – это явление, которое не может укладываться только в рамки биологического измерения. Жизнь человека также не сводится к чисто природному существованию, человек, прежде всего, социальное существо.

Размывание границ между жизнью и смертью в современной цивилизации привело к тому, что живое, естественное соединяется и заменяется неживым, и как предполагается, вечным, искусственным. В современном нестабильном, быстроменяющемся обществе, где господствует психология потребительства, осмысление социально-культурологического единства жизни и смерти должно осуществляться в рамках единой культурно-исторической и социально-духовной реальности.

В современном мире феномен смерти представляется неопределенным, лишенным целостности и последовательности, совмещающим в сознании отдельных индивидов несовместимые элементы. Это приводит к тому, что в культуре отсутствует единая система ценностей как система координат. Задача постиндустриального общества XXI века заключается в том, чтобы вписать смерть в контекст современной культуры, коллективного сознания, в личностные смыслы каждого индивида.

Библиография

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти, перевод с французского Роняна В.К. Общая редакция Оболенской С.В. Послесловие Гуревича А.Я. М.: «Прогресс академия», 1992, с.11.
2. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании, пер. с англ. – К.: «София», 2001. – 320 с.
3. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999, С.39.
4. Янкевич В, Смерть, Москва, Литературный институт им. А.М. Горького, 1988 , стр. 11.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

*ЧЕРНОДЕД Анастасия Борисовна,
аспирант кафедры «Философия культуры
и культурологии» Саратовского
государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
nasya.chernoded@mail.ru*

Костюм в культурологическом аспекте/ Costume cultural aspect

Аннотация

Статья посвящена обзору термина «костюм» и его краткой характеристике с точки зрения культурологии. Показано, что феномен костюма до сих пор актуален в современных исследованиях, потому что выбор костюма говорит о таких аспектах эпохи, как социальных, экономических, политических, эстетических и др. На основе краткого анализа, мы сделали вывод, что костюм – это сложное культурное явление, и он оказывается важным элементом сохранения культурных традиций.

Ключевые слова

Одежда; символ; традиции; эстетика.

Abstract

Article devoted to the review of the term “suit” and its brief characteristics in terms of cultural studies. It is shown that the phenomenon of the suit is still relevant in modern research, because the choice of costume says about such aspects of the era, as the social, economic, political, aesthetic, and others. On the basis of a brief analysis, we concluded that the suit - a complex cultural phenomenon and it is an important element in the preservation of cultural traditions.

Keywords

Clothing; symbol; tradition; aesthetics; objective world.

Сегодня в культуре резко происходят изменения политических, экономических, духовных и материальных факторов. Из-за этого наше социальное бытие тоже меняется, производство новых ориентиров и культурной идентичности приводит к перемене ценностного сознания. Способы идентичности личности трансформируются. Костюм является одним из самых массовых демонстраций самосознания современной личности, поэтому анализ костюма как культурного феномена показывает проблему, решение которой обуславливает способность человека к самоидентификации, определению своего места в социуме.

Актуальность анализа феномена костюма обнаруживается в популярности и интересе среди исследователей разных направлений гуманитарного знания. Но стоит заметить, что философско-культурологический анализ этой темы недостаточно разработан при значительном научном понимании феномена костюма. Может это произошло из-за того, что костюм является неотделимым элементов любой культуры.

Костюм органично существует в культурном пространстве и взаимодействует почти со всеми его элементами. По костюму мы можем отследить многие аспекты духовного, материального и социального развития общества, он связан с человеческим поведением, образом мысли. Костюм – это семантическое поле. В современном мире костюм выражает эстетический индивидуальный вкус человека и общие представления о красоте в XXI в. Индивидуальный выбор костюма говорит о многих факторах: социальном положении, образовании, воспитании, традициях и т.д.

Следует уточнить само понятие «костюм» (от лат. *costume*), которое «может означать одежду в общем или отличительный стиль в одежде, отражающий социальную, национальную, региональную принадлежность человека. Костюм существует как неотъемлемое социальное явление, костюм, как живой организм, играет значимую роль в жизни общества»¹. Это все то, что составляет образ человека, непосредственно сама одежда, обувь, аксессуары, украшения, прическа. Естественно, все это составляет гармоничный ансамбль, если у человека присутствует вкус, и он правильно подобрал костюм в соответствии с законами композиции. Н. И. Гаген-Торн так писал: «Одежда – паспорт человека, указывающий на его племенную, классовую, половую принадлежность, и символ, характеризующий его общественную значимость»².

¹ Борев В.Ю., Коваленко В.В. Культура и массовая коммуникация. М., 1986. С. 15.

² Гаген-Торн Н.И. К методике изучения одежды в этнографии СССР //

Наш предмет изучения составляет два термина. Это – «костюм» (costume), что означает обычай и привычку. Другой термин – «одежда», он имеет различные интерпретации, в английском языке «clothes», во французском «l' habit», в немецком «die Tracht». Слово «одежда» имеет общий корень с глаголом «одеваться», немецкое «tracht» происходит от «tragen» – носить, французское – «l' habit» от «habiter» – жить, населять.

Некоторые исследователи не делают различия между этими двумя терминами и употребляют их одинаково. «Следует заметить, что термины «костюм» (costume) и «одежда» (tracht, l' habit) обращают внимания на одну и ту же проблему. Они имеют двустороннее значение, которое отражает дуализм функций, которые присущи платью»¹.

Чтобы рассмотреть современное понимание костюма как культурного феномена, следует разграничить термины «костюм» и «одежда». Одежда – это всего лишь четкая форма вещи. Костюм – определенно подобранный образ из предметов одежды, и костюм почти всегда обусловлен целью. Можно обозначить это так: посредством одежды мы достигаем определенной цели, а костюм помогает нам репрезентировать конкретный образ.

Говоря о функциях костюма, то, конечно, следует упомянуть, что первичные функции – защитная, утилитарная, гигиеническая – такие же, как и у одежды. Но важнейшая – знаковая, так как костюм сообщает много информации о человеке, например, его социальный статус, характер, религиозную принадлежность, эстетический вкус. Помимо этого, костюм обладает такими функциями в порядке важности, как возрастная (обозначает или скрывает возраст человека); социально-половая (костюм обозначает пол человека и его статус), эта функция в современном мире почти исчезла; профессиональная (костюм указывает на род деятельности человека), сегодня эта функция проявляется в производственном костюме; религиозная функция (обозначает религиозную принадлежность, в современной культуре эта функция все еще работает, но уже не так важна); эстетическая (дает информацию о вкусах и культуре человека).

При рассуждении о костюме и его функциях не стоит забывать об особом костюме – праздничном, обрядовом. Здесь уже порядок важности функций другой: эстетическая, обрядовая, иногда функция национальной принадлежности, социальная или сословная и практическая функция в последнюю очередь. В повседневном костюме главной функцией является практическая, а в праздничном – поми-

Советская Этнография. 1933. № 3-4. С. 122.

¹ Психология моды: Учеб. пособие для вузов/ М.И. Килошенко. – 2-е издание; испр. М.: Издательство Оникс, 2006. С. 87.

мо эстетической, функция региональной и сословной принадлежности, то есть, можно сказать, те функции, которые указывают на различные сферы, к которым костюм относится.

Если говорить о краткой истории костюма, можно выделить периоды, когда обращались к истории и проблеме моды: конец XIX – начало XX века (первый период, когда появилась необходимость разработать теории моды) и последние десятилетия XX века.

Килошенко М. в своей работе «Психология моды» говорит о том, что за последние пятьдесят лет в науке, которая занимается историей и теорией костюма многое изменилось, «...появились серьезные исследования, посвященные костюму, в этих работах он рассматривается как незаменимая часть человеческого и общественного бытия, как система знаков и символов, как отражение традиций, нравов, привычек разных эпох»¹.

Интересна точка зрения Горбачевой Л.М. в работе «Костюм XX века: от Поля Пуаре до Эммануэля Унгаро» она пишет о том, что костюм XX века от начала Второй мировой войны изменился сильнее, чем за все предыдущие двадцать столетий. Конечно, все эти изменения отражали явные и скрытые процессы в эволюции социума, при этом почтительно относились к традициям. Этот новый костюм формировался на фоне уходящей эпохи. И строился он в первую очередь на отрицании старых форм и образов.

В XX веке большое внимание уделяли женскому костюму как символу эмансипации и женственности. Женский костюм сложнее, разностороннее мужского. Чаще всего на нем опробовались различные новшества. Мужской же костюм был реформирован еще во второй половине XVIII века, возникли лишь новые атрибуты, и спустя много лет основные его компоненты остались неизменны – брюки, рубашки, пальто, пиджаки и жилеты. В мужской моде ведущую роль играло то, как сидит костюм, его крой, это было важнее, чем украшения, цвет и эффектность.

Наряды уже не отражали иерархию, они стали социальным маркером для того или иного события, повода, для состояния души. Одежда с одной стороны служила индикатором социальной конформности, а с другой – подстраивалась под личность человека.

Психоаналитик Дж. К. Флюгель так писал о реформе костюма в 1930 году: «Костюм следует освободить от коммерческого духа моды и консерватизма «узаконенного» стиля. Разумный подход к оценке целей вкупе с обращением к высочайшим стандартам со-

¹ Килошенко М. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. СПб.: СПГУТ, 2001. С.106.

временного эстетического вкуса должны прийти на смену поискам новизны и слепому следованию традициям»¹.

Минувя столько социальных и экономических изменений костюм стал более легким и естественным, он слился с человеком, дополняя его индивидуальность, его образ. Вместе с костюмом изменилось и представление человека о красоте, эlegantности, идеале. мода, которая была доступна лишь элите, стала понятна всем, обрела массовый характер. Но становление костюма не завершено до сих пор, оно продолжается, обрстая новыми коннотациями.

Реформа костюма имела под собой не только гигиеническую или нравственную подоплеку, она стала символом изменившегося эстетического вкуса и новых социальных изменений. Теперь человек носит одежду не только потому, что ему удобно в ней, но и для того, чтобы показать, кто он есть. Манера одеваться превратилась в способ самоидентификации.

Начиная с XIX века костюм и мода как таковая, превратились в форму классификации, все это совпало с развитием индустриальной культуры. Теперь уже недостаточно принадлежать к какому-то классу, касте. Человек должен предъявлять себя, костюм превратился в средство, с помощью которого можно продемонстрировать свою личность и оригинальность.

Необходимо более развернутое исследование социально-культурного феномена костюма, это поспособствует осознанию человека и того, как он реагирует на изменения в культуре, в обществе. Как он видит себя на протяжении многих эпох, и как он представляет себя в XXI веке. Сегодня поиск идеала проявляется через визуальный облик личности.

Мы представляем костюм как утверждение собственного «Я» через знаки и символы. Костюм обозначает эстетические и нравственные предпочтения человека. В подсознании современной личности складывается определенный образ мира, его место в этом мире, и именно через костюм мы можем его увидеть и постараться понять.

Философ Т. Карлейль воспринимал костюм как знак, обладающий смыслом, и все вопросы, связанные с одеждой, перемещал в социальный и философский аспект. С этой позиции он понятию «одежда» придавал такую формулировку, что само общество базируется на законах одежды, это философия самого бытия. Одежда – это «одеяния души», форма наших знаний и идей. Такая формулировка берет свое существование от первобытного общества. Одежда защищала

¹ Flugel J.C. The Psychology of Clothes. London: Hogarth Press, 1930. P. 218.

первобытных людей не просто от окружающей среды, но и от чужого сглаза.

Конечно, никто не отрицает, что первая роль костюма в культуре – это практическая, но начиная с первобытного общества на утилитарную роль накладываются духовные, ценностные смыслы. В костюме сочетаются два начала: практическое (рабочий костюм, например, джинсы) и художественное (платье высокой моды).

Подводя итог, хочется сказать, что универсальная функция костюма в культуре – помогать социализироваться человеку в обществе, вписывать его в определенный контекст, чтобы он мог успешно коммуницировать с другими людьми. Костюм выполняет двойную роль: с одной стороны, он подстраивается под окружающую среду, а с другой – видоизменяет ее в нужном направлении.

Предметный мир сопровождает нас с самого рождения, и он крайне важен для нас, для нашей общественной жизни. Вещи помогают нам играть наши социальные роли в обществе. Нельзя не согласиться с Кирсановой Р.М. в том, что «костюм повсюду, и он может быть объектом самостоятельного изучения, служить инструментом анализа в силу своих универсальных свойств и функций. Он представляется культурной метафорой»¹. Мода одновременно и коллективная, и индивидуалистическая отрасль, а в массовом масштабе она может служить средством выражения группового самосознания.

Одежда больше не является простой жизненной необходимостью, мы ее носим не только для того, чтобы прикрыть нашу наготу или уберечь себя от погоды. Сегодня одежда – это сложное культурное явление. Резюмируя, хочу процитировать историка костюма Лу Тейлор: «...история костюма/исследование костюма стремительно направляется в это новое будущее благодаря высокому уровню междисциплинарного взаимодействия, которое выстраивается одновременно с обеих сторон великого исторического разлома»².

Костюм является важным элементом сохранения культурных традиций. Современные дизайнеры одежды должны стараться показать национальные традиции, обращаться к материальной и духовной жизни человека. Сохранение культуры и традиций важно для общества, но это не только музейные экспонаты и архитектурные сооружения, это также бытовая культура наших предков, костюм в том числе. Он говорит нам о том, какие функции предметов имели значение в обществе – эстетические, нравственные или утилитарные.

¹ Кирсанова Р.М. История костюма в России как научная дисциплина. Т.М. №1 2006. С. 55.

² Taylor L. The History of Dress History. Manchester: Manchester University Press, 2002. P. 85.

Библиография

1. Гаген-Торн Н.И. К методике изучения одежды в этнографии СССР // Советская Этнография. – 1933. – № 3-4. – С. 119-135.
2. Гофман Л.П. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М., 2000. С. 27.
3. Борев В.Ю., Коваленко В.В. Культура и массовая коммуникация. М., 1986. 304 с.
4. Горбачева Л.М. Костюм XX века: От Поля Пуаре до Эммануэля Унгаро. М.: Изд-во ГИТИС, 1996. 120 с.,ил.
5. Давыдова В.В. Костюм в пространстве культуры. Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11–13 апреля 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.191-195.
6. Демшина А. Ю. Мода в контексте визуальной культуры: вторая половина XX – начало XXI вв. СПб.; 2009. С. 11.
7. Килошенко М. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. СПб.: СПГУТ, 2001. 192 с.
8. Кирсанова Р.М. История костюма в России как научная дисциплина. Т.М. №1 2006. С. 53-68.
9. Петров Л.В. Феномен моды в процессе межличностного общения // Категории этики и эстетики. Л., 1973. С. 32.
10. Психология моды: Учеб. пособие для вузов/ М.И. Килошенко. – 2-е издание; испр. М.: Издательство Оникс, 2006. 320 с.: ил.
11. Flugel J.C. The Psychology of Clothes. London: Hogarth Press, 1930. 257 p.
12. Taylor L. The History of Dress History. Manchester: Manchester University Press, 2002. 118 p.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

*КОРНИЙЧУК Маргарита Сергеевна,
ст. преп. кафедры теоретической
и специальной социологии Московского
педагогического государственного
университета (МПГУ)
meg14@yandex.ru*

Культура доверия в современной организации/ The culture of trust in the modern organization

Аннотация

Предлагаемая статья посвящена анализу культуры доверия как социальному ресурсу организации. В статье выявляются основные объективные характеристики, влияющие на формирование культуры доверия в организации. Ими являются: стабильность/нестабильность, прозрачность/ непрозрачность, гомогенность/гетерогенность, а также активность/пассивность морфологической структуры организационного поля. В заключении статьи дается авторское определение общественного капитала организации.

Ключевые слова

Общественные капитал; культура доверия; доверие; социальные взаимодействия в организации.

Abstract

This article is devoted to the analysis of a culture of trust as a social resource of the organization. The paper identifies the main objective characteristics affecting the formation of a culture of trust in the organization. They are: the stability / instability, transparency / opacity, homogeneity / heterogeneity, as well as active/ passive morphological structure of the organizational field. In conclusion, the article gives the author's definition of social capital of the organization.

Keywords

Social capital; culture of trust; confidence; social interaction in the organization.

Организационная жизнь основана на коллективных взаимодействиях, в результате которых достигаются цели организации. Эти постоянные отношения сотрудников могут образовывать культуру доверия или недоверия. Понятие культуры доверия одним из первых разработал Френсис Фукуяма¹. Он рассматривал этот феномен на макроуровне как один из социальных механизмов традиционного общества, которая удивительным образом сохранилась в обществе современном. Оригинальную трактовку этого феномена продолжил П. Штомпка. В монографии «Доверие – основа жизни общества» он показывает, что культура доверия это не только рутинент традиционного общества, но и активно воспроизводимая, современная структура взаимодействий, которая поддается сознательному формированию, планированию и регулированию. Именно на этот подход автор опирался при изучении особенностей формирования культуры доверия в организации.

Первоначально в организации складывается среда доверия, происходит свободный обмен информацией, необходимый для внедрения инноваций и позитивного развития. «Если мои коллеги по работе в основном доверчивые и достоверные, не только по отношению ко мне, но и ко всем, то мое место работы является средой доверия (мы говорим в повседневном обиходе о хороших отношениях на работе)»².

В постоянной среде доверия, когда этот феномен проявляется в рутинных взаимодействиях, когда среди сотрудников формируется убеждение, что верить другим это «нормально», а взятые на себя обязательства, как правило, выполняются, постепенно формируется культура доверия. Иначе говоря, формирование культуры доверия в организации это качественно новый уровень развития изучаемого феномена, когда доверие с межличностного уровня переходит на культурный. Формируется система социальных норм и ценностей, закрепляющая как обязательные позитивные практики отношений взаимного доверия. В рамках культуры доверия в организации проявляются два базовых правила: 1) необходимо верить другим сотрудникам, пока они не докажут обратного; 2) необходимо самому

¹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ. 2008.

² Штомпка П. Доверие – основа жизни общества/ Петр Штомпка: пер. с польского Н.В. Морозовой. М.: Логос. 2012. С. 291.

серьезно относиться к взятым на себя обязательствам и не обманывать доверия своих коллег. Переход от распространенных практик доверия к обязательным правилам усиливает и закрепляет позитивные практики, сложившиеся в коллективе организации. Нужно подчеркнуть, что ныне мало используемое, но достаточно разработанное в социологическом дискурсе понятие «коллектив» нами употреблено не случайно. Коллектив является высшей стадией развития персонала организации как социальной группы. Он формируется как интегрированная группа, характеризующаяся упорядоченностью, согласованностью внутривидовых связей, стабильностью и преемственностью функционирования. Формирование, функционирование и развитие коллектива как общности связано с достижением определенных, различных социально значимых целей. Цели коллектива формируются исходя из организационных потребностей и интересов. По мере развития коллектива все большее количество его членов проникается целями организации. К характеристикам такой группы относят: целостность, организованность, сплоченность, сработанность, совместимость¹. Задумаемся, чем отличается среда доверия, возникающая в межличностных отношениях в организации от культуры доверия? Ответ на этот вопрос можно найти у П. Штомпки. Этот автор утверждает, что сформировавшаяся культура доверия «становится в понимании Эмиля Дюркгейма «общественным фактом» или общим фактом для целого коллектива как бы внешним для каждого отдельного участника и оказывающим на каждого и всех вместе давления, склоняющее и даже заставляющее поступать определенным образом»². По мнению Штомпки сложившаяся культура доверия является качественным скачком по сравнению со средой доверия потому, что индивидуальное доверие является достаточно неустойчивым феноменом, «хрупким» и переменчивым. Коллективная среда доверия лабильна, легко подвержена изменениям. «Зато культура доверия, также как и вообще культура, отличается большей прочностью, значительной инерцией и не поддается сиюминутным конъюнктурным изменениям». В этом смысле можно говорить о культурных традициях доверия или недоверия, которые складываются в коллективе.

Подобную эволюцию проходит культура недоверия в некоторых организациях. От среды недоверия, в которой взаимный обман и подозрительность являются обыкновенным явлением, прямой путь ведет к возникновению социальных норм, в которых срыв до-

¹ Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Изд-во МГУ. 1988.

² Штомпка П. Доверие – основа жизни общества/ Петр Штомпка: пер. с польского Н.В. Морозовой. М.: Логос. 2012. С.291.

говоренностей, несоблюдение обязательств, пренебрежение доверием является обычным явлением. В этом случае говорить о коллективе как о социальной целостности не приходится. Взаимодействия персонала организации представляет собой атомизированную, эгоистичную среду, в которой принята жесткая конкуренция, борьба всех против всех, торжествует «право сильного», зависть, ревность и интриги являются неотъемлемой частью корпоративной культуры. Подобная среда является благодатной почвой для разного рода девиаций даже криминального характера, например, таких как коррупция. Такая культура недоверия, сложившаяся в организации, также оказывает давление на людей честных, доверчивых и привыкших исполнять свои обязательства. Они не только сталкиваются с постоянными издержками от обмана их ожиданий, но и подвергаются санкциям со стороны других сотрудников в виде пренебрежительного отношения, постоянных насмешек над их недалекостью, глупостью, простотой. В таких организациях общественный капитал накапливается очень плохо, а человеческий капитал сотрудников в основном расходуется не на достижение целей организации, а на выживание в жесткой конкурентной среде. Каким образом культура доверия или недоверия связана с корпоративной культурой организации. Ф.И. Шарков дает следующее определение последнего феномена: «Корпоративная культура – это осознанные и неосознанные представления, разделяемые сотрудниками организации и её руководством, касающихся групповых норм поведения, ценностей убеждений традиций, способов деятельности, запретов, ожиданий, а также понятий о прошлом настоящем и будущем организации»¹.

Г. Хофстеде систематизировал и провел критический анализ основных научных определений корпоративной культуры. Корпоративную культуру ученый определяет как коллективное программирование мыслей, которое отличает членов одной организации от другой. В каждом отдельном случае корпоративная культура проявляется различными способами. Хофстеде выделяет в качестве ее составляющих ценности как наиболее глубокие проявления культуры, а также символы, ритуалы и героев – как ее поверхностный слой. Ученый подчеркивает, что необходимо различать ценности основателей и руководителей организации от ценностей простых сотрудников. Лидеры организации создают культуру ежедневной практики посредством символов, героев и ритуалов. Сотрудникам не приходится полностью адаптировать свои личные ценности к потребностям организации. Ценности членов организации зависят главным

¹ Шарков Ф.И. Современные маркетинговые коммуникации. Словарь-справочник. М.: Альфа-Пресс . 2006. С. 131.

образом от иных критериев, нежели членство в организации: например, пол, возраст, национальность, темперамент, внешний вид, стрессоустойчивость и др. Данные особенности учитываются в процессе найма сотрудников через специальные интервью или тесты. Хофстеде пишет, что возможно, влияя на ежедневные практики сотрудников, приучить их к культуре труда в рамках рабочего дня, но гораздо сложнее изменить индивидуальные ценности сотрудника. Иногда, пишет ученый, работодатель может пробудить скрытые ценности сотрудника (например, стремление к творчеству), которые были сокрыты или не приняты на предыдущем месте работы.

Хофстеде отмечает, что хотя в науке не выработано единого понятия корпоративной культуры, но большинство ученых соглашались в том, что этот феномен можно охарактеризовать следующими общими параметрами: 1) целостность, системность; 2) историческая определенность (организация находится в конкретном временном периоде); 3) связанность с объектами изучения антропологов (ритуалы и символы входят в интересы ученых обоих направлений); 4) возникновение на социальной основе; 5) ненавязчивость, мягкость воздействия¹.

Корпоративные культуры разных народов имеют свои национальные особенности, измеряемые с помощью специальных индексов. Например, в России оценки индекса индивидуализма (по Г. Хофстеде) варьируются в интервале 41-55. Для сравнения приведем аналогичные индексы индустриально развитых западных стран, которые колеблются в интервале 65-90, а в восточных странах они имеют принципиально другие показатели. Оценки индекса индивидуализма находятся в интервале 15-25². Таким образом, российской деловой культуре свойственны черты как западных, так и восточных отношений, которые придают специфический характер формированию культуры доверия в российских организациях. В основе культуры доверия во многих российских организациях лежит стремление к коллективизму.

Таким образом, культура доверия и культура недоверия являются двумя полюсами состояния корпоративной культуры, между которыми возможны различные промежуточные стадии.

Исходя из концепции двойного структурирования социального поля (П.Бурдьё), в том числе поля организационных взаимодействий можно утверждать, что аналогичные процессы мы наблюдаем

¹ Hofstede G. Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers. 2006. С.320-324.

² Власюк Г.В., Юдина Е.Н. Кросс-культурные коммуникации в организации. Часть 2. М.: МИИТ. 2012.

при формировании культуры доверия организации. Она формируется под влиянием, во-первых, со стороны существующего объективно поля социальных отношений, и, во-вторых, со стороны представлений сотрудников о социальных нормах и ценностях организации. Но социальное поле как «наиндивидуальная» реальность оказывает решающее воздействие на практики и представления индивидуальных и коллективных агентов организации. Поэтому необходимо выяснить какие объективные характеристики поля организации способствуют формированию культуры доверия, а какие препятствуют этому позитивному процессу.

Первой характеристикой, объективно влияющей на образование культуры доверия в организации, является стабильность/нестабильность организационного поля, которая характеризуется уровнем его энтропии. При высоком уровне энтропии, возникающий в состоянии трансформации или кризиса хаос, влияет на социальные нормы, предписывающие взаимное доверие и ответственность. Они начинают разрушаться, возникает ситуация аномии. Неопределенность будущего организации неизбежно проецируется на взаимные ожидания сотрудников-партнеров по взаимодействию. Они часто перестают понимать свои обязательства по отношению к другим членам организации, а тем более надеяться на исполнение обещаний со стороны других людей.

Стабильность развития организационного поля создает благоприятную почву для формирования культуры доверия, и, наоборот, постоянное нарушение стабильности, кризисы, трансформации, неожиданные прерывания естественной социокультурной динамики организационного поля являются серьезным испытанием для культуры доверия, складывающейся в организации. Организационные изменения не подрывают культуру доверия в организации, если они происходят постепенно, понятным образом и развиваются в одном направлении и поддерживаются большинством членов коллектива.

Вторая характеристика связана с прозрачностью/непрозрачностью отношений в организационном поле. Когда сотрудники имеют полный доступ к информации о целях организации, о перспективах развития, о системе поощрений и санкций и даже о том, какие функциональные сбои произошли и как они были устранены, формируется атмосфера онтологической безопасности, благоприятная для развития культуры доверия. Но если принципы отношений не вполне ясны, система санкций и поощрений работает произвольно, то сотрудники неохотно оказывают доверие друг другу. И, более того, поощрение со стороны руководителей организации теневых, латентных практик социальных достижений: продвижения по карьерной

лестнице, получения материальных и моральных вознаграждений, присвоение чужих заслуг отрицательно сказывается на культуре доверия в организации в целом. Подобное негативное воздействие на морфологию организационного поля оказывает утаивание важной информации, касающейся всего коллектива в целом. Информационные лагуны начинают заполняться слухами, сплетнями, домыслами, разрушающими культуру доверия.

Третья характеристика организационного поля связана с его гомогенностью/гетерогенностью. Мы можем утверждать, что чем более разнообразен социальный, этнический, возрастной и культурный состав персонала организации, тем сложнее там формируется культура доверия. В одной организации часто бывают объединены люди с разным социальным опытом, разного возраста, образования, представители разнообразных этнических и культурных групп. Если при этом они используют во взаимодействии разные культурные коды, то не только достижение доверия, а простого взаимопонимания им достичь сложно. Сотрудники испытывают огромную неуверенность в отношениях друг с другом. Поэтому в таких организациях формированию культуры доверия должно предшествовать процесс образования общих культурных кодов, символов и смыслов, необходимых для взаимопонимания.

Четвертой характеристикой организационного поля, влияющей на формирование культуры доверия, является его активность/пассивность. В активном организационном поле сильны процессы самоорганизации. Руководству не нужно вмешиваться, чтобы наказать человека, нарушившего нормы доверия. Сотрудники это делают сами иногда в деликатной манере, иногда более жестко. Механизм социального контроля и неформальных санкций быстро и эффективно разрешает возникающие проблемы, гася нежелательные проявления в корпоративной культуре. Если организационное поле пассивно или любая инициатива сотрудников неизбежно пресекается, то нарушение норм доверия наказывается только в том случае, если оно становится известно руководству, а оно в свою очередь, сочтет это нарушение достаточно значительным для введения формальных санкций. Понятно, что культура доверия проявляет себя более полно в активном организационном поле.

Итак, в ходе проведенного анализа выяснили, что основными объективными характеристиками, влияющими на формирование культуры доверия в организации являются: стабильность/нестабильность, прозрачность/непрозрачность, гомогенность/гетерогенность, а также активность/пассивность морфологической структуры организационного поля.

Подведем некоторые итоги нашего анализа и попытаемся сформулировать более точно, почему культура доверия является общественным капиталом организации. Предложенная Марксом экономическая дефиниция «капитал» стала активно применяться в других социальных науках. Под капиталом принято понимать накапливаемый ресурс, который активно вовлечен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм¹. Современные теоретики и практики бизнеса С. Кови и Г. Линк, исследуя организации, подчеркивают резкий контраст между необыкновенной энергией, который заряжены коллективы с высоким уровнем доверия и изматывающим напряжением, существующим в организациях с низким уровнем доверия. Высокий уровень доверия в организации «порождает мощную взрывную волну, которая действует в обоих направлениях меняет общую энергетику организации в целом, особенно в двух критически важных аспектах, таких как вовлеченность персонала и новаторство»².

Вывод современных исследователей очень напоминает уже приведенное нами высказывание К. Маркса об эффекте кооперации когда соединившись наилучшим образом, люди могут достичь больших результатов, чем порознь: «...уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии...»³. Иначе говоря эффект кооперации проявляет себя в организационных полях, в которых сложилась культура доверия. Там, где сложилась культура недоверия, в атомизированной среде эффект кооперации проявляется очень слабо или вообще отсутствует. Культура доверия в организации усиливает вовлеченность персонала в работу. Хотя уровень вовлеченности зависит от многих факторов, наиболее важным из них является доверительные отношения с руководством, и доверие к своей организации в целом (т.е. обобщенное доверие). Исследование, проведенное в 2008 году в бизнес-школе Городского университета Дублина, показало, доверие и вовлеченность взаимно поддерживают друг друга, порождая восходящую спираль, иными словами, по мере возрастания доверия растет и вовлеченность работников, что в свою очередь вызывает укрепление культуры доверия в организации⁴. Культура доверия также создает благоприятную среду для творчества и внедрения

¹ Лоскутова И.М., Юдина Е.Н. Особенности накопления человеческого капитала (образовательный аспект) // Экономика образования. 2012. № 6.

² Кови С., Линк Г. Разумное доверие/ Пер. с англ. П.А. Самсонов. Минск: Попурри. 2013.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.23.М.:ИПЛ. 1961.

⁴ Кови С., Линк Г. Разумное доверие/ Пер. с англ. П.А. Самсонов. Минск: Попурри. 2013.

инноваций. Как свидетельствует статистика, новаторство расцветает в организациях с развитой культурой доверия и исчезает совсем в организациях с культурой недоверия. «Британские исследователи сравнили верхние 20% из списка 1000 лучших компаний по версии Times с нижними 20% в области новаторства и признали доверие главным фактором, предопределяющим различия. Согласно их отчету, «доверие между людьми, позволяющее свободно обмениваться идеями, является самым важным фактором, отличающими новаторские компании».

Эксперт по инновациям Роберт Портер Линч так описывает роль культуры доверия в процессе новаторства: «Любые новации исходят от людей, которые мыслят по-разному: одна точка зрения сталкивается с другой, и из этого столкновения рождается что-то новое. Но наличие двух разных точек зрения не приводит автоматически к созданию чего-то нового, и разногласия чаще разрушают, чем создают...». Возникает вопрос, как усилить созидательный аспект взаимодействия противоположностей? Ответ состоит в доверии. Когда борьба противоположностей происходит в атмосфере доверия, их творческая энергия свободно подкрепляется, стимулируется. Такое гармоничное столкновение энергией называют синергией, и это зачастую неуловимое качество является очень важным для организации и для отношений между людьми. Культура доверия создает благоприятный социально-психологический климат в коллективе организации, повышает удовлетворенность работой и усиливает способность организаций привлекать и удерживать способных и квалифицированных сотрудников, необходимых организации. Результаты исследования, проведенного в 2008 году Хелливеллом и Хуаном, показывают, что рост доверия внутри организации всего на 10% оказывает на уровень удовлетворенности работников такое же воздействие как 36% повышение заработной платы». Это исследование как нельзя лучше доказывает, что культура доверия организации является её общественным капиталом. Оно показывает, что культура доверия как особый вид капитала может приобретать монетарную форму. Организации добиваются лучших результатов, получают прибыль, привлекая талантливых сотрудников, внедряя инновации, затрачивая на это меньшие денежные средства.

В результате автор может предложить понятие общественного капитала организации, которое вытекает из проведенного анализа.

Общественный капитал организации — это совокупность ценностей, убеждений и социальных норм, которые передаются и развиваются через взаимодействие между работниками. Он создается, благодаря культуре доверия, а это требует существования общего

организационного поля, в котором могли бы свободно и непрерывно осуществляться организационные взаимодействия. Этот вид капитала организации повышает эффективность кооперации агентов организации и обеспечивает большую вовлеченность в работу сотрудников, повышает способность к инновациям и удовлетворенность трудом.

Библиография

1. Андреева Г. М. Социальная психология. - М.: Изд-во МГУ. 1988.
2. Власюк Г.В., Юдина Е.Н. Кросс-культурные коммуникации в организации. Часть 2. М.: МИИТ. 2012.
3. Кови С., Линк Г. Разумное доверие/ Пер. с англ. П.А. Самсонов. Минск: Попурри. 2013.
4. Лоскутова И.М., Юдина Е.Н. Особенности накопления человеческого капитала (образовательный аспект) // Экономика образования. 2012. №6.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т.23.М.:ИПЛ. 1961.
6. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.:АСТ. 2008.
7. Штомпка П. Доверие – основа жизни общества/ Петр Штомпка: пер. с польского Н.В. Морозовой. М.: Логос. 2012. С. 291.
8. Шарков Ф.И. Современные маркетинговые коммуникации. Словарь-справочник. М.: Альфа-Пресс . 2006. С. 131.
9. Hofstede G. Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers. 2006. С.320-324.

*ЭМИРБЕКОВА Элена Эмирбековна,
к.юр.н., доцент,
Махачкала, Дагестан
elena_1980@mail.ru*

Социокультурные измерения пространства личности/ Social and cultural dimensions of the space of the individual

Аннотация

В статье проводится анализ социокультурных измерений пространства личности: социального, межличностного, внутриличностного. Делается вывод о специфике каждого из указанных измерений пространства личности, выделяются взаимосвязи, формирующиеся между измерениями пространства личности и социумом.

Ключевые слова

Личность; социокультурный; измерение; пространство; пространство личности.

Abstract

The article analyzes the socio-cultural dimensions of the space of the individual: social, interpersonal, intrapersonal. The conclusion about the specifics of each of the dimensions of space of the individual are made, the relationship, that the space forms between the dimensions of the individual and the society, is highlighted.

Keywords

Individual; socio-cultural; dimension; space; space of the individual.

Актуальность обозначенной темы определяется тем, что в социально-философском научном пространстве ни собственно пространство личности, ни социокультурные измерения пространства личности как социально-философские категории не рассматривались. Однако широко исследовались близкие понятия, такие как «жизненное пространство личности», «психологическое пространство личности». В этом собственно и заключается сложность концептуализации, поскольку разработанность указанных понятий и на философском, и на психологическом, и на социологическом уровнях создает ложное впечатление изученности данного вопроса.

Базовой при исследовании социокультурных измерений личности является категория «пространство личности», которая включает в себя совокупность множества объективных связей, количественные и качественные отношения, в которые вынужденно вступает личность, а также все специфические параметры протекания интеллектуальных и эмоционально-чувственных процессов, возникающих как реакция на данные связи и отношения, приводящие к изменениям в способах мышления, стиле восприятия мира, морально-этических и правовых формах общения, в сфере организации личностного бытия.

Все перечисленные параметры могут быть сгруппированы в три измерения: социальное (объективные связи, количественные отношения), межличностное (качественные отношения, организации личностного бытия), внутриличностное (интеллектуальные и эмоционально-чувственные процессы, способы мышления, стиль восприятия мира, морально-этические и правовые формы общения). Таким образом, пространство личности включает в себя три измерения: социальное, межличностное, внутриличностное.

При этом от «жизненного пространства личности» «пространство личности» отличается его нахождением в границах биологической жизни человека, а от «психологического пространства личности» – включением в него не только и не столько субъективной интерпретации, сколько тех объективных изменений, происходящих в пространственных измерениях в результате объективных воздействий внешней среды.

Каждое из измерений пространства личности обладает своими характерологическими чертами и спецификой отношений с социумом.

Социальное измерение пространства личности категориально близко социологической категории «социальное пространство», которая появилась в начале 1970 – х годов и представляет собой сегмент социального окружения личности, имеющий устойчивую совокупность вещей. Но социальное измерение пространства личности как социально-философская категория выражает существование и взаимодействие личности в процессе ее жизнедеятельности в социальном сегменте, относительно которого сформированы объективные связи и количественные отношения, наиболее существенные для личности, – малые группы. Составляющие данного сегмента, различаясь по функциональным характеристикам, играют, по сути, одинаковую роль, выступая в качестве стабилизирующей прослойки между межличностным и внутриличностным социальными пространствами и социумом.

Собственно специфика социального измерения пространства личности заключается в следующих моментах.

1. Социальные ожидания. Малые группы, выполняя функции звена в системе «личность–общество», формируют у личности осознание принадлежности к обществу, а также посредством социализации способствуют усвоению норм и ценностей, помещая ее тем самым в ситуацию социальных ожиданий. Ситуация социальных ожиданий никогда не существует сама по себе и всегда направлена на личность. Однако личность, в свою очередь, в процессе жизнедеятельности формирует свою систему социальных ожиданий, исходя из которой и выстраивает свое поведение. То есть социальные ожидания регулируют возникающие частные ситуации и по своей сути близки идее некой общей форме-порядку в философии Платона и Аристотеля. Социальные ожидания относятся к механизму формирования личности через воздействие на нее малой группы, поскольку социальные нормативы в практике социализации личности и интеграции ее в общество предполагают сознательное их усвоение.

2. Формирование конформного поведения, происходящее в процессе жизнедеятельности личности в малых группах. Собственно понятие «конформизм» обозначает пассивное, приспособленческое принятие господствующих представлений, норм, правил поведения независимо, а часто вразрез с собственным мнением. При этом его необходимо отличать от проявлений однообразия/единообразия, от следования моде, обычаям, единства взглядов, в основе которых лежит общее для данной группы вероисповедание и прочее. Кроме того, необходимо различать конформизм как социальное явление и конформное поведение как психологическую особенность личности¹. В контексте данного исследования конформное поведение употребляется в значении психологической особенности личности.

Однако конформное поведение личности в малой группе не может трактоваться однозначно как либо позитивное, либо негативное: его квалификация должна основываться на понимании специфики контекста ситуации. Таким образом, в системе «личность – малые группы» конформное поведение выполняет две функции: 1 – регулятивную; 2 – статусную. Регулятивная функция устанавливает и интерпретирует для личности нормы и ценности, существующие в малых группах, в которые она включена через обуславливание определенного типа поведения. Статусная функция формирует у личности понимание ее места в социальной структуре общества, социальном статусе, а также эталоне социальных ролей, предопределенных данным статусом.

¹ Аша С. Воздействие группового давления на изменения и искажения суждений // <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=2334> [Электронный ресурс] Дата просмотра 12.05.2012.

3. Ценностная идентификация в малой группе. Идентификация, как понятие, означает приспособление, процесс постоянного выбора в пользу уже существующих норм, традиций, установок, способов поведения. Соответственно, ценностная идентификация в малых группах предполагает осознанный или неосознанный выбор личностью ценностей, принятых в малых группах, в которые она включена в процессе своей жизнедеятельности. Данный вид конформности можно трактовать как негласное требование социальной системы (малой группы) к своим членам с целью создать атмосферу согласия для установления и сохранения равновесия в системе. Ценностная идентификация в малой группе выполняет функции: нормативную (безусловную) и мировоззренческую (условную).

Таким образом, социальное измерение пространства личности в структуре социума, выступая в качестве стабилизационной прослойки между межличностным и внутриличностным социальными пространствами и социумом, включает в себя те объективные связи и количественные отношения, которые, формируясь в процессе жизнедеятельности личности в малых группах, субъективно квалифицируются как наиболее важные, а потому оказывающие наиболее сильное воздействие на ее сознание.

Между социальным измерением пространства личности и социумом в процессе жизнедеятельности личности складываются взаимосвязи в виде: 1. влияние через формирование социальных ожиданий в системе «личность – общество – личность», через которые осуществляется контроль общества над личностью; 2. интеграция через ценностную идентификацию в системе «общество – личность», выступающее как основа формирования конформного поведения; 3. управление через конформное поведение личности, выступающее как элемент регулятивного механизма поведением личностью в системе «общество – личность».

В системе «социум – социальное измерение пространства личности» социум занимает доминирующее положение по отношению к социальному пространству личности в силу того, что общество, существуя на уровне сознания в виде того, что было и будет всегда, «запускает» на уровне бессознательно личности некий «эффект обычая», не допускающий сомнений в правилах поведения, так как обычай объясняет излишне.

Межличностное измерение пространства личности как социально-философская категория выражает существование и взаимодействие личности в процессе ее жизнедеятельности в системе «личность-личность», которая включает в себя две составляющие: внутреннюю, содержательную, отражающую качество отношений

и внешнюю, формальную, отражающую структурную организацию личностного бытия.

Качественные отношения в межличностном измерении пространства личности предполагают, что «...в коммуникативном процессе осуществляется не просто обмен закодированной в вербальных или невербальных знаках информацией, но этот обмен изначально включен в социальное взаимодействие и зависит от социальных параметров коммуникаторов. Из этих характеристик процесса коммуникации складывается феномен понимания, без которого невозможно социальное действие. Социальные связи и отношения базируются на едином символизме знака, дискурса и действия, и это единство, будучи в конечном счете единством понимания, определяет общество как целое»¹, которое в свою очередь организует личностное бытие.

Специфика межличностного измерения пространства личности заключается в том, что наличие в системе «личность – личность» отношений эквивалентности (типа равенства), толерантности (сходства), порядка, различающиеся по признаку выполнения/ невыполнения для них свойств рефлексивности/антирефлексивности, симметричности, транзитивности. Таким образом, отношения в системе «личность-личность», предопределяя качественные отношения и организацию личностного бытия, формируют специфику межличностного измерения в пространстве личности.

Межличностное измерение пространства личности в структуре социума, занимая место между социальным и внутриличностным измерениями, включает в себя те качественные отношения, которые способствуя организации личностного бытия обеспечивают наиболее комфортное для личности взаимодействие с социумом на уровне «личность – личность» и формирование наиболее благоприятного «Я-образа» на внутриличностном уровне.

Между межличностным измерением пространства личности и социумом в процессе жизнедеятельности личности складываются взаимосвязи в виде: равенства, сходства, порядка.

Внутриличностное измерение пространства личности как социально-философская категория есть существование личности в процессе ее жизнедеятельности, определяемое субъективной реальностью, формируемой в результате изменений внутриличностных составляющих личности (интеллектуальные и эмоционально-чувственные процессы, способы мышления, стиль восприятия мира,

¹ Пшегусова Г.С. Социальная коммуникация: Сущность, типология, способы организации коммуникативного пространства/ Дисс.д.филос.н., Ростов-на-Дону, 2003, 320 с.

морально-этические и правовые формы общения), происходящих как реакция на трансформации в иных измерениях пространства личности (межличностное, социальное).

Внутриличностное измерение пространства личности является производным от понятия «внутренний» (субъективный) мир, понимаемый как некая психическая реальность определяемая потребностно-ценностной и эмоционально-рациональной сферами, выступающая в качестве источника духовной энергии личности и проявляющаяся во вне в качестве сознательной духовной жизни личности. Однако структура внутриличностного измерения в большой степени формируется архетипами. При этом архетип включает в себя такие составляющие, как символизм (восприятие архетипа сознанием в виде образа, например, образа Змеи, Матери, Отца), материальный компонент (чувственное содержание воспринятое сознанием), эмоционально-динамические компоненты (процессы, происходящие в бессознательном и между сознательным и бессознательным, проявляющиеся во вне в виде эмоций, проекций, увлечений, состояний, ощущений). «Как а priori обуславливающие факторы, [архетипы] представляют особую, психологическую ипостась биологического «шаблона поведения», который придает всем живым существам их особые качества»¹. Наиболее проявляется влияние архетипа на поведение личности в период нахождения им в универсальных жизненных ситуациях: рождение, супружество, материнство/отцовство, потери/неудачи, обретения/успех. Таким образом, разрушая или подменяя архетип можно управлять содержанием внутриличностного измерения пространства личности, а значит, и ее мыслями – чувствами, направляя тем самым поведение.

Внутренний духовный мир личности имеет свою структуру, которая включает в себя познание (потребность в знаниях, формирующая интеллект), эмоции (индивидуальные переживания по поводу и без), чувства (длительные эмоциональные состояния, имеющие выраженный предметный характер), мировоззрение (система взглядов на мир, себя, и себя в мире, включающая в себя знания; ценности; принципы; идеалы; убеждения).

Отличительным структурным элементом внутриличностного измерения пространства личности от внутриличностного мира является включение в него Я-образа как главного ядра, которому подчинены все остальные элементы. Таким образом, структура внутриличностного измерения пространства личности состоит из Я-образа, познания, эмоций, чувств, мировоззрения. При этом внутриличностное измерение, представляя собой целостное явление, испол-

¹ Юнг К.Г. Тавистокские лекции. М.: Мысль 1999, 379 с.

нено противоречий, что делает его наиболее подвижным из всех измерений пространства личности. Соответственно внутриличностное измерение пространства личности, являясь производным от понятия «внутренний» (субъективный) мир, и вбирая в себя его качества и структуру, не тождественно ему, поскольку выступает как качественно иное образование – социокультурная система, специфика которой определяется ее структурой и системными характеристиками. Внутриличностное измерение пространства личности как социокультурная система, проявляя себя в конкретной социокультурной ситуации, которая может быть определена как «совокупность условий и обстоятельств, структурирующих социальное пространство с точки зрения культурного приоритета и развивающих во времени культурную доминанту процесса общественного развития на макро-социальном, групповом и личностном уровнях»¹, структурирует социальное пространство с позиции доминанты внутриличностного начала. При этом происходит взаимодействие структурных компонентов внутриличностного измерения со структурными компонентами социокультурной ситуации (цивилизационный, антропологический, семиотический, информацуйонный (по Е.В. Листвиной), в процессе которого осуществляется взаимовлияние и взаимоизменение.

Таким образом, авторская новизна заключается в следующем. Введено авторское понятие «пространство личности», выделены и концептуализированы три измерения пространства личности: социальное, межличностное, внутриличностное. Сделан вывод о том, что социальное пространство личности в структуре социума занимает срединное положение, выступая в качестве стабилизационной прослойки между межличностным и внутриличностным социальными пространствами и социумом. Определена специфика измерений пространства личности. Определено положение межличностного измерения пространства личности в структуре социума, а также выделены взаимосвязи, формирующиеся между межличностным измерением пространства личности и социумом в процессе жизнедеятельности личности. Выделены особенности внутриличностного измерения пространства личности как социокультурной системы, а также взаимосвязи, формирующиеся между межличностным измерением пространства личности и социумом в процессе жизнедеятельности личности.

¹ Листвина Е.В. Социокультурная ситуация: пространственный аспект/ http://www.riku.ru/confs/vrem_cul/ListTxt.htm [Электронный ресурс] Дата просмотра 05.05.2012.

Библиография

1. Аша С. Воздействие группового давления на изменения и искажения суждений // <http://www.psyinst.ru/library.php?part=article&id=2334> [Электронный ресурс]. Дата просмотра 12.05.2012.
2. Листвина Е.В. Социокультурная ситуация: пространственный аспект/http://www.riku.ru/confs/vrem_cul/ListTxt.htm [Электронный ресурс]. Дата просмотра 05.05.2012. Пшегусова Г.С. Социальная коммуникация: Сущность, типология, способы организации коммуникативного пространства/ Дисс..д.филос.н., Ростов-на-Дону, 2003, 320 с.
3. Юнг К.Г. Тавистокские лекции. М.: Мысль 1999, 379 с.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

*ИВАЩЕНКОВА Наталия Викторовна,
аспирант института социологии РАН
ivashenkova.natalia@yandex.ru*

Профессиональный выбор современной молодежи и рынок труда/ Professional choice of contemporary youth and labor market

Аннотация

В статье проводится анализ проблемы профессионального выбора в условиях постиндустриальных изменений. Изменения в структуре неравенства, прекаризация труда, дисбаланс между сферой образования и рынка труда рассматриваются в контексте профессионального выбора современной молодежи. Анализ структуры профессионального выбора проводится как в социально-экономическом (занятость, неравенство, профессиональный статус), так и в социально-психологическом (стратегии идентификации, «кризисы идентичности») измерениях.

Ключевые слова

Профессиональный выбор; трудовая этика; прекариат; постиндустриализм; кризис идентичности; система образования; институт образования.

Abstract

The article provides the analysis of problem of professional choice under conditions of postindustrial changes. Changes in the inequality structure, labor precarity, misbalance between educational domain and domain of labor market are considered in the context of professional choice of contemporary youth. The analysis of professional choice structure is conducted in two dimensions – socio-economic dimension (employment, inequality, occupational status) and socio-psychological dimension (identification strategies, “identity crises”).

Keywords

Professional choice; labor ethics; precariat; post-industrialism; identity crisis; system of education; educational institution.

Социальные феномены, являющиеся предметом социологии с момента ее возникновения, получают новые очертания в связи с изменениями в глобализирующемся обществе¹. Структурированный и организованный социальный мир эпохи традиционного общества и модерна уступает место социальной реальности постмодерна, которая характеризуется отсутствием строго определенных социальных границ и иерархий, плавным переходом от одних форм социальной организации к другим и даже симбиозом различных форм социальной организации в пределах одного социального института. Такая характеристика глобализирующегося общества, как его «текучесть» (в терминах З. Баумана)² дает основание утверждать, что современная социальная реальность организуется по принципам, предполагающим повышенную рискогенность и необходимость постоянного внутреннего самоконтроля со стороны социальной системы.

Описываемый И. Валлерстайном «конец знакомого мира»³ можно воспринимать как в макроисторическом смысле, так и в смысле трансформации социальной структуры современных обществ, что предполагает накопление кризисных симптомов в глобальной политике и глобальной экономике, появление большого количества относительно незащищенных социальных слоев, возрастание социальной напряженности и, как следствие, протестного потенциала.

Как «общество риска» характеризует современную социальную реальность и другой теоретик глобализирующегося общества – У. Бек⁴. Модернизация внутри индустриального общества приводит не только к переоформлению его внутренних границ, снятию прежних социальных противоречий, но также к постепенному «вымыванию» ее генотипа и зарождению внутри индустриального общества черт постиндустриального социального порядка. Данный феномен представляет базу для возникновения многих рисков и конфликтогенных ситуаций, которые не были известны обществу модерна. Одним из таких проявлений постиндустриальных социальных изменений является трансформация проблемы профессионального выбора, воз-

¹ Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: МГИМО (У) МИД России, 2008.

² Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

³ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004.

⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

никновение проблем образовательного, экономического и политического порядков. В настоящей статье анализируется проблематика профессионального выбора в условиях постиндустриального развития и ее взаимосвязь с трудовыми отношениями и трансформацией образовательных институтов.

Профессиональный выбор в среде молодежи во многом определяется макросоциальным контекстом, в котором идеологические импликации играют далеко не последнюю роль. В частности, такая проблема, как отношение к труду, в значительной степени определяется как общественными дискуссиями, так и политическим порядком.

К примеру, в советское время в среде старших поколений, переживших войну, господствовало отношение к труду как к долгу, который каждый сознательный гражданин обязан отдать обществу. «Жизнь ради подвига, а не ради выгоды» – вот главный императив, который господствовал в обществе, совершившем резкий скачок к индустриальному развитию и победившем мощного внешнего врага. Этика самопожертвования для блага других была одним из главных компонентов в ценностной структуре советского общества.

Однако фундаментальные сдвиги в общественном сознании, произошедшие после развенчания культа личности Сталина и ознаменовавшие последующую эпоху «застоя», породили новую форму трудовой морали. Труд ради долга сменился трудом ради любимого дела и ради собственной выгоды, и в этом были скрыты угроза воспроизводству советской системы и зародыш нового социального устройства, основанного на рыночной экономике и свободном предпринимательстве. Элиминация идеала труда как общественно-го долга из коллективного сознания советских людей означала крен в сторону капиталистического развития, скрывая опасность гибели советского государства. Нарушение преемственности институционального развития в 1990-е годы вызвало к жизни то, что подспудно уже существовало в советском обществе. Последнее десятилетие XX века ознаменовалось появлением поколений социальных субъектов, для которых новый социальный порядок представляет собой ресурс социального восхождения. Современные исследователи отмечают сопутствующие этому изменения социальных императивов. Среди них императив: «Жизнь не ради подвига, а ради удовольствия» – можно рассматривать как реализацию компенсаторной защиты от многочисленных проявлений аномии, сопровождавших процесс смены социального порядка¹.

¹ Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009.

Проблематика молодежи в социальных трансформациях представляет особый интерес в силу самой специфики молодежи как «скрытого ресурса общества», а также по причине того, что молодость как феномен индивидуальной и социальной психологии представляет собой сферу имплицитных противоречий, частично являющихся преломлением внешних социальных противоречий в сознании молодых поколений, частично происходящих из молодежных «кризисов идентичности».

Инициации, распространенные в традиционных обществах и нацеленные на включение индивида в социальную общность благодаря достижению им соответствующего возраста и достаточной социальной зрелости, сегодня также имеют место, хотя и в латентной форме. Эти функции берут на себя образовательные структуры, предоставляющие базу для социализации личности, способствующие усвоению социальных норм и обеспечивающие, в конечном счете, фундамент для самореализации личности¹.

В рамках идущей в постмодернистской философии дискуссии об образовательных институтах проблематику профессионального выбора можно связать с идеями кризиса школьной системы. В концепции «общества без школ» И. Иллича предлагается стратегия освобождения от школы, или деинституционализации школы (*deschooling*). Взамен стратегии внешнего научения знаниям Иллич предлагает стратегию свободного образования, в котором культурные образцы будут не пассивно усваиваться, а самостоятельно формироваться учащимся в процессе творческого обучения.

В своем анализе университетской системы П. Бурдьё настаивает на необходимости упорядочения отношений образовательных институтов с внешним социальным миром². Взамен символического принуждения, которое характеризует образовательные институты, в постмодернистской рефлексии на первый план выступают символические революции, суть которых состоит в переосмыслении социального номоса, в изобретении новых принципов смыслового конструирования и их легитимации. Образовательная деятельность, по мысли Бурдьё, должна быть перенаправлена от аксиоматики к практике.

Рефлексия над основаниями европейской системы ценностей, предпринимаемая в постмодернистской философии, вскрывает систему смыслов, положенных в основу школьного образования и университетского воспроизводства профессиональных компетенций.

¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.

² Бурдьё П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений. М.: Socio-Logos, 1996. С. 8–31.

Эта система смыслов последовательно воспроизводит императивы нескольких исторических эпох, начиная со средневековых традиций образования и заканчивая традициями, созданными в эпоху европейского Просвещения. Символические и смысловые основы школьного образования, основанные на культивировании чувства принадлежности к социальному институту, который концентрирует в себе идею порядка, ставятся вслед за парижскими студентами 1968 года под сомнение мыслителями-постмодернистами. Система статусов и ролей в образовательных институтах, структура отношений между учителем и учеником – всё это подвергается анализу с целью раскрытия глубинного основания школьной системы.

Один из теоретиков профессионального выбора К. Робертс предложил теорию «структуры возможностей», в которой «карьера должна рассматриваться как развивающаяся модель, формирующаяся под влиянием структур случая»¹. Подразумеваются возможности, с которыми встречается индивид в процессе образования, а после – на работе. Амбиции человека являются отражением влияния разнообразных структур, через которые индивид проходит. Станут ли выпускники менеджерами, инженерами, психологами, юристами или экономистами зависит в большей степени не от желаний молодежи, а от образовательных дорог, по которым они идут, и от возможностей построить карьеру к моменту окончания вузов. Пространство выбора профессии после получения высшего образования, даже самого высокого уровня сильно ограничено. Изначальные профессиональные позиции не сильно различаются, скорее они являются встроенными в систему неравенства. Например, почему выпускники университета редко становятся дворниками? В таком случае можно предположить, что «выбор» делается обществом путем формирования в общественном сознании системы неравенств в профессиональном труде.

Рассматриваемый вопрос во многом зародился в Америке. В США часто изучают влияние семьи, внешнего окружения, образования на желания обладать навыками той или иной профессии. Распространенным является мнение о том, что в демократическом обществе молодежь способна создавать свое будущее, ограничиваясь при этом только своими талантами и способностями. В связи с этим желания молодежи рассматривались как основные детерминанты выбора школ, колледжей, университетов.

В Великобритании подход был иным: желания молодежи не воспринимались как основные детерминанты образовательного процес-

¹ Brown D. Career choice and development / Duane Brown and associates. 4th ed. San Francisco: Jossey-bass a Wiley Company, 2002.

са. В то же время такие субъективные факторы, как желания, мечты, способности, учитывались в исследованиях. В соответствии с одной из социологических школ они являются основными переменными, которые дают возможность объяснить взаимоотношения между происхождением студентов и их образовательными траекториями.

Профессиональный выбор тесно связан с иерархией престижности профессий. Структура этой иерархии экономически и политически обусловлена, а также испытывает влияние со стороны такого фактора, как «мода». Первым, кто заговорил о социальном престиже, считается Э. Дюркгейм. Он писал о том, что работники вследствие разделения труда в начале индустриальной эпохи уже имели какие-либо представления, связанные с престижем профессий: представляли себе специальности как более или менее привилегированные, более или менее оплачиваемые. Представления о статусе, о профессиональных обязанностях того или иного специалиста постепенно сложились в субъективную картину иерархии профессий. Позже эту иерархию назовут престижем профессий. В научном сообществе понятие престижа приобрело множество значений. Кто-то понимал его как «сумму всех вознаграждений, выпадающих на долю данной профессии», для кого-то престиж профессии представлял собой комбинацию выполняемой работы и рабочей ситуации, были и другие точки зрения.

Обобщая, можно определить престиж профессии «как авторитет, уважение к профессии со стороны общества, репутацию профессии в социуме, ее положение в иерархии относительно других профессий в представлениях людей»¹.

Изменения в стратификационных системах ставят перед исследователями профессионального выбора ряд теоретических проблем, неизвестных ранее. Одной из таких проблем можно считать появление «опасного социального класса» – прекариата, т.е. индивидов, не обладающих систематической занятостью на рынке труда или имеющих нестабильную занятость и непостоянные источники дохода, и, как следствие, неоднозначно определяемый социальный статус. Опасность, которая исходила от пролетариата – люмпенизированных социальных слоев в эпоху индустриализма, в настоящее время переносится исследователями на прекариат. В силу своей крайней неоднородности прекаризованные социальные группы пока не имеют главного определяющего фактора социального класса – классового самосознания, превращающего, согласно логике марксизма, «класс-

¹ Руднев М.Г. Методология и основные результаты исследований престижа профессий в зарубежной социологии // Вопросы образования. 2008. №2. С. 217–239.

в-себе» в «класс-для-себя», однако углубление противоречий между официальным и неофициальным секторами рынка труда позволяет предполагать возможность самоорганизации социальных групп с нестабильным социальным статусом и протестным потенциалом, обостряющимся во времена финансово-экономических кризисов.

Среди прекаризованных социальных групп обращает на себя внимание преобладание молодых специалистов, которые не обладают постоянной занятостью как в силу социоструктурных условий рынка труда в развитых западных странах, неоформленности трудовых отношений, так и в силу мировоззренческого протеста против широко распространенных ценностей среднего класса. Условия рынка труда, способствующие прекаризации молодежи, состоят в наблюдаемом перепроизводстве специалистов гуманитарного профиля и отчетливой нехватке трудовых кадров с инженерно-техническими специальностями. Негативный характер этого явления описывается исследователями в терминах маргинализации и аномии [5; 8]. Однако наряду с маргинализацией представителей «опасного класса» прекаризация может угрожать социальной структуре в целом и, прежде всего, среднему классу как носителю ценности стабильности. Л. Эрхард охарактеризовал в 1954 г. средний класс как «граждан, которые готовы нести за себя ответственность и обеспечить свое существование собственным результативным трудом. Качественными признаками достоинств среднего класса являются чувство собственного достоинства, уверенное и стабильное социальное положение, независимость существования и суждений, смелость поставить свое существование в зависимость от результативности собственного труда и желание заявить о себе в свободном обществе и свободном мире»¹.

В настоящее время исследования профессионального выбора в социологии и смежных дисциплинах стимулируются реформированием системы образования. Одной из целей реформ является оптимизация образовательных институтов и процесса образования в соответствии с вызовами внешней среды и, прежде всего, рынка труда. Диктуемые современностью проблемы, такие как дисбаланс на рынке труда, избыточный характер образования в одних сферах и недостаточный в других, прекаризация трудовых отношений – всё это позволяет говорить о теме профессионального выбора как одной из самых острых не только на индивидуально-личностном уровне, но и на уровне социальных систем.

¹ Симонян Р.Х. Средний класс в современной России: миф или реальность? // Общественные науки и современность. 2008. №1. С. 37–49.

Увеличение доли молодежи среди прекаризованных социальных групп является одним из следствий столкновения двух реальностей – реальности образовательных институтов и реальности современного рынка труда. Система образования как в западных странах, так и в России продолжает воспроизводить специалистов с фиксированным набором профессиональных компетенций, не адаптированных к существующим на рынке труда реалиям. Результатом этого является ситуация выбора работодателем специалиста не по критерию соответствия его образовательного профиля вакансии, а либо по критерию более высокого образовательного уровня (к примеру, между специалистом и магистром предпочтение отдается магистру), либо по критерию профессиональных навыков, нередко не связанных с требуемой квалификацией. Соответственно, заполнение ниш на рынке труда, связанное с ситуативными факторами, не снимает проблему трудоустройства молодежи, в большей степени провоцируя появление множества невостребованных молодых специалистов, в профессиональной жизни которых проявился феномен «избыточного образования».

Парадоксальность данного феномена состоит в том, что индивиды, обладающие относительно низким уровнем образования, имеют больше шансов трудоустройства, то есть образование превращается из социального ресурса, обеспечивающего восходящую социальную мобильность, в барьер для получения гарантированной (и нередко квалифицированной) занятости. Проблема профессионального выбора в подобных условиях становится идентификатором взаимодействия и – в данном случае – взаимного рассогласования сферы образования и рынка труда. Спрос в образовательных учреждениях на специальности, которые не обеспечивают профессиональную занятость на рынке труда, при очевидном недопроизводстве узкоквалифицированных специалистов представляет собой кризисную ситуацию в сфере профессионального выбора. В терминах теории профессионального выбора К. Робертса «структура возможностей» молодого представителя прекаризованного социального слоя в наибольшей степени определяется не его личными амбициями и даже не структурой неравенства, а существующим дисбалансом между образованием и рынком труда.

Решением данной проблемы китайские исследователи¹ считают максимально полное использование выпускниками информационных каналов о востребованных специальностях и, соответственно, возможностях социальной мобильности, а также формирование продуманных индивидуальных стратегий получения образования и

¹ Fengliang L. Job search and over-education: Evidence from China's labour market for postgraduates // Perspectives in Education. 2010. № 28 (2). P. 41–50.

трудоустройства. Впрочем, решение данной проблемы на уровне агента, а не на уровне системы способно лишь на время замаскировать назревшую необходимость формирования стратегий взаимодействия образовательного пространства и рынка труда, целью которого является преодоление существующей асимметрии.

В психоанализе Э. Эриксона идентичность тесно связана с такой характеристикой индивида, как способность найти тождественность с самим собой и сохранять ее, приумножая самопознание и самоотождествление при столкновении с внешними и внутренними противоречиями¹. Характерной чертой всего жизненного цикла человека Эриксон считал наличие внутренних конфликтов на каждой стадии жизненного цикла, успешное преодоление которых способствует переходу на следующую стадию, также характеризующуюся внутренним личностным конфликтом.

Молодежь в теории Эриксона по определению представляет собой рискогенную группу, поскольку ей в наибольшей степени свойственны проблемы, связанные с идентичностью. В числе этих проблем можно упомянуть «кризис идентичности», проявляющийся в дисбалансе структуры идентичности молодого человека, «негативной идентичности», наличии особых, «кризисных» идентичностей (профессиональной, национальной, религиозной и т.д.), которые выступают агентами кризисной идентификации, а также в «диффузии идентичности» как синдроме размывания критериев самоотождествления. Диффузия идентичности представляет собой результат неспособности выработать механизм разрешения внутреннего конфликта юности и свойственного ей кризиса самоопределения. Диффузия идентичности в среде современных молодых профессионалов, испытывающих на себе последствия прекаризации трудовых отношений, может быть рассмотрена как психологический и микросоциальный аналог макропроцесса размывания социальных норм и институтов в рамках общества «текущей современности».

Современная социальная реальность испытывает кризисы, корни которых лежат в том числе в сфере индивидуальной идентификации и личностного смыслополагания. Исходя из вышеизложенного, молодежь представляет собой как «группу риска», испытывающую на себе негативные последствия избыточности образования, прекаризации социально-трудовых отношений и невостребованности на рынке труда, так и в силу присущего ей инновационного потенциала наиболее ресурсную группу [6], которая в состоянии как выработать

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006.

индивидуальные стратегии совладания с риском, так и способствовать выработке этих стратегий на уровне социальной системы.

Библиография

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Бурдьё П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений. М.: Socio-Logos, 1996. С. 8–31.
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004.
5. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–15.
6. Голиусова Ю.В. Современная российская молодежь: образование, труд, занятость // LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&CoKG, Saarbrucken, Germany, 2012.
7. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
9. Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: МГИМО (У) МИД России, 2008.
10. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
11. Руднев М.Г. Методология и основные результаты исследований престижа профессий в зарубежной социологии // Вопросы образования. 2008. №2. С. 217–239.
12. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009.
13. Симонян Р.Х. Средний класс в современной России: миф или реальность? // Общественные науки и современность. 2008. №1. С. 37–49.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006.
15. Brown D. Career choice and development / Duane Brown and associates. 4th ed. San Francisco: Jossey-bass a Wiley Company, 2002.
16. Fengliang L. Job search and over-education: Evidence from China's labour market for postgraduates // Perspectives in Education. 2010. № 28 (2). P. 41–50.
- Illich I. Deschooling Society. 1971. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.preservenet.com/theory/Illich/Deschooling/intro.html> (дата обращения: 06.02.2016).

РЕЦЕНЗИИ

*КАЛЬЧЕНКО Анна Георгиевна,
к.ф.н., доцент Института бизнеса
и делового администрирования
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
anna.kalchenko@rambler.ru*

Культура как существенный модернизационный потенциал

(рецензия на монографию А.Л. Маршака, Л.В. Рожковой «Социокультурная модернизация». – Научно-издательский центр «Академика», 2015. – 295 с.)

Аннотация

Публикация представляет собой рецензию на монографию, посвященную проблемам социокультурной модернизации в современной России. Анализируются особенности модернизации современного российского общества. Культура рассматривается в качестве существенного модернизационного потенциала.

Ключевые слова

Модернизация; социокультурная модернизация; культурно-духовная сфера; ценности и ценностные ориентации; модернизационные изменения; культурная политика.

Abstract

The publication is a review of a monograph devoted to the problems of social and cultural modernization in modern Russia. The features of the modernization of a modern Russian society are analyzed. Culture is regarded as a significant modernization potential.

Keywords

Modernization; social and cultural modernization; cultural and spiritual sphere; values and value orientation; modernization changes; cultural policy.

О росте интереса к проблемам модернизации в современной России свидетельствует возрастающее число исследований в различных областях научного знания, выполненных в рамках модернизационной парадигмы. При этом экономисты и политологи, демографы и этнографы все чаще обращают внимание на необходимость практической реализации социокультурной модернизации как базисного основания успеха экономических и политических преобразований. Роль России в международной политике, ее место в постоянно изменяющемся глобальном мире в значительной степени зависит не только от успехов модернизационных процессов в экономической и политической сферах, но и от способности населения поддерживать модернизационные преобразования.

В представленной монографии авторы впервые в новой России обобщают материал, характеризующий роль и значение модернизационных процессов не просто в сфере культуры, а именно в достаточно редко анализируемой культурно-духовной сфере жизни общества. И хотя такое разделение общественных сфер достаточно условно, тем не менее оно позволяет адекватно представить реальный уровень развития социокультурной жизнедеятельности.

В отличие от многих исследований, авторы которых с кем-то спорят, с кем-то не согласны, монография представляет собой, прежде всего, теоретическое осмысление, систематизацию того материала, который уже наработан. Ее авторы ни с кем не спорят, они не стремятся что-то доказывать, они просто растолковывают смысл и теоретическую значимость того, что написали другие, оставляя за читателем право расставить собственные акценты. Интересным методическим приемом является встраивание точки зрения авторов в общий контекст изложения, что позволяет воспринимать ее как одну из существующих и толерантную ко всем другим, а вовсе не как истину в последней инстанции.

С точки зрения методологии исследования особой заслугой авторов является использование социологических данных в качестве основы для анализа проблем социокультурной модернизации России. Социологический подход позволяет в полной мере соединить теоретические и прикладные исследования, уходя от абстрактных дискуссий и изучая процессы культурного развития сквозь призму систем ценностей и норм отдельных индивидов и основных социальных групп, которые отражают ценностно-нормативные установки и главные формы поведения в основных социальных институтах.

Исследование начинается с анализа эволюции модернизационных теорий на Западе. Обращаясь сначала к работам представителей классической социологии, которые рассматривали модерниза-

цию как процесс вытеснения традиций современностью и, следовательно, описывали процесс «первичной» (органической) модернизации, авторы подробно описывают основные современные подходы и типы модернизации.

При характеристике модернизационных процессов, имевших место в советской дореформенной России, отечественные и зарубежные исследователи используют такие термины, как «особый тип общества модерна» (J. Arnason), «консервативная модернизация» (А. Кара-Мурза, А. Вишневский и др.), «догоняющая и имперская модернизация» (А. Скорик, С. Гавров и др.) и т.п. В рамках такой модернизации блокируются институты общества модерна (рыночная экономика и демократия), что не способствует созданию механизмов саморазвития. В последние годы, характеризуя преобразования в России и современном мире в целом, все чаще говорят о возможности национальных проектов модернизации. И этот вывод основывается на констатации того факта, что «Запад сам трансформируется» (В. Федотов), с одной стороны, и признании социокультурной специфики и самобытности России – с другой.

С учетом заявленной темы монографического исследования особый интерес представляют анализ и систематизация различных точек зрения на объем и содержание базисной дефиниции – социокультурная модернизация. Авторы выделяют три подхода российских социологов к теоретическому осмыслению этого явления – системный, нормативно-ценностный и социально-управленческий – и сразу заявляют о своей приверженности ко второму из них.

С точки зрения социологического анализа значительный интерес представляет предложенная авторами модель социально-культурной структуры общества, как отражение специфики российского мультикультурализма. Исследуя реальные процессы трансформации современной российской культуры, авторы выделяют внутри нее четыре достаточно очевидных течения или культурных слоя, которые во многом определяют культурную модернизацию современной России. В первую очередь это так называемые «традиционалисты», существование которых свидетельствует о возрождении самосознания российского народа в новых исторических условиях. Они генетически связаны с культурными традициями, а также базовыми инструментальными системами ценностей советской эпохи. Далее – во многом противостоящие им носители либеральных взглядов и ценностей либеральной культуры, приверженцы авангардизма в искусстве и новых, нетрадиционных форм в культуре. Третий слой представляют консерваторы, стоящие в стороне от процессов глобализации. Они тяжело переживают распад традицион-

ной национальной культуры и по сути противостоят модернизации в ее современном понимании. И наконец, к четвертому слою относятся приверженцы религиозной культуры, весьма многочисленные и разнообразные по своему составу. Эти реально существующие культурные слои в сочетании с так называемыми субкультурными, которые в отличие от первых более подвижны, но не менее важны, позволяют получить достаточно полное представление о содержании мультикультурного развития современного российского общества. [Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Социокультурная модернизация. 2015: 54]

Рассматривая проблемы очевидной модернизации современной духовной жизни РФ, авторы обращаются прежде всего к содержанию концепции мультикультурализма и сравнивают его с широко разрекламированной в свое время концепцией «плавильного котла». Проблемы мультикультурной политики приобрели особую актуальность несколько лет назад в связи с усиливающимися во многом хаотическими и непредсказуемыми миграционными процессами на европейском континенте. Общеизвестно, что лидеры Германии и Франции неоднократно заявляли о «провале» политики мультикультурализма в своих странах. В этой связи авторы рецензируемой работы теоретически осмысленно и аксиологически справедливо отмечают, что, признавая, с одной стороны, самоценность культурного разнообразия и принципиальную невозможность ранжирования различных культур, реально проводимая в ряде стран Европы политика мультикультурализма, с другой стороны, ведет к усложнению процессов культурной ассимиляции и усилению межгруппового этнокультурного недоверия.

На повестке дня – определение новых принципов толерантного сосуществования различных культур и гармонизации взаимодействия представителей различных этнических и религиозных групп. Именно религии и религиозной идентичности принадлежит в настоящее время особая роль в формировании стабильных социокультурных механизмов.

Развитие социокультурной сферы предполагает модернизацию сферы образования, науки, культуры и искусства. Раскрывая особенности и качественную определенность модернизационных процессов в каждой из этих сфер отдельно, авторы четко придерживаются общей логики изложения: нормативные документы, статистические данные, анализ результатов социологических исследований, определение основных направлений модернизации – стратегии развития. Это позволяет получить целостное представление о со-

держании и сущности проблем, а также перспективах развития каждой из этих сфер социального бытия современной России.

Формирование современных, модернизационных ценностей и ценностных ориентаций, их синтез с традиционными ценностями отечественной культуры авторы выделяют в числе определяющих направлений социокультурной модернизации. Демонстрируя разнообразие теоретических подходов к определению понятия ценности, авторы обосновывают необходимость построения и последующего праксеологического применения типологии ценностей, выделяют в качестве социокультурного основания типологии их неизбежное и необходимое соотношение с определенным типом цивилизации.

В работе широко представлены обобщенные результаты наиболее глубоких и многоаспектных социологических исследований ценностей россиян, начиная с середины 90-х гг. прошлого столетия [Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Социокультурная модернизация. 2015: 104–114]. Прослеживаются процессы трансформации ценностной сферы в современных условиях.

Изучение процессов нравственного развития личности предполагает анализ связи между нравственными требованиями общества и реальным поведением индивида. В этой связи авторы рассматривают такие компоненты гражданственности, как правовая и политическая культура, гражданская активность и активная гражданская позиция, гражданский долг и гражданская ответственность, при этом выделяют патриотизм в качестве основной составляющей гражданственности.

Авторы с горечью говорят о кризисе духовно-нравственной сферы и очевидной моральной деградации российского общества, отмечают падение нравов не только в России, но и во всем мире в целом. Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что в группе риска находится прежде всего молодежь, в том числе и «зрелая», то есть до 26-30 лет, более трети которой (37%) можно отнести к группе людей с низким моральным статусом. Несомненный интерес представляет материал, включенный в главу «Модернизационные изменения в сфере нравственности и морали», демонстрирующий динамику нравственного состояния современного российского общества, выявленную исследователями института психологии РАН.

Авторы рассматривают социокультурный подход в качестве ведущего теоретико-методологического основания анализа процессов социокультурной модернизации в России. Именно социокультурный подход позволяет связать воедино общество, культуру и индивида, определить соотносимость типа личности и типа общества.

Разнообразие подходов к осмыслению культурной политики связано прежде всего с многозначностью самого понятия «политика». Этим обстоятельством авторы объясняют наличие множества типологий культурной политики, разработанных на основе трех основных подходов – целевого, институционального и ресурсного – и представленных в отечественной и зарубежной литературе. В монографии рассматриваются различные модели, уровни и аспекты культурной политики, обращается внимание на необходимость гармонизации интересов государства и бизнеса в сфере деятельности культуры.

Несомненным достоинством работы являются многочисленные таблицы, схемы и рисунки, позволяющие не только проиллюстрировать изложенный материал, но и сделать его более достоверным и прагматически значимым.

Монография представляет собой комплексное, систематизированное исследование, написанное в хороших традициях отечественной научно-популярной литературы. Выбрав социологический подход в качестве ведущего метода исследования, авторы остаются верными ему на протяжении всей работы и в полной мере демонстрируют полипарадигмальный характер социологии как науки. Обширный библиографический список свидетельствует о глубине проработки проблемы и может быть успешно использован для работы над близкими темами. Рецензируемая работа написана четким и ясным языком, аргументирована и логична, поэтому она представляет несомненный интерес для всех, интересующихся проблемами духовной жизни общества.

Вера авторов в самодостаточность России, величие и самобытность российской культуры, ее несомненную включенность в общемировые цивилизационные процессы делает исследование актуальным, придает ему практически-действенный характер, нацеливает на дальнейший поиск путей обновления российской культуры.

Библиография

Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Социокультурная модернизация. Монография. Научно-издательский центр «Академика». 2015. – 295 с.

*КРАВЧЕНКО Сергей Алексеевич,
д.ф.н., профессор, зав. кафедрой социологии
МГИМО (У) МИД России*

**Актуальные проблемы провокации:
новые риски в политике, культуре, коммуникациях**

(Рецензия на книгу: Провокация: сферы коммуникативного проявления: сборник статей / кол. авторов; под ред. чл-корр. РАН А.В. Дмитриева – М.: РУЧАЙНС, 2016. – 158 с.)

Под редакцией члена-корреспондента РАН А.В. Дмитриева вышла в свет книга [Провокация..., 2016], представляющая социологические исследование усложняющейся природы провокации. Предложенный авторами теоретико-методологический инструментарий её анализа крайне важен для интерпретации неопределенностей и рисков современности. Работа выполнена в рамках исследовательского гранта РФНФ. Она не является «вдруг событием», а представляет собой логическое продолжение исследований противоречий и конфликтов современного социума [Дмитриев, Сычев, 2014; Дмитриев, 2012; Дмитриев, 2002].

Предложена новаторская концепция провокации, опирающаяся, однако, на прежние правовые, историко-политологические, философские, коммуникативные и даже медицинские подходы к определению провокации. Каждый из существующих подходов весьма важен в понимании феномена провокации, который развивался в процессе социальной и культурной динамике общества. Корни провокации уходят в события до Рождества Христова. Заинтересованный читатель, несомненно, найдет для себя много нового и интересного в приводимых и анализируемых примерах историй провокаций. На их основе делается вывод о том, что провокация ассоциируется с такими негативными явлениями, как подстрекательство, предательство, обман, клевета, манипулирование как общественным сознанием, так и разумом отдельного человека. «Блокируя определяющую для человека способность разумно рассуждать, провокация низводит его на уровень инструмента в чужих руках» [Провокация..., 2016: 12-13].

До появления настоящей книги провокация главным образом получала философские осмысления, в которых связывается со скептическим отношением к разуму. Вместе с тем, сами философы нередко прибегали к провокации, чтобы привлечь к своим идеям ажиотажное внимание. Некоторые иррационалистические течения в философии,

по существу, сами по себе являются формами провокации – примеры тому труды Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ж. Деррида и других.

Введение провокации в социологический дискурс дал импульс новому направлению в исследовании провокаций. Авторы книги сделали её, прежде всего, предметом социологии повседневной жизни. Они дали углубленную интерпретацию того, что очевидно происходит в жизни каждого из нас, а что скрыто, латентно и заставляет «переоткрыть» многое, ранее казавшееся незыблемым. Провокации подталкивают нас к тому. Такие переоткрытия, как правило, не проходят бесследно, что рельефно видно на примере провокаций в культурной сфере. Их последствия носят амбивалентный характер – могут стать фактором «зеркала», заставляющего иначе взглянуть на наши реалии и от чего-то отказаться, а могут лишь обострить нефункциональности и дисфункциональности общества. Во всяком случае, методология социологической амбивалентности, предложенная Р. Мертон [Merton, 1976], взята авторами на вооружение и активно используется в их теоретико-методологическом инструментарии. Представляется, весьма важный вывод делает А.Л. Маршак, утверждая, что «провокации в культуре носят разносторонний характер, могут играть разную роль, объединять или разъединять людей, использоваться как орудие экстремистского толка [Провокация..., 2016: 106].

Однако участники проекта не ограничились исследованием повседневности российского общества, хотя именно на «наши, доморощенные» провокации сделан акцент, а выходят на глобальную проблематику, учитывающую реалии сложного социума. Мне, чей научный интерес находится в поле динамики современных социальных реалий [Кравченко, 2010], показался особенно привлекательным инновационный подход авторов к анализу провокаций через призму «эффекта бабочки». Его суть в том, что даже, казалось бы, локальные действия в условиях сложного социума способны вызвать лавинообразные рискогенные последствия, которые проявляются нелинейно во времени и пространстве. «Небольшие изменения в прошлом, – пишет Дж. Урри, – способны потенциально произвести огромные последствия в настоящем или будущем. Такие маленькие события “не забываются”. Теория хаоса, в частности, отвергает представления здравого смысла о том, что только большие изменения могут вызывать большие последствия... Выразим эту мысль проще – нет согласующихся отношений между причиной и результатом события. Скорее, отношения между переменными могут быть нелинейными с внезапным включением происходящего, так что одна и та же причина может в специфических обстоятель-

ствах производить разные виды последствия» [Urry, 2003: 23]. Приводимый А.В. Дмитриевым пример тому – 20 февраля 2014 года из зданий, находящихся под контролем сторонников Майдана, снайперы открыли огонь по митингующим. В преступлении был обвинен тогдашний президент Янукович. Провокация сыграла решающую роль в организации переворота, последствия которого оказались глобальными [Провокация..., 2016: 11]. Из этого следует, что в условиях сложного социума необходимо учитывать рискогенность провокаций даже, на первый взгляд, локальных событий.

Несомненным достоинством исследования явилась попытка систематизации разнovidных провокаций и обоснование их функций/дисфункций. Некоторые из предлагаемых функций сами содержат, как мне показалось, дух провокации, привлекающий к себе дополнительное внимание. Так, мне весьма симпатична социологическая метафора Е.А. Назаровой о «функции антенны», которую выполняет провокация. Её суть в «предоставлении обществу разнообразной информации, зачастую, вызывающей конфронтацию с культурой других стран» [Провокация..., 2016: 76].

Данная книга, как отмечает А.В. Дмитриев, «представляет первый по счету сборник статей» [Провокация..., 2016: 5], посвященных исследованию провокаций. Надеюсь, за ним появится монография. Как сборник статей, он не лишен ряда недостатков: авторы зачастую повторяют друг друга, есть разночтения в интерпретациях, научный аппарат не унифицирован. Однако все эти шероховатости никак не умаляют главного, что хочу особо отметить.

Книга заставляет нас задуматься о возрастающей роли провокации в современном мире, особенно в политической сфере. Она представляет собой обоснование действительно инновационного подхода к провокации – раскрывается её усложняющаяся природа и рискогенность в политике, культуре, коммуникациях. Провокации, происходящие у наших ближних и дальних соседей, к сожалению, по существу, могут оборачиваться и против россиян. Социология провокации, как ни парадоксально, переоткрывает нам простую, но вечно забываемую истину, что миссия человека – быть разумным и гуманным существом, что мне представляется особенно важным с приходом в нашу жизнь нелинейных тенденций [Кравченко, 2006]. Гуманистический стержень, стремление сделать наше общество лучше и справедливее доминируют в размышлениях авторов.

Сборник статей «Провокация: сферы коммуникативного проявления» является первой систематической работой в области социологии провокации в отечественной науке. Он отличается широтой инновационного подхода, оригинальным авторским видением про-

блемы. Хотя авторы адресуют книгу «научным работникам и специалистам», мне думается, она будет востребована широким кругом читателей, интересующихся социокультурным развитием современного мира, инновационными концепциями его познания.

Библиография

1. Дмитриев А.В. Конфликтология: краткий терминологический словарь. СПб.: СПб ГУП, 2012. – 66 с.
2. Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М.: Гардарики, 2002. – 526 с.
3. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал. Социофилософские очерки. М.: МЦСП и М., 2014. – 323 с.
4. Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования, 2010. № 10. – С. 14–25.
5. Кравченко С.А. Гуманистическая концепция Т. Лукмана и нелинейные реалии российского общества // Социс, 2006. № 8. С. 3–13.
6. Провокация: сферы коммуникативного проявления: сборник статей / кол. авторов; под ред. чл-корр. РАН А.В. Дмитриева. – М.: РУЧАЙНС, 2016. – 158 с.
7. Merton, R. Sociological Ambivalence. N.Y.: Free Press, 1976. – 287 p.
8. Urry, J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. – 184 p.

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ¹

X Международная заочная научно-практическая конференция «Молодой ученый: вызовы и перспективы». Последний день подачи заявки: 16 мая 2016 г.

L Международная заочная научно-практическая конференция «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории». Конференция состоится 18 мая 2016 года в Москве.

VI Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества». Регистрационную карту направлять вместе с материалами публикации в срок до 1 апреля 2016 г. Состоится 16-18 мая 2016 года на базе Благовещенского государственного педагогического университета (РФ) и Хэйхэского университета (КНР).

III Международная научно-практическая конференция «Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность». Желающих принять участие в конференции просим направить материалы в срок до 5 апреля 2016 г. Пройдет 22–23 апреля 2016 года на базе Брянского государственного инженерно-технологического университета.

XLVII Международная заочная научно-практическая конференция «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии». Пройдет 6 апреля 2016 года в Москве.

Международная научная очно/заочная конференция «Диалог двух культур Запада и Востока через призму единства и многообразия: древний мир, средневековье, новое и новейшее время». Для участия в конференции необходимо направить статью и заявку до 10 апреля 2016 г. Проводится 29 апреля 2016 года Институтом востоковедения имени Р.Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

¹ Подробности на сайте: <http://www.kon-ferenc.ru>.

XII Всероссийская конференция молодых ученых, аспирантов и студентов с элементами научной школы «Религия. Культура. Человек». Анкету-заявку и статью следует направлять до 5 апреля 2016 г. Конференция состоится 12-20 апреля 2016 года во Владивостоке на базе Дальневосточного федерального университета.

LIX Международная научно-практическая конференция «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии». Материалы для участия принимаются до 13 апреля 2016 года.

VI Международная научная конференция «Современные проблемы регионального развития». Заявки на участие принимаются до 15 апреля 2016 г. Будет проводиться 4-6 октября 2016 года в г. Биробиджане.

XXXIII Международная научно-практическая конференция «Наука вчера, сегодня, завтра». Материалы для участия в конференции принимаются до 18 апреля 2016 года.

Ежегодная международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Глобальные риски – локальные решения». Срок представления статей – до 25 мая 2016 г. Пройдет 18 мая 2016 года на базе Балтийского института экологии, политики и права.

Всероссийская (с международным участием) молодежная научно-практическая конференция «Человек. Общество. Культура. Социализация». Заявки для участия в конференции вместе с материалами докладов принимаются до 3 апреля 2016 г. включительно. Проводит 21-22 апреля 2016 года Молодёжное научное общество социально-гуманитарного факультета ФГБОУ ВПО «Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы».

V Международная научная конференция «Музеология – музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания». Заявки и темы доклада просим направлять в срок до 1 мая 2016 г. Конференция пройдет 23 – 25 мая 2016 года в Санкт-Петербурге.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10–12 стр.** Формат страницы – А4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Отступ первой строки абзаца – 1,25, поля на странице – 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы размечаются и поясняются на полях рукописи.** Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

6. К статье прилагается ее **электронная версия.**

По электронной почте статьи принимаются в заархивированном виде.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье обязательно прилагаются:

- **аннотация** (резюме) объемом 15–20 строк на русском и английском языках;

- **список 3–4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

- **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, **должность, ученая степень, а также** данные для связи с автором — адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются, редакция по поводу отклоненных материалов в переписку с авторами не вступает.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете:

<http://www.журналпоиск.рф>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 2 (55)
Март-Апрель 2016 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II»

Издатель

МГУПС (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель-
ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210
от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: +7 (499) 394-30-48

Для простых почтовых отправлений:
127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф

Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф